

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ 2018 № 4

*П*РОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2018

том 16

№ 4

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2018

Том 16

№ 4

Главный редактор:
д-р филол. наук, проф. В. Н. Захаров

Издается с 1990 года,
выходит 4 раза в год.

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
The Federal State-Financed Higher Educational Institution
PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

**THE PROBLEMS OF HISTORICAL
POETICS
[PROBLEMY ISTORICHESKOI POETIKI]**

2018

Vol. 16

no. 4

Chief Editor:

Vladimir N. Zakharov, Doctor of Philology, Professor

Established in 1990.

The journal is published quarterly.

185910, Russian Federation
Petrozavodsk, Petrozavodsk State University
Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
Web-site: <http://poetica.pro>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Н. ЗАХАРОВ (гл. ред.)
д-р филол. наук, проф.
(Петрозаводск).

В. И. ГАБДУЛЛИНА
д-р филол. наук, проф.
(Барнаул)

Бенами БАРРОС ГАРСИА
PhD
(Гранада, Испания)

Джузеппе ГИНИ
PhD
(Урбино, Италия)

И. А. ЕСАУЛОВ
д-р филол. наук, проф.
(Москва)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
д-р филол. наук
(Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
д-р филол. наук, проф.
(Петрозаводск)

А. В. ПИГИН
д-р филол. наук, проф.
(Петрозаводск)

Таня ПОПОВИЧ
Ph.D
(Белград, Сербия)

Н. А. ТАРАСОВА
д-р филол. наук
(Санкт-Петербург)

Йосип УЖАРЕВИЧ
д-р филол. наук, Ph.D
(Загреб, Хорватия)

Кейт ХОЛЛЭНД
PhD
(Торонто, Канада)

ЧЖОУ Ци-чао
д-р филол. наук, проф.
(Пекин, Китай)

EDITORIAL BOARD:

Vladimir ZAKHAROV
PhD, Professor (Chief Editor)
(Petrozavodsk, Moscow)

Valentina GABDULLINA
PhD, Professor
(Barnaul)

Benamí BARROS GARCÍA
PhD
(Granada, Spain)

Giuseppe GHINI
PhD, Professor
(Urbino, Italy)

Ivan ESAULOV
PhD, Professor
(Moscow)

Andrey KUNILSKY
PhD
(Petrozavodsk)

Tatyana MALCHUKOVA
PhD, Professor
(Petrozavodsk)

Alexander PIGIN
PhD, Professor
(Petrozavodsk)

Tanja POPOVIĆ
PhD, Professor
(Belgrad, Serbia)

Natalia TARASOVA
PhD
(Saint Petersburg)

Josip UŽAREVIĆ
PhD, Professor
(Zagreb, Croatia)

Kate HOLLAND
PhD
(Toronto, Canada)

ZHOU Qichao
Professor
(Beijing, China)

Журнал включен в российские и международные базы данных и системы цитирования:

The Journal is included in the russian and in the international databases of scientific citing:

Web of Science (Emerging Sources Citation Index); **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования); **ERIH PLUS** (European Reference Index for the Humanities and Social Sciences, Берген, Норвегия); **DOAJ** (Directory of Open Access Journals, Швеция); **Ulrich's Periodical Directory** (США); **EBSCOhost** (США, Алабама, Бирмингем); **East View** (США, Российская Федерация, Украина); **Google Scholar**; **WorldCat** (США); **Research Bible** (Токио, Япония); **BASE** (Bielefeld Academic Search Engine, Германия); **JURN** (Великобритания); **SLAVUS** (Slavic Humanities Index, Торонто, Канада); **EZB** (Electronic Journals Library, Регенсбург, Мюнхен, Германия); **Open Academic Journals Index** (International Network Center for Fundamental and Applied Research, Российская Федерация); **Российский импакт-фактор** (Москва, Российская Федерация); научная информационная система **Соционет** (РАН, Российская Федерация); **С.Е.Е.О.Л** (Central and Eastern European Online Library, Франкфурт, Германия); **ANVUR** (Agenzia Nazionale di Valutazione del Sistema Universitario e della Ricerca, Италия).

Журнал и его архив размещаются на сайтах и в научных электронных библиотеках:

The full-text versions of the issues are freely available on the websites and in the Scientific Electronic Libraries:

<http://poetica.pro>

<http://elibrary.ru>

<http://cyberleninka.ru>

<http://www.intelros.ru>

<http://biblioclub.ru>

<http://www.iprbookshop.ru>

<https://e.lanbook.com>

<http://www.bogoslov.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

А. П. Конкка (<i>Петрозаводск</i>). Образ рябчика (<i>Bonasa bonasia</i>) в карельской мифологии	7
И. А. Виноградов (<i>Москва</i>). «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя	29
Ю. Н. Сытина (<i>Москва</i>). «Русь, куда ж несешься ты?»: от «птицы-тройки» до железной дороги (Гоголь, Достоевский и другие)	115
Н. И. Соболев (<i>Петрозаводск</i>). Динамическая поэтика рассказа И. С. Шмелева «Полочка» (от рукописи к печатному тексту)	140
А. А. Скоропадская (<i>Петрозаводск</i>). Поэтика иноязычной речи в рассказе И. С. Шмелева «Гассан и его Джедди»	157
А. С. Акимова (<i>Москва</i>). Трансформация шекспировских образов в творчестве Б. Л. Пастернака 1910–1920-х гг.	174
Е. А. Масолова (<i>Новосибирск</i>). Толстовский текст и интертекст в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»	195

 CONTENTS

A. P. Konkka (<i>Petrozavodsk</i>). The Image of a Hazel Grouse (<i>Bonasa bonasia</i>) in Karelian Mythology	7
I. A. Vinogradov (<i>Moscow</i>). “Grived People” in the Works of N. V. Gogol	29
Yu. N. Sytina (<i>Moscow</i>). “Rus’, Where Are you Racing to?”: from a Bird-Troika to a Railway (Gogol, Dostoevsky and Others)	115
N. I. Sobolev (<i>Petrozavodsk</i>). The Dynamic Poetics of Ivan Shmelev’s Story “The Small Shelf” (From a Manuscript to the Printed Text)	140
A. A. Skoropadskaya (<i>Petrozavodsk</i>). The Poetics of Foreign Language in I. S. Shmelev’s Story “Hassan and His Jeddi”	157
A. S. Akimova (<i>Moscow</i>). The Transformation of Shakespeare’s Images in Pasternak’s Works of 1910s–1920s	174
E. A. Masolova (<i>Novosibirsk</i>). Tolstoy’s Text and Intertextuality in Solzhenitsyn’s Novel “Cancer Ward”	195

DOI 10.15393/j9.art.2018.5561

УДК 398.21

Алексей Петрович Конкка

(Петрозаводск, Российская Федерация)

aleksikonkka@hotmail.com

Образ рябчика (*Bonasa bonasia*) в карельской мифологии

Аннотация. Предания этиологического характера являются существенной частью мифологических представлений разных народов. Устные народные рассказы посвящены происхождению свойств и качеств окружающей человека среды, устройству общественных институтов, в том числе запретам и установлениям, связанным с традиционным календарем. Часть из них апеллирует к религиозным авторитетам, и тогда в качестве действующих лиц в них выступают боги и святые. Так происходит, например, когда речь идет об апокрифических легендах так называемой «народной Библии», в которых Иисус Христос или Богородица (а также святые) выполняют некие «перводействия», освящая установленный порядок вещей. Однако, наряду с подобными рассказами, существуют и более ранние, дохристианские предания, ареал распространения которых может составлять целые континенты. Таковым оказалось карельское предание о птице рябчике. В Карелии оно было представлено двумя основными сюжетами: первый, где основным действующим лицом является Богородица, — об оживающем и вылетающем из котла рябчике, подобно воскрешению Христа на Пасху (предание служит основой запрета скать (раскатывать) тесто для пирогов и варить мясо на Пасху); второй — более ранний, бытовавший на территории большей части Северной Евразии: предание о громадном рябчике как мифической первоптице, мясо которой боги или духи в начале времен разделили между остальными животными или разбросали в природе, что было связано с сотворением иных живых существ. Второй сюжет, скорее всего, имеет урало-сибирское происхождение. Это подтверждается не только его бытованием у многих сибирских этносов, но и архаичностью и разнообразием деталей внутри повествования, тенденцией к усложнению сюжета мотивом сотворения мира.

Ключевые слова: компаративистика, карельская мифология, карельский фольклор, мифопоэтика, этиологические предания, образ рябчика, сюжет, мотив

Как писал Е. В. Мелетинский, обосновывая понятие мифологического правремени, нынешнее состояние мира называется «следствием событий давно прошедшего времени и действий мифических героев, предков или богов. <...>

Мифическая эпоха — это эпоха первопредметов и перводействий <...>, священное хранилище <...> магических и духовных сил, которые продолжают поддерживать установленный порядок в природе и обществе...» [Мелетинский: 173–174].

Одним из примеров подобных мифологических представлений является руна, записанная в 1872 г. финским собирателем Акселем Бернером в дер. Ладвозеро от сына знаменитого рунопевца Архиппа Перттунена Миихкали (*Arhippaíni Miihakali*). Она повествует о непорочном зачатии некой девы, которая в последней, пятидесятой, руне «Калевалы» Лённрота названа Марьяттой, что является несомненным указанием на Деву Марию. Ее сюжет связан с воскрешением Христа (отрывок приводится ниже в авторском переводе):

«Дева съела ягоду и забеременела, у нее родился сын, но он вскоре пропал. Мать отправляется на поиски, спрашивает у дороги, у луны и у солнца, не видели ли они ее сына. Солнце рассказывает ей о том, что ее сына убили и похоронили. Она приходит на могилу и плачет там, как вдруг сын обращается к ней, жалуясь, что ее слезы жгут его тело как горящие искры. Она не может поверить, что сын разговаривает с ней. “Я поверю только тогда, — говорит мать, — когда рябчик из кипящего котла взлетит в воздух”. Рябчик взлетает (вспархивает), земля сотрясается, кровь Бога содрогается» (здесь и далее перевод мой. — А. К.). — «*Neiti on syönyt marjan ja tullut raskaaksi, synnyttänyt pojan. Poika häviää, äiti lähtee etsimään, kyselee tieltä, kuutamolta ja auringolta. Päivä kertoo, että ovat pojan murhanneet ja haudanneet. Menee haudalle ja itkee siellä. Yhtäkkiä poika sanoo: “Mäne poijes, äityeni, polttau kuin tulikipunat. En mie uso ennen kun pyu pyrähätäy lentämähe kiehuvasta kattilasta”. Pyu pyrähti, moa järähti, Jumalan veret vavahti*» (SKVR I, 2, 1107)¹.

Рябчик (лат. *Bonasa bonasia*), о котором идет речь в тексте, птица из отряда курообразных, самый мелкий представитель тетеревиных, широко распространенный в лесной и таежной зоне Евразии. Вес даже самого крупного рябчика редко превышает 500 гр. В лесу его сложно спутать с другими тетеревиными птицами, от которых он отличается не только небольшой

величиной, но и достаточно узнаваемым окрасом. Русское название птицы связано с ее пестрым, «рябым» оперением².

Почему именно рябчик должен взлететь из котла и почему от вспархивания этой небольшой птицы сотрясается земля, — не объясняется. Гораздо больше деталей мы узнаем из следующего текста. Согласно северным легендам, некогда на Пасху Богородица «ходила по земле». Священник Янгозерского прихода Поросозерской волости Александр Петропавловский в рукописи, датированной 1855 г., хранящейся в архиве Русского географического общества (РГО), так описывал представление о Воскресении Господа и связанный с этим образ рябчика:

«О Пасхе во время произношения слов “Христос воскрес” поднимают обе руки скоро и говорят: “Воистину воскрес”. Поднятие рук основывают на следующей басне: По погребении Господа, Пресвятая Богородица, придя домой во время Пасхи, начала скать сканцы (пресные пироги, первое кушанье жителей Повенецкого и Петрозаводского уездов) и жарить на сковороде рябчика. В это время кто-то пришел и сказал: “Христос воскрес”. Богородица, усумнясь в этом, сказала: “Буде рябчик, изжаренный мною, оживет и полетит, то и я уверюсь в воскресении Господнем”. Рябчик ожил и полетел. Пресвятая Богородица, уверившись в воскресении Господнем, воскликнула: “Воистину воскрес!” Раскольники, подражая рябчику, улетевшему на воздух и возвестившему Пресвятой Богородице воскресение Господа, поднимают руки до головы скоро, как бы крылья и говорят: “Воистину воскрес”»³.

Здесь приведен один из вариантов некогда популярной в Карелии легенды из собрания «народной Библии», использующей авторитет святых для объяснения всякого рода (в данном случае календарных) запретов и установлений.

Далее обратимся к трем характерным для этого жанра текстам, записанным в разных районах расселения карел: в Беломорской Карелии (дер. Суднозеро Вокнаволоцкой волости), в Северном Приладожье (дер. Орусъярви Салминского прихода) и на севере Олонецкой губернии (дер. Вирда Ребольской волости):

«Говорят, что Дева Мария утром в Пасху раскатывала тесто на скульины (сканцы). Это было тогда, когда сын ее пропал.

Когда он пришел утром в Пасху к ней — у нее рябчик варился в кастрюле, так этот рябчик прямо из кастрюли взлетел, а скалка у нее в руках сломалась. Потому нам и не давали старые люди в Пасху делать сульчины, что это грех такой. Да и мясо тоже запретили в Пасху варить, что не надо бы мясо варить в этот день». — «Sanottih jotta Neitsyt Moarie oli Äijänpäivän huomenessa sulttšinoa ajellun. Niin siitä kun se oli se poika hänellä kateissa silloin. Se siitä kun tuli Äijänpäivän huomenessa hänen luokse — hänellä oli pyy kattilassa kiehumassa, niin se pyy läksi kattilasta lentoh, ta siitä poalikka katkesi keässä. Siitä meil ei annettu Äijänpäivänä ajella sulttšinoa, ne vanha kansa, jotta se on reähkä siitä semmoni. Ta i lihan keitântä kiellettih, jottei pitäis lihoa keittöä sinä peänä»⁴.

«В ночь на Пасху принесли весть матери Спаса, что Спаситель восстал из мертвых. Она сказала: “Я раньше не поверю, пока рябчик из котла не вылетит, до этого не поверю”. Когда она сказала эти слова, рябчик вылетел из котла. Тогда она взяла и выбросила скалку в печь, она больше не будет скать (корку пирога). Ведь это была бы работа. Поэтому не skut (корки пирогов) в пасхальную ночь. В Великий четверг убирают с глаз долой эти скалки и веретена. Старые люди говорят, что увидишь летом змей, если увидишь веретена во время Пасхи.

Она пошла похристосоваться с сыном и взяла с собой золотое яйцо. Но Спас сказал: “Нет, не приветствуй меня таким яйцом!”. Он взял и сжал снег в руке, получилось прямо как куриное яйцо. “Это есть, — говорит, — у всех бедных, а золотое яйцо есть только у богатых”. Поэтому ведь и стали христосоваться яйцами». — «Äjjämpeänyöl tuodih viesti Spoasan emäl, što Spoassu nouzi. Häi sanou: “Minä en usko, kun ei pyy kattilaz pyrähtänne lendoh, sin en usko”. Sil sanal pyy kattilaz lendoh pyrähtih. Sit häi otti da värttinäzen lykkäi pättših, häi enämb ei ajele. Se tuli, näit ku roado. Sentähhäi ei ajella äjjämpeänyöl. Suurinellämpeän ne peitetäh eärez värttinäzet, piiraida kezreändyvärttinät peitetäh. Vanhu rahvas sanotah, što kezäl näid madoo, värttinöi ku näid äjjämpäivän aigoa.

Häi lähti kristottamah poigoa, kuldazen jäitšän otti da lähti kristottamah poigoa. A Spoassu sanoi, ga “äl älä netšil jäitšäl minuu kristotal!” Häi otti da lumes kobristi jäitšän, se ku kananjäitšy rounu rodih. “Tädä on”, sanou, “kaikil keyhil, a kuldastu jäitšä ei ole, ku bohatoil on vai”. Sendähhäi se lähti kananjäitšy da kristotandu»⁵.

«В ночь на Пасху принесли Богородице весть, что ее сын пришел в церковь. Мать говорит: “Не верю”. “Рябчик, — говорит, — в котел положен вариться и петух; вот если рябчик выпорхнет

из котла и полетит, а петух встанет на дужку котла и запоет, то тогда только поверю, что мой сын в церкви”. — Рябчик выпорхнул из котла, и петух запел. Говорят: “Смотри, уже идет твой сын из церкви!” Она стояла у стола, раскатывала сульчины, и, возрадовавшись, выскочила из-за него, даже не догадалась скалку из рук бросить, с ней и пошла, побежала навстречу. Сын Божий заплакал, говорит: “У меня и так горя предостаточно, так еще и мать идет с палкой бить меня”. Он взял скалку из рук матери, сломал ее о колено и сказал: “Будь проклят тот, кто в этот день будет скать или мясо в котел положить!”. — «*Tuodih viesti äidille peäsiäisyönä, jotta poigas on kirkossa. Äiti sanoi: “En usko”. “Pyu on” sanoi, “pandu kattilaan kiehumaan da kukko; pyu kun ei pyrähtäne lentoon kattilasta, kukko nousse kattilan pangalle ja laula ja siitä vassa uskon, jotta miun poiga on kirkossa”. Pyu pyrähti ja kukko laulo. Sanotaan: “Katšo, jo tuloo poigas kirkosta!” Heän oli stolalla šultšinoa ajelemassa, heän kun hyppäi hyvällä mielin, ei malttanut piiroovärttinäistä heitteä, män sen kans, juoksi vastah. Poiga rupeis siitä itkemäh. Jo sano: “Miulla ois muuta jo goroa kyllälti, niin vielä moamo tuloo poalikan kera lyömäh”. Heän otti poalikan emolla keästä da katkai polvia vasse (kirosi): “Buit proklat, kuka tänä piänä ajelloo eli lihoa kattilaan panoo!”» (SKVR II, 330).*

Календарный запрет на Пасху скать пироги и варить мясо объясняется в народном сознании действием, объединяющим образы Богородицы и Христа с вылетающим из котла рябчиком как аллегорией невозможного, но, тем не менее, происходившего в мифологическое время. Во втором тексте (записанном в Северном Приладожье) наряду с перечисленными образами представлен также образ яйца, «объясняющий» рождение обычая христосованья, а в третьем — выпрыгнувший из котла и запевший петух. Следует заметить, что на западе восточнославянского ареала широко известны легенды о внезапном оживании петуха и рыбы (или только петуха) как знаке воскрешения Христа. Они были приготовлены для употребления в пищу разбойниками, распявшими Христа⁶. Одной из причин того, что в приведенных выше текстах наряду с образом рябчика выступает образ петуха, является тот факт, что у большинства карел (как и вообще на Севере) еще сотню лет назад куроводства как такового не было, а лов дичи

(напр., рябчиков, куропаток) силками был широко распространенным промыслом.

Однако указанная причина скорее всего не была определяющим фактором. В Тулмозерской волости Олонецкой губернии был записан текст (на финском языке), в котором сохранился «мостик», соединяющий «пасхальный сюжет» о Богородице с этиологическим преданием (т. е. рассказом о происхождении свойств и качеств окружающей человека среды, особенно животного мира) о тяжелом полете рябчика, варианты которого известны многим народам Северной Евразии:

«Деве Марии приносят весть, что сын ее пришел в церковь. А она в это время скала пироги. “Только тогда я поверю, когда варящийся рябчик взлетит из котла в воздух и скалка в руке загремит (стукнет)”, — заявляет она. Скалка стукнула, и рябчик вспорхнул в воздух. Тогда она пошла увидеть сына. Взяла с собой золотое яйцо. Спас говорит ей: “Иди и принеси куриное яйцо, потому что их хватит на всех. Не у каждого есть золотое яйцо”. С тех пор в Пасху никто не готовит пироги. И люди приветствуют друг друга куриными яйцами.

Рябчик потому летит так тяжело, что ему пришлось утром в Пасху вареным вылететь из котла. Маленькая птица, тяжелый полет. По слову Спаса полетел. Говорят: “Рябчик вспорхнет, земля сотрясется”. — «Spoassu tuli kirkkoon. Neitsyt Maria oli piirakoita kaulimassa. Hänelle vietiin viesti: “Poikasi tuli kirkkoon”. Maria sanoi: “Sitten minä vasta uskon, kun kiehuva pyy hyrähtää padasta lentoon ja värttinä kädessäni kalahtaa”. Värttinä kalahti ja pyy hyrähti lentoon. Sitten hän lähti poikaa tervehtimään. Otti mukaansa kultaisen munan. Spuassu sanoi hänelle: “Mene ja tuo kananmuna, sillä niitä riittää kaikille. Ei kaikille ole kultaista munaa”. Siitä saakka ei pääsiäisenä ole valmistettu piirakoita. Ja ihmiset tervehtivät toisiaan kanamunilla.

Пyy lentää sen töhden niin raskaasti, kun sen on täytynyt pääsiäisaamuna lähteä kypsänä padasta lentoon. Pieni lintu, raskas lento. Spuassan sanasta lähti lentämään. Sanotaan: “Pyy pyrähtää, maa järähtää”»⁷.

Последняя фраза: «Рябчик вспорхнет, земля сотрясется» — имеет значение некоего кода, похожего на иносказание или поэтический троп. В значительном количестве вариантов в российской и финской Карелии записан другой сюжет о рябчике,

не имеющий отношения к Пасхе. Этот сюжет использовался в качестве своеобразного пролога, описания мифологического перводействия, объясняющего причину вывиха в заговоре, где эта фраза была ключевой. Вот его зачин:

«Рябчик был раньше с корову величиной. Когда он взлетал, то вся земля сотрясалась, такой он был тяжелый. И вот когда Иисус ехал на лошади верхом, рябчик этот взлетел. Лошадь Иисуса испугалась, упала на колени. Тогда Иисус рябчика уменьшил. Раньше в нем было много белого мяса, теперь только немного на груди. Раньше весь рябчик был из белого мяса. Когда уменьшил его, то оставил только немного старого мяса, остальное мясо более красное» (записан в Салми). — «Pyu ol' ennen näitä ku mahto. Sit ku lähti häi konzu lendoh, kai moa jytettii, ku oli jygei. Sit ku Jiezuz ajoi hevol, sit se pyu lähti lendoh. Sit se Jiezuksen hebo pöll'ä'styi, pakui polvilleh. Sid näid Jiezus pyun pienedi. Ennen oli suuri liha se valgei, nygöi onhäi ryndähäz vai on vähäne, ennen oli kai valgiennu lihannu, kogo pyu. Sit pienendi hänen da endisty lihoa jätti vai vähäzen, muu liha ruskiemb on»⁸.

Далее говорится о том, как Христос берется за ногу лошади и произносит заклинание, излечивающее ее от вывиха. Вариантов этого заговора довольно много. В других записанных в Карелии коротких этиологических рассказах приводится аналогичная указанной в прологе заговора от вывиха причина, почему рябчик так тяжело и с шумом взлетает и как у других птиц (и даже рыб) появилась полоса белого мяса:

«Рябчик был очень большой птицей. Когда Бог ходил по земле, как-то в это время рябчик взлетел, так прямо земля сотрясалась, когда он взлетел. Бог испугался так, что у него вся кровь всколыхнулась. После этого Бог взял у этого рябчика белого мяса и разделил между всеми птицами. И после этого рябчик стал таким маленьким» (записано дер. Бабыя Губа Кондожской волости Беломорской Карелии). — «Pyu oli oikein suuri lintu. Ni Jumala kun oli moalla teälä kävelömässä, siitä se ku läksi se pyu lentoh, niin se kun hyppäi lentoh, niin niinkun moa ois tärähtät kun se läksi. Jumala pölästy, jotta häneltä veret värähti, kun se pyu läksi lentoh. Siitä Jumalan ois pität ottoa siitä pyystä joka linnulla täkkäliha ta siitä pyu jäi niin pieneksi»⁹.

«Когда птиц небесных в начале времен создавали, сделал Бог-Отец рябчика самой большой, прямо-таки громадной птицей. Однажды шел сын Иисус по лесу, *рябчик вспорхнул, земля задрожала, сердце Иисуса содрогнулось...* В наказание за испуг Сына Божьего Бог-Отец схватил рябчика, выхватил нож из-за пояса и отрезал у рябчика большие куски мяса, отдав их другим птицам. О том случае говорит нынешняя малая величина его и полоски белого мяса у других птиц» (записано в дер. Конец-Остров Ребольской волости Олонецкой Карелии). — «Kun taivaan linnut aikojen alussa luotiin, teki Isä Jumala pyystä kaikkein suurimman, oikein jättiläismäisen kokoisen. Kerran käveli Jesus-poika kangasta ja *pyy pyrähti, maa järähti, Jeesuksen sydän särähti...* Rangaistukseksi tästä Pyhän säikähtyttämisestä sieppasi Isä Jumala pyyn kiinni, otti veitsen vyöltänsä ja silpoi pyystä suuria kappaleita antaen ne toisille taivaanlinnuille ruumiisiinsa liitettäväksi. Tästä tapahtumasta on vieläkin todistuksena pyyn nykyinen pieni koko ja n. s. tääkäliha (valkea liha) muilla linnuilla» (SKVR II, 373).

«Рябчик был такой большой, что даже Бога напугал. Потом маленьким стал, его мясо отдали каждой рыбе, в каждой рыбе есть мясо рябчика. Рыбу раньше в посты не ели, потому что в ней есть мясо рябчика» (записано в дер. Софпорог Кестеньгской волости Беломорской Карелии). — «Pyy oli niin suuri, jotta Jumalan säikähytti, siitä pienekse tuli. Pyyn lihoa pantih joka kalah, joka kalas on pyyn lihoa. Kaloa ei ennen syöty pyhissä, sentäh kun niis on linnun lihoa»¹⁰.

Карельские мифологические рассказы и легенды, в которых так или иначе встречается образ рябчика, делятся на две группы: 1) про вылетающего из котла рябчика («пасхальный») и 2) огромного рябчика, пугающего Христа или святых. Причем «пасхальный» сюжет, насколько нам известно, не имел распространения на современной территории Финляндии, ибо он касался православных установлений. Последние три варианта легенды про рябчика (как и зачин заговора) уже не имеют отношения к Пасхе, к тому же они соединяют предание о том, почему рябчик такой маленький и почему в нем лишь немного белого мяса, с заговором при лечении вывиха, где в качестве действующих лиц могут выступать как Иисус Христос, Дева Мария, так и святые. Таким образом, в «парадигме» мифологем о рябчике появляется новый жанр — лечебный заговор, генетически связанный с этиологическим преданием.

Е. В. Мелетинский отмечал, что «даже в составе простых заговоров обычно имеется краткое введение о соответствующих парадигматических действиях мифического первопредка, бога», также ритуалы инсценируют события мифической эпохи и включают «рецитацию мифов творения». В качестве примера исследователь предлагал вспомнить Вяйнямейнена, который мог исцелиться от раны, нанесенной железным топором, только узнав тайну происхождения железа [Мелетинский: 173–174]. Для карельского заговора это довольно обыденная ситуация, так как в классических его формах всегда в зачине присутствует так называемый *synty* (*syndy*), то есть рассказ о происхождении того или иного явления, предмета и пр., иначе говоря, то самое знание, которое знахарь собирается использовать в своем лечении. В зачине такого заговора речь идет о «первопричине», то есть о том, как описываемая ситуация произошла впервые. Его сюжетом является поездка Иисуса с Марией (или без) верхом в церковь и падение с испугавшейся лошади, или (что встречается чаще) только рассказ о вывихнувшей ногу лошади, которую излечивает Христос.

Заговоры с подобным сюжетом известны также по всей Финляндии, однако в зачине, как правило, отсутствует образ рябчика. Однако Матти Сармела пишет о том, что на территории Финляндии зафиксировано некоторое количество записей заговоров с устойчивым выражением *руу pyrähti, maa järähti* («рябчик вспорхнул, земля сотряслась»): «Строка восходит к легенде, которая рассказывает отчего рябчик становится все меньше. В начале рябчик был большой птицей, но, испугав Иисуса или другого святого, его заклили все время становиться меньше до самого конца света»¹¹. Несмотря на то, что на карте «Атласа традиционной культуры Финляндии» не показан ареал распространения устойчивой формулы, связанной с образом рябчика, мы можем почерпнуть основные сведения об этом, обратившись к 35-томному изданию «Древних рун финского народа», текстов так называемой «калевальской метрики»¹². Словосочетание «руу pyrähti» встречается в этих рунах в 134 стихотворных текстах, записанных в диапазоне с 1840-х по 1920-е гг. в Беломорской Карелии (4), Олонецкой Карелии (3), Приладожской Карелии и финляндской Северной

Карелии (32), Тверской Карелии (2), Саво (17), Хяме (9), Ингерманландии (45) и на Карельском перешейке (около 20), помимо нескольких записей из разных мест Северной и Восточной Финляндии. Следовательно, сюжет о рябчике бытовал в карельских землях, откуда, вероятно, распространился на некоторые территории Восточной и Северной Финляндии. Следует учитывать, что в SKVR собраны стихотворные тексты и связанные с ними рассказы, но не отражены прозаические легенды о рябчике, не имевшие отношения к лечению вывиха, как, например, три текста, приведенные в сборнике мифологических рассказов «Syntyjä syviä. Vanhoja kansankertomuksia» («Сюнтю глубокие. Старинные народные притчи») Марьи Паасио¹³:

«Когда Бог создал небо и землю и всех водных и земных обитателей, создал Бог большую птицу рябчика, чтобы детям людским было бы что есть. Рябчик получился такой мощной птицей, что когда он взлетал, то земля дрожала. Когда Бог решил отдохнуть от трудов праведных, то рябчик летал, взлетал и земля громыхала. Отдых Бога нарушился так, что он проклял рябчика, ему с тех пор суждено было уменьшаться до судного дня. Так оно, похоже, и происходит» (записано в Кейтеле). — «Kun Jumala loi taivaan ja maan ja kaikki vesien ja maan eläväiset, loi Jumala puystä mahtavan suuren metsälinnun, jotta ihmislapsilla olisi metsänviljaa syödä. Puystä tuli niin mahtava lintu, että kun pyy pyrähti ilmaan, niin maa järähti. Kun Jumala oli luomistöistään ruvennut lepämään, niin pyy lensi ja pyrähteli ja maa tärähteli. Jumalan lepo häiriintyi niin paljon, että hän kirosi pyyn, että sen pitää maailmaan loppuun asti pienentyä. Niin näyttää sitten käyneenkin».

«Раньше рябчик был самой большой птицей. Иисус шел по лесу, а рябчик поднялся с земли в воздух с такой силой, что земля загромыхала. “Рябчик вспорхнул, земля сотряслась, сердце Господне содрогнулось”. Иисус испугался его и сказал: “Тебе надо сквозь кольцо пролететь, прежде чем конец света наступит”. С тех пор рябчик становился все меньше, и сейчас уменьшается» (записано в Пюхярви). — «Ennen vanhaan pyy oli kaikista linnuista suurin. Jeesus kulki erämaassa ja pyy nousi maasta lentoon, että maa jymisi. Kun “pyy pyrähti, maa järähti, Jeesuksen sydän särähti”. Jeesus säikähti sitä ja sanoi pyylle: “Sinun pitää sormuksen

läpi mahtua, sopia hyvästi lentämään ennen kuin maailma loppuu. Siitä lähtien on pyy pienentynyt ja pienenee myötäensä»).

И наконец, текст из северного финского пограничного прихода Суомуссалми, в восточной части которого проживают православные карелы:

«Рябчик был из птиц <сотворен> самым первым... Когда его сотворили, он получился такой большой, что когда рябчик вспорхнул, то земля сотряслась. И так как это невозможно было терпеть, то пришлось рябчика уменьшить. От него тогда взяли мяса каждой следующей птице, присоединили по обе стороны грудки. Поэтому в каждой птице есть мясо рябчика, а рябчик стал таким маленьким. Потому говорят: “уменьшается (сжимается) как рябчик перед концом света”». — «Pyy on linnuista vanhin... Kun pyy luotiin, siitä tuli niin suuri, että kun pyy pyrähti, niin maa järähti. Ja kun sitä ei voitu sietää, piti pyytä ruveta pienentämään. Siitä otettiin sitten lihaa jokaiseen seuraavaan lintuun, liha asetettiin tänä kahden puolen. Sen takia jokaisessa linnussa on pyyn lihaa ja siksi pyy on joutunut niin pieneksi. Niinpä sanotaankin: “kutistuu kuin pyy maailman lopun edellä”»¹⁴.

Илл. 1. Расположение некоторых мест записей на территории Финляндии, представленных в сборнике текстов «*Syntyjä syviä*». Слева: община Keitele (Кейтеле, север провинции Северная Саво); по центру: Puhjärvi (Пюхьяярви, юг провинции Северная Похьян-маа; справа: Suomussalmi (Суомуссалми, провинция Кайнуу)¹⁵.

Общим для представленных прозаических текстов, записанных в Финляндии, оказывается мотив уменьшения

размера рябчика до его полного исчезновения перед концом света, т. е. в предание о величине рябчика внедряются эсхатологические мотивы. Сходным по тематике является и текст из того же сборника М. Паасио из Западной Ингерманландии (где проживало карельское племя ижора). В нем рассказывается о блуждавшем в дремучем лесу Христе, которого рябчик кормит собственным мясом. В награду Спаситель обещает рябчику, что тот не увидит конца света, потому что будет уменьшаться, пока не исчезнет. И, когда рябчик станет совсем маленьким, это будет значить, что конец света уже близок¹⁶. Следует заметить, что предания о рябчике стали основой для популярной в Финляндии поговорки «Pienenee kuin ruu maailmanlorun edellä» («Уменьшается как рябчик перед концом света») в значении пагубного (зловещего) предзнаменования или чего-то, что «тает на глазах» [Храмцова: 97].

Обозначив западную границу распространения вышеописанной мифологемы, обнаруживаем на востоке Европейской части России аналогичный карельским образцам текст у верхневычегодских коми-зырян в сборнике «Му пуксьём — Сотворение мира»:

«Леший сотворил рябчика очень большим. Как взлетает, от крыльев аж гром гремит. Однажды Илья Великий ехал по лесу, по дороге. С обочины рябчик взлетел. Лошадь испугалась шума крыльев, бросилась в сторону. Илья Великий с лошади на землю упал. И проклял рябчика: “Пусть ты будешь не больше своего зоба”. И с тех пор рябчик маленьким стал. И сейчас маленький». — «Лешей съолаос зэв ыджыдён вёчёма. Кутас лэбзыны, быдсён гымалё борд шыыс. Отпыр Илля Великой мунё вөрöd, туй вывті. Туй боксыыс съола лебзяс. Борд шысыыс вёлыс повзис, боквыыс чепöсийс. Илля Великой вёв вывсыыс муö усис. И ёрис съолаос: “Мед тэ чуллыыд ыджда кындзи он ло!” И сэсянь дзоля лоöма. И öнi дзоля» [Му пуксьём: 31].

Здесь в образе лешего выступает противник верховного бога Ена Омоль (черт), творения которого оцениваются в мифологических рассказах коми с отрицательным знаком [Му пуксьём: 544–545]. Согласно другим версиям, рябчик напугал ехавшего на лошади Иисуса Христа, который сделал птицу

размером с ее прежнее сердце, или же рябчик напугал лошадь ехавшего по лесу Ильи-пророка, который своим проклятием делает его размером с птичий желудок [Мифология коми: 349]. Аналогичное объяснение малых размеров рябчика зафиксировано у усть-цилемских старообрядцев — русских, проживающих на сопредельной с Коми территории: рябчик напугал Господа Бога, который сделал его размером с кулак, а белое мясо рябчика раздал другим птицам [Чудова: 190]¹⁷. Однако легенда о рябчике была известна не только усть-цилемским старообрядцам. П. С. Ефименко в своем известном труде по этнографии Архангельской губернии пересказывает народную притчу (вероятнее всего, из Пинежья): «Рябчик был прежде огромная птица, но каким-то чудом по жалобе тетеревей, половина белого его мяса перешла к тетерям. Оттого рябчик стал мал, а тетери большие, и у последних выходит разительное несходство мяса» [Ефименко: 172].

Лесоустроитель и охотник И. М. Воропай, занимавшийся в 1850-х гг. межеванием лесов в Шенкурском уезде Архангельской губернии, слышал рассказы от местных охотников о том, что рябчик в прежние времена «живал большой» и в старые годы был больше глухаря. Однажды святой человек шел по лесу. Рябчик вспорхнул и испугал его, за что Бог наказал птицу — сократил в росте, чтобы, летая, шуму делал меньше и не пугал людей¹⁸. Л. П. Сабанеев, автор книги о рябчиках, вышедшей в Москве в 1877 г., пишет: «При полете вследствие быстрых движений крыльев он <рябчик> издает сильный шум или треск, и охотники говорят в этом случае, что рябчик “загремел”». О сильном взлете рябчика говорится в одной из уральских легенд, которую слышал автор: «Ехал святой “на вершине” (верхом) и конь пал, как загремел рябок; святой проклял рябка, и с тех пор у каждой (?) дичи часть белого мяса рябка! Здесь, как видно, обращено внимание на особенность рябчика, именно белый цвет почти всего его мяса, отличающую его от других куриных»¹⁹.

Подобные предания и легенды, в которых образ рябчика подвергается трансформации (уменьшению в размерах), бытовали и в конце XX в. Так, в Архангельской области (Пинежский район, дер. Нюхча) в 1991 г. было записано следующее

предание: «А вы знаете, почему рябчик меньше глухаря теперь? Свист-то у него теперь такой залихватый красивый, у рябчика. А раньше как соловей-разбойник кричал. И вот лесной мужик как раз идет. А он захолопался, засвистел. “Ах, чертяга, хулиган! С этого время, говорит, втрое меньше будешь свистеть, втрое, говорит, звук меньше будет”. Вот теперь он такой стал, а глухарь сам собой» [Кузнецова, 2014: 58]. Заметим, что здесь, как и у вычегодских коми, в повествовании появляется образ «лесного мужика», вероятно, лешего, хозяина лесной дичи.

Территория распространения легенд о рябчике довольно обширна. Например, В. С. Кузнецова, занимавшаяся исследованием сибирского корпуса русских легенд, выделяет в нем две разновидности сюжета об уменьшении рябчика: в первой — птицы жалуются Богу на то, что рябчик создан очень большим, и его мясо — белое, тогда как у них — черное (ср. с народной притчей из Архангельской губ. [Ефименко: 172], в которой рябчик уменьшен по жалобам тетерок); вторая — о рябчике, напугавшем Бога / Богородицу (представлен в исследовании семью вариантами из Приангарья и Томской и Тобольской губерний, сер. XIX — нач. XX вв.) [Кузнецова, 2008, 2014].

Этиологические предания о рябчике и о разделе его мяса известны также многим автохтонным сибирским народам: алтайцам, бурятам, якутам, юкагирам и т. д. В. С. Кузнецова, ссылаясь на публикацию Е. С. Ефимовой, приводит интересный пример хантыйского сказания, рассказанного под Сургутом русским охотником (запись 1929 г.):

«Вначале рябчики были большие, величиной с глухаря. Рябчик и сейчас при взлете шумит крыльями, а когда был большой, то и шум производил очень большой. И вот однажды шел Тором-Ики по лесу, шел по своим делам и ни о чем не думал. Вдруг из-под самых его ног из снега с шумом вылетел рябчик. Тором-Ики вздрогнул и сильно испугался, так испугался, что чуть не упал. “Это что же такое? Неладно получается!” — подумал он. Взял он рябчика и разорвал его на 77 частей и только из одной части сделал опять рябчика, а остальные части вставил в тело разным другим птицам. Один кусочек у него остался, и он вставил его рыбе. Сейчас у каждой птицы есть кусочек белого

рябчикова мяса, а у рыб этот кусочек находится в щеках» (цит. по: [Кузнецова, 2014: 58]).

В комментарии к этому тексту отмечается, что Тором-Ики, по представлению рассказчика, — «лесной старик» («вроде нашего лешака»), что можно соотнести с коми-зырянским лешим. Еще одно хантыйское предание, акцентирующее разрывание мяса рябчика, записано близ реки Васюган В. Кулемзиным:

«Рябчик раньше был большой птицей. Однажды он внезапно вспорхнул и напугал Торума. Торум рассердился и порвал его на семь частей, на семь сторон света раскидал по кусочку. Из одного кусочка стал теперешний рябчик. И с тех пор белое рябчиковое мясо есть у всех зверей и птиц. У глухаря есть белое мясо, у лося вдоль хребта тоже идет белое мясо рябчика» (цит. по: [Кузнецова, 2014: 58]).

Исследователь мифологии и мировоззрения финно-угорских народов К. Ф. Карьялайнен приводит сведения, полученные от васюганских хантов, о том, что рябчика создало верховное божество, сын которого (Торум-пах), испугавшись птицы, заклил его уменьшиться. Ссылаясь на Н. Гондатти, Карьялайнен приводит мансийское предание об огромном рябчике, которого Небесный бог убивает и делит на мелкие кусочки, отдавая их разным животным, мясо которых после прикосновения «подземного духа» Куль-отыра стало черным и неспособным насыщать. Из последнего кусочка он вновь создал рябчика, но маленького, которого теперь могли добывать люди [Karjalainen: 398].

Обратимся также к трем вариантам восточносибирских преданий о рябчике. В. С. Кузнецова приводит эвенкийское предание, записанное в 1920-е гг. Г. М. Василевич, в котором легенда о рябчике контаминирована с широко известным сюжетом о сотворении Богом человека и кознях Сатаны:

«Вначале рябчик большой был. Бога испугал он (бог испугался от него). Бог, человека делая, держал, тот упал на землю. Когда упал, старший брат-сатана плюнул слюною на творение его. Сатана сказал: “Пусть будут со слюною, с соплями, от этого болящими пусть будут”. Бог рассердился на рябчика, разделил

мясо (его). “Собаке дам от твоего мяса, куропатке дам, таймену дам, тетереву дам, всем рыбам дам, самому чтобы немного осталось; меня бы не испугал бы, люди бы не умирали, не упали бы”. Теперь люди смертными стали» (цит. по: [Кузнецова, 2008: 8]).

В собрании мифов и преданий кетов, составленном Е. А. Алексеенко, опубликована легенда о рябчике, записанная ею в 1972 г. В комментарии к ней Алексеенко отмечает: «Подчеркивая связь птицы с верхним, сакральным миром и Есем (богом), рассказчик сравнил рябчика с птицей Даг — мифической птицей огромных размеров с железными когтями. Близкий образ (птица Кярэс, Карэс) имеется в фольклоре хантов» [Алексеенко: 265]:

«Рябчик раньше был большой птицей. Даг он был. Он подумал: — Я вылечу с шумом, фр-рр-рр, людей пугать буду.

Есь на охоту пошел. Рябчик вылетел, его испугал. За то Есь сказал:

— Ты теперь будешь маленький, в ладони руки поместишься.

Есь мясо рябчика разделил на всех, сколько есть на белом свете живущих зверей, рыб. У каждого теперь есть кусочек белого мяса. У рыб оно — под жабрами» [Алексеенко: 77].

И наконец, известен вариант легенды, имеющийся в собрании селькупских мифов, в котором сам мифический рябчик выступает творцом других птиц:

«Когда-то <...> был он <рябчик> огромного размера. Скучно стало рябчику одному; решил он создать других птиц и стал отрывать от своего тела куски мяса. Из больших кусков получились большие птицы, а из маленьких — маленькие. Он рвал мясо до тех пор, пока сам не стал таким маленьким, что больше уже и рвать было нечего» [Мифология селькупов: 238].

Исследователь мифологии селькупов О. Б. Степанова замечает по поводу встречающегося фольклорного мотива перерождения: «В фольклоре через разрубание, отрывание, сварение, сожжение и съедение плоти происходят смерть / возрождение и метаморфозы ее хозяев...» [Степанова: 183–184]. Степанова ссылается на древнее селькупское (и не единственное в своем роде) сказание, где «разрубленные на куски тела медведицы-людоедки и убитых ею героев, сваренные в котле, ожили; герои

возвратились домой, а медведица поднялась на небо, став созвездием» [Степанова: 184]. В этом отношении стоит отметить типологическое сходство текстов сибирских сказаний об оживлении героев и карельских легенд о Богородице и ожившем рябчике, вылетающем из котла, в котором он варился.

Представления о том, что когда-то, в начале времен, существовало некое громадное хтоническое животное (вариант — растение), которое убивают / срубают, разделяют на множество частей и из тела которого возникают многочисленные сущности или даже сотворяется весь окружающий человека мир (ср. выше — разделение и разбрасывание Торумом тела рябчика на семь сторон света как один из актов творения вселенной)²⁰, не чужды также и карельской мифологии. В качестве такого образа предстают Большой бык или Большая свинья, в сюжетах о которых присутствует, между прочим, и мотив испуга богов гигантскими размерами животного [Конкка: 75]. Мотив распределения белого мяса рябчика и присоединения его к красному или черному мясу других птиц и животных присутствует как в европейских, так и сибирских сказаниях. В нем возможно усмотреть раздачу «живого» (белого) мяса в противоположность «мертвому» (красному или черному) или процесс оживления неживой природы в ходе творения, так как каждый кусочек плоти в раннеисторическом сознании считался двойником (частью) души живого существа, а «в некоторых фольклорных сюжетах мясо выступает как самостоятельное одушевленное существо» и «может служить основой появления на земле новых форм и видов жизни» [Степанова: 184]. Здесь стоит отметить упоминание в карельских вариантах легенды о рябчике мотива разделения его мяса среди рыб, настойчиво повторяемого в распространенных в Сибири текстах. Нам доподлинно неизвестно, подчеркивается ли таким образом идея разделения мяса среди всех живых существ или здесь кроется нечто большее, однако сам мотив может служить своего рода индикатором при сравнении легенды о рябчике разных регионов, вероятно, указывая на сибирское его происхождение.

Таким образом, в Карелии круг преданий этиологического характера, связанный с образом рябчика, представлен двумя

сюжетами: 1) более поздним оригинальным рассказом об оживающем рябчике, связанном с воскрешением Христа, основой которого, вероятно, послужили распространенные в восточноевропейском ареале апокрифические легенды об оживающем петухе, и 2) несомненно более раннем, бытовавшем на огромной территории от Финляндии до Якутии предании о мифической первоптице, мясо которой боги / святые / лесные духи (или даже сама птица) в начале времен распределили между остальными животными или разбросали в природе, что было связано с сотворением иных живых существ. В. С. Кузнецова предполагала, что второй сюжет имеет уралосибирское происхождение. Вероятнее всего, с этим стоит согласиться, несмотря на то, что она ограничивает бытование сюжета только северо-восточной частью Европейской России и Сибирью [Кузнецова: 59], однако настоящее исследование доказывает, что это далеко не так. Сибирское происхождение сюжета, помимо широкого географического распространения именно в Сибири и бытования его у большого количества сибирских этносов, может быть, помимо того, обосновано архаичностью и разнообразием деталей внутри повествования, а также обозначенной выше тенденцией усиления сюжета мотивами сотворения мира.

Не обсуждаемые в этой статье более специальные вопросы о конкретных путях миграции сюжета в Европу, несомненно связанные с этнической историей народов Евразии, возможно, могли бы пролить свет и на возникновение эсхатологических мотивов (уменьшающийся до исчезающе малых размеров рябчик как знамение конца света) в финских и карельских мифологических рассказах, представляющих весь круг его превращений: от громадной птицы начала времен до пролетающего сквозь кольцо крохотного создания.

Примечания

- ¹ Suomen kansan vanhat runot. I–XXXV. Helsinki, 1908–1997. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения SKVR и указанием книги, номера тома и номера текста в круглых скобках.
- ² См., напр.: Вагнер Ю. Рябчик // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб: Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1899. Т. XXVIIа. С. 514–515.

- ³ Петропавловский А., священник. Этнографические сведения о Янгозерском погосте, Повенецкого уезда // Архив Русского географического общества (РГО). Фонд Олонецкой губернии. Р. 25. Оп. 1. № 34. Л. 39–40.
- ⁴ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo-Helsinki, 1958. S. 220.
- ⁵ Satuja ja legendoja. Martta Pelkosen salmilaisuistiinpanoja. Toimittanut ja suomentanut Raija Koronen. Vammala, 1976. S. 38.
- ⁶ «Народная библия»: восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. С. 366–372.
- ⁷ Legendat. Kansankertomuksia Suomesta ja Karjalasta. Toim. Irma-Riitta Järvinen. Jyväskylä, 1981. S. 63.
- ⁸ Satuja ja legendoja... S. 48.
- ⁹ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. S. 221.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Sarmela M. Suomen perinneatlas. Helsinki, 1994. S. 330, kartta s. 329.
- ¹² Suomen kansan vanhat runot. I–XXXV. Helsinki, 1908–1997. Тексты выложены на сайте SKVR (поиск по ключевым словам: «руу рурähti») [Электронный ресурс]. URL: <https://skvr.fi/poems?page=1&per-page=10&text=%22руу%20>
- ¹³ Syntyjä syviä. Vanhoja kansankertomuksia. Toim. Marja Paasio. Vaasa, 1985. S. 112—113.
- ¹⁴ Там же. S. 112.
- ¹⁵ Общины Кейтеле и Пюхьярви представляют собой крайние западные точки, т. е. маркирует западную границу бытования предания о рябчике в карельско-финском ареале.
О. В. Белова и Г. И. Кабакова, ссылаясь на Б. Клинтберга, отмечают, что сюжет, связанный с испугом божества и разделением мяса рябчика среди других животных известен также в Скандинавии и Прибалтике [Белова, Кабакова: 387].
- ¹⁶ Syntyjä syviä... S. 113.
- ¹⁷ У истоков мира. Русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. С. 159.
- ¹⁸ Записки об охоте на Севере России, Архангельской губернии, Шенкурского уезда / сост. И. Воропай. М.: Русские Ведомости, 1871. С. 29.
- ¹⁹ Сабанев Л. П. Рябчик. Охотничья монография [Электронный ресурс]. URL: <http://piterhunt.ru/Library/sabaneev/ryab4ik/3.htm> (10.08.2018).
- ²⁰ Здесь возможно привести типологическую параллель с Пуршей, первочеловеком и первожертвой в древнеиндийской мифологии, из которого путем его расчленения возникают элементы космоса (см.: Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 351).

Список литературы

1. Алексеенко Е. А. Мифы, предания, сказки кетов / сост., предисл., коммент. и глоссарий Е. А. Алексеенко. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 343 с.
2. [Белова О. В.] «Народная библия»: восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. — М.: Индрик, 2004. — 576 с.

3. Белова О. В., Кабакова Г. И. Комментарии // У истоков мира. Русские этимологические сказки и легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. — М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. — 528 с.
4. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. — М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. — Часть 1. Описание внешнего и внутреннего быта. — 221 с.
5. Конкка А. Святки в Панозере, или Крещенская свинья // На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи. — Петрозаводск, 2015. — С. 58–82.
6. Кузнецова В. С. Рябчик и Мамонт в легендах русской фольклорной «Библии» // Сибирский филологический журнал. — Новосибирск, 2008. — № 3. — С. 5–13.
7. Кузнецова В. С. О локальных особенностях сибирского корпуса легенд русской фольклорной Библии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. — 2014. — № 1 (Вып. 26). — С. 54–60.
8. [Лимеров П. Ф.] Му пуксьём — Сотворение мира / автор-сост. П. Ф. Лимеров. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2005. — 624 с.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 408 с.
10. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина... / науч. ред. В. В. Напольских. — М.: Издательство ДИК, 1999. — 480 с.
11. Мифология селькупов / Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич и др.; под ред. В. В. Напольских. — Томск: Изд-во ТГУ, 2004. — 382 с.
12. Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. — 304 с.
13. [Храмцова О. А.] Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги / сост. О. А. Храмцова. — СПб.: Каро, 2011. — 240 с.
14. Чудова Т. И. Рябчик в культуре питания коми (зырян) // Антропологический форум. — 2015. — № 24. — С. 189–194.
15. Karjalainen K. F. Jugralaisten uskonto. — Porvoo: WSOY, 1918. — 601 s.

Информация об авторе: Конкка Алексей Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Дата поступления в редакцию: 15.08.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Aleksi Konkka*(Petrozavodsk, Russian Federation)*

aleksikonkka@hotmail.com

The Image of a Hazel Grouse (*Bonasa bonasia*) in Karelian Mythology

Abstract. The legends of etiological character are an essential part of mythological ideas of different peoples. Folktales are devoted to the origin of properties and qualities of the world surrounding the person, the structure of public institutes, including the bans and regulations related to a traditional calendar. A part of them appeal to religious authorities, thus, Gods and Saints act as their characters. This occurs, for example, in apocryphal legends of the so-called “Folk Bible” in which Jesus Christ or the Virgin (as well as Saints) accomplish some “primordial deeds”, thus, consecrating the established order of things. However, along with such stories, there are earlier, pre-Christian legends too, which may be known in different continents. The Karelian legend about a bird a hazel grouse (*Bonasa bonasia*) belongs to the latter ones. In Karelia it was represented by two main plots: in the first one the main character is the Virgin (it describes a hazel grouse resuscitated and flying off from a boiler, resembling the Resurrection of Christ on Easter; the legend is the basis of the ban to roll dough for pies and to cook meat on Easter day. The second motif is more ancient existing within the territory of the most part of Northern Eurasia. The legend tells about an enormous hazel grouse as a mythical primordial bird, whose meat was shared between other animals or spread out in nature by gods or spirits at the beginning of times, that was connected with creation of other living beings. The second plot is likely to have Ural-Siberian origins. It is confirmed not only by the fact that it exists among a lot of Siberian ethnic groups, but also by an archaic character and the variety of details in the narration, by the tendency to complication of a plot by means of a motif of the creation of the world.

Keywords: comparative studies, Karelian mythology, Karelian folklore, mythopoetics, etiological legends, image of a hazel grouse, plot, motif

References

1. Alekseenko E. A. *Mify, predaniya, skazki ketov* [Myths, Legends, Fairy Tales of Kets]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 343 p. (In Russ.)
2. Belova O. V. «*Narodnaya bibliya*»: *vostochnoslavjanskije etiolozicheskie legendy* [The “Folk Bible”: Eastern Slavic Etiological Legends]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 576 p. (In Russ.)
3. Belova O. V., Kabakova G. I. Comments. In: *U istokov mira. Russkie etiolozicheskie skazki i legendy* [At the Origins of the World. Russian Etiological Fairy Tales and Legends]. Moscow, Forum, Neolit Publ., 2014. 528 p. (In Russ.)
4. Efimenko P. S. *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of the

- Arkhangelsk Province*]. Moscow, Tipografiya F. B. Millera Publ., 1877, part 1: Description of External and Internal Life. 221 p. (In Russ.)
5. Konkka A. Christmas-tide in Panozero, or an Epiphany Pig. In: *Na plechakh Bol'shoy Medveditsy. Izbrannyye stat'i [On the Shoulders of the Big Dipper. Selected Articles]*. Petrozavodsk, 2015, pp. 58–82. (In Russ.)
 6. Kuznetsova V. S. A Grouse and a Mammoth in the Legends of the Russian Folk “Bible”. In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. Novosibirsk, 2008, no. 3, pp. 5–13. (In Russ.)
 7. Kuznetsova V. S. On Local Features of the Siberian Corpus of Legends of the Russian Folk Bible. In: *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]*, 2014, no. 1, issue 26, pp. 54–60. (In Russ.)
 8. Limerov P. F. *Mu puks'öm — Sotvorenie mira [Mu puks'öm — The Creation of the World]*. Syktyvkar, Komi Publ., 2005. 624 p. (In Russ.)
 9. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa [The Poetics of Myth]*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. 408 p. (In Russ.)
 10. *Mifologiya Komi [The Mythology of the Komi]*. Moscow, DIK Publ., 1999. 480 p. (In Russ.)
 11. *Mifologiya sel'kupov [The Mythology of the Selkups]*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2004. 382 p. (In Russ.)
 12. Stepanova O. B. *Traditsionnoe mirovozzrenie sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe [The Traditional Worldview of the Selkups: Ideas About the Life and Soul Cycles]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)
 13. Khramtsova O. A. *Finskie poslovitsy i pogovorki i ikh russkie analogi. Russkie poslovitsy i pogovorki i ikh finskie analogi [Finnish Proverbs and Sayings and Their Russian Equivalents. Russian Proverbs and Sayings and Their Finnish Equivalents]*. St. Petersburg, Karo Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)
 14. Chudova T. I. A Hazel Grouse in the Food Culture of the Komi (Zyrian). In: *Antropologicheskii forum*, 2015, no. 24, pp. 189–194. (In Russ.)
 15. Karjalainen K. F. *Jugralaisten uskonto [The Religion of the South]*. Porvoo, WSOY Publ., 1918. 601 p. (In Finnish)

Information about the author: *Konkka Aleksii* — PhD. in History, the Senior Researcher of the Sector of Ethnology of the Institute of Language, Literature and the History of the Karelian Scientific Center of the RAS.

Received: August 15, 2018

Date of publication: December 10, 2018

DOI 10.15393/j9.art.2018.5521

УДК 821.161.1.09“18”

Игорь Алексеевич Виноградов*(Москва, Российская Федерация)*

info@imli.ru

«Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя

Аннотация. К числу «сквозных» и «узловых» тем гоголевского творчества, долгое время не привлекавших к себе внимания, принадлежит вопрос об отношении писателя к «оппозиционным», противоправительственным течениям. Эта тема является ключевой для целого ряда художественных и публицистических произведений Н. В. Гоголя. Впервые исследуется гоголевская типология «огорченного человека» — литературного современника «лишних людей» Онегина и Печорина, «новых людей» Н. Г. Чернышевского, «подпольного человека» Ф. М. Достоевского и др. Анализируются взгляды Гоголя на соотношение либерализма и консерватизма — в частности, рассматривается находившийся в поле внимания писателя «парадокс», согласно которому лицемерный консерватизм всегда заключает в себе начала либерализма, тогда как обвиняемые псевдо-консерваторами «либералы» порой на деле являются носителями охранительных ценностей. Подробно освещается автобиографический характер отдельных мотивов гоголевских произведений, связанных с характер государственного служения. Устанавливается авторство воспоминаний неизвестного лица о пребывании Гоголя в Мангейме в 1844 г. Они принадлежат Григорию Михайловичу Толстому (1808–1871), богатому симбирскому и казанскому помещику, знакомому К. Маркса. Личность незаурядная, хорошо образованный представитель известного дворянского рода, субъект «онегинского» типа, любитель цыганских песен, театрала, либерал, игрок и охотник, Г. М. Толстой отличался необязательностью и, как можно судить, «легкостью в мыслях необыкновенною», так что вполне мог сослужить службу Гоголю в пополнении его галереи «мертвых душ». Эпизод из гоголевской биографии рассматривается на широком культурно-историческом фоне. Изучается история знакомства Г. М. Толстого с Гоголем в Москве в 1840 г. и общения с писателем, четыре года спустя, в Мангейме, а также обстоятельства сближения Толстого, накануне его приезда в Мангейм, в Париже с К. Марксом. Сообщаемые сведения открывают новую страницу в биографии и творчестве Гоголя.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, консерватизм, либерализм, типология героя, «лишние люди», «огорченные люди», полемика, пародия

1

Традиционно среди многочисленных писательских заслуг Н. В. Гоголя подчеркивается важный вклад, который он внес, вслед за А. С. Пушкиным, в развитие темы «маленького», обездоленного человека. В освещении этой очевидной и бесспорной в гоголевском творчестве темы был, однако, допущен, еще при жизни писателя, существенный перекосяк. На «выгодной», с точки зрения обличения самодержавной России, теме «маленьких людей» особенно настаивала современная Гоголю радикальная критика, а также литературоведение последующего, советского периода. Долговременная сосредоточенность на этой теме заслонила от исследователей более важную и гораздо более значимую проблему, которую решал Гоголь при создании этого типа. Идеологические препоны отвели внимание критиков от того обстоятельства, что тема «маленького человека» является в творчестве Гоголя лишь одной из составных частей, важным, но частным преломлением более широкой темы «оппозиционного», «огорченного человека» — одного из представителей обширной гоголевской галереи «мертвых душ». Тем самым в истории русской литературы было пропущено чрезвычайно важное звено. Оставленный без внимания гоголевский тип «огорченного человека» связывает собой целую плеяду типов «лишних людей»: пушкинского Евгения Онегина, лермонтовского Печорина, «новых людей» Н. Г. Чернышевского, «подпольного человека» Ф. М. Достоевского и др. Оригинальный вклад Гоголя в антропологию, его открытия в области типологии человека, остались, как и в случае с целым рядом героев Достоевского [Захаров, 2018], невостребованными.

С проблемой «огорченного человека» тесно связан неизученный вопрос о консервативных взглядах Гоголя как художника. О Гоголе как «консерваторе» радикальная пресса заговорила лишь в 1847 г., с выходом в свет его публицистической книги «Выбранные места из переписки с друзьями». В этой книге писатель попытался объяснить читателю подлинный смысл своей художественной деятельности, существенно искаженный в интерпретациях В. Г. Белинского и его последователей.

Однако «переубедить» современников Гоголю в полной мере не удалось. Книга, призванная, по замыслу писателя, дать им настоящий ключ к пониманию его произведений, подверглась идеологическому «разоблачению» и третированию. Впоследствии долгие годы в критике и литературоведении преобладало отношение к художественным произведениям Гоголя как к текстам, написанным в радикальном духе. Критические высказывания самого писателя в адрес радикалов в эпоху, предшествующую изданию «Выбранных мест...», по идеологическим причинам не изучались. Тем более не затрагивалась неизменная критика Гоголем «оппозиционеров» в его художественных произведениях. Воссоздание полноценной, объективной картины взглядов писателя на проблему противоправительственных течений — одна из насущных задач научного осмысления гоголевского наследия.

В 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь писал:

«...первые взрывы и попытки производятся обыкновенно людьми отчаянно дерзкими, какими производятся мятежи в обществах. Они видят несвойственные формы, несоответствующие нравам и обычаям правила и ломают напролом чрез все. Они не видят границ, ломают без рассуждения все и всегда, и, желая исправить несправедливость, они в обратном количестве наносят столько же зла»¹.

Круг лиц, кого мог иметь в виду Гоголь под «отчаянно дерзкими», производящими «мятежи в обществах» людьми, достаточно широк, и наиболее вероятными из тех, кого писатель мог подразумевать в этом случае, следует прежде всего назвать декабристов, восстание которых нашло отражение в 1826 г. в школьных беспорядках в Нежинской гимназии, где учился будущий писатель². Но с таким же правом к «отчаянно дерзким» лицам Гоголь мог отнести в период написания статьи уже известного к 1836 г. своими радикальными взглядами Белинского. В том же 1836 г. в черновых набросках статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» Гоголь дал соответствующую — критическую, хотя и смягченную соображениями публичности, оценку деятельности молодого Белинского. «Вкус» Белинского Гоголь называл

тогда «молодым и опрометчивым» — и лишь обещающим «будущее развитие». Размышляя о безответственности «семейственной критики», он писал:

«Вместо того, чтобы говорить о деле <...>, рецензенты говорили совершенно о других обсто<ятельствах>, рассказывали разные труды автора на поприще вовсе нелитерат<урном>, где был он прежде, нежели сделался автором, <...> где кушал чай, <...> какая у него жена и тому подобное. <...>

В критиках Белинского, помещающихся в Телескопе, виден вкус, хотя еще необразовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном убеждении. — При всем этом в них много есть в духе прежней семейственной критики, что вовсе неуместно и неприлично, а тем более для публики» [Гоголь, 1952: Т. 8, 532–533].

«...Отзыв Гоголя о Белинском, — указывал в 1963 г. М. П. Еремин, — при внимательном рассмотрении оказывается положительным, может быть, только наполовину» [Еремин: 365]. Но гораздо важнее в этом отзыве то, что определение Гоголем «вкуса» Белинского как «молодого и опрометчивого» содержит в себе определенный политический намек, актуальный после французской революции 1830 г. Слова Гоголя о Белинском перекликаются с характеристикой в той же статье европейской литературы, в которой, по словам писателя, вследствие «политических волнений» во Франции «распространился беспокойный, волнующийся вкус»:

«Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные <...>. ...эти явления <...> отражались и в России...» (VII; 476).

Идейное противостояние Гоголя и Белинского началось отнюдь не с выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». В полемику с Гоголем — публицистом и художником — Белинский вступил с самой первой своей статьи о гоголевских произведениях — «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”）」 (1835) [Виноградов, 2000: 347–363]. Как и в 1847 г., в споре о «Выбранных местах из переписки с друзьями», высказывания Белинского

о повестях Гоголя в 1835 г. были *подменной* существа вопроса пространными рассуждениями «о своем» [Виноградов, 2017а: 77–94]. Неизменным было и соответствующее гоголевское критическое отношение к Белинскому на всем протяжении их идейной борьбы. Заявление Белинского о том, что к 1847 г. Гоголь якобы переменял свои прежние политические взгляды (будто бы противоправительственные), является не более чем тактической уловкой критика.

Одним из многочисленных свидетельств того, что мировоззрение Гоголя в продолжение всей его жизни, в политическом отношении, кардинальным изменениям не подвергалось, может служить, в частности, то, что приведенные выше суждения об «отчаянно дерзких», «опрометчивых» людях, высказанные Гоголем в 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», писатель много лет спустя повторил, почти без изменений, в первой главе второго тома «Мертвых душ». Здесь он рассказал историю вольнодумства помещика с «декабристским» прошлым Андрея Ивановича Тентетникова (в первоначальной редакции Дерпенникова).

Как замечает в заключительной главе второго тома гоголевский генерал-губернатор, Дерпенников, сосланный в Сибирь, был осужден за «преступление против коренных государственных законов, равное измене земле своей» (V; 478). Другой герой поэмы поясняет, что юноша «по неопытности своей был обольщен и сманен другими» (V; 478). По свидетельству современников, в Сибирь Гоголь даже намеревался перенести само действие поэмы³.

Повторением размышлений 1836 г. о недовольных возмутителях, желающих «исправить несправедливость», но носящих «в обратном количестве» «столько же зла», стало упоминание во втором томе поэмы о двух «огорченных людях» в числе петербургских приятелей Тентетникова:

«...в числе друзей Андрея Ивановича попало два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые поначалу,

но беспорядочные сами в своих действиях, они исполнены нетерпимости к другим» (V; 379).

Таким же очевидным «повтором» размышлений 1836 г. стал и прямой намек в истории Тентетникова на самого Белинского — «недокончившего учебного курса эстетика»:

«Надобно сказать, что в молодости своей он <Тентетников> было замешался в одно неразумное дело. Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да недокончивший учебного курса эстетик (в первоначальной редакции было: «да недочувшийся студент» (V, 262). — И. В.), да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряженьем старого плута и масона, и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека» (V; 388).

В неотправленном письме к Белинскому 1847 г. Гоголь замечал: «Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса» (XIV; 394).

Впервые главы второго тома гоголевской поэмы были напечатаны в 1855 г. Из этой публикации читателю стали известны и слова о радикальных друзьях Тентетникова, «пылкая речь» которых и «образ благородного негодованья противу общества» «подействовали на него сильно», «разбудивши в нем нервы и дух раздражительности», заставив «замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимание»⁴. Судя по всему, вскоре после появления в печати сохранившихся глав второго тома эти строки стали предметом пристального внимания современников. Тогдашнее восприятие читателями гоголевского рассказа также может служить реальным комментарием к окружению Тентетникова. По видимому, выражение Гоголя «огорченные люди» — эвфемизм для обозначения радикально настроенных лиц — сразу подметил Ф. М. Достоевский, работавший в ту пору над романом «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). «Огорченные люди» нашли тогда отражение в упоминании о принадлежности к «огромной фаланге огорченных» [Достоевский: Т. 3, 12] главного героя романа, Фомы Опискина. По наблюдению исследователей, в образе Опискина Достоевский, в числе прочего, заключил скрытую пародию на реальных представителей

этой «фаланги» — Белинского, М. В. Петрашевского и других «социалистов», с которыми встречался в 1840-х гг.⁵ Сообщая о литературной неудаче, ставшей главной причиной превращения Опискина в «огорченного» героя, Достоевский, возможно, имел в виду неудачный литературный дебют Белинского 1831 г., послуживший причиной его исключения из Петербургского университета «по слабости здоровья и притом по ограниченности способностей» [Поляков: 401]:

«Это было, конечно, давно; но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожных и глуповатых. Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники. <...> Он и в шутах составил себе кучку благоговевших перед ним идиотов» [Достоевский: Т. 3, 12].

Отношение к Белинскому как к бесталанному «огорченному» Опискину, герою-деспоту, собравшему вокруг себя неумных почитателей (хранящих память о нем даже после его кончины: «Они и теперь не могут говорить о нем без особого чувства...» [Достоевский: Т. 3, 165]), звучит и в позднейшем отзыве Достоевского о критике в письме к Н. Н. Страхову: «Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените) именно был немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда...» [Достоевский: Т. 29₁, 208].

Следует, однако, оговориться, что сам по себе пародийный свод Достоевского в романе намного шире и многообразнее, чем конкретные указания на то или иное лицо⁶. К примеру, по наблюдению Л. П. Гроссмана⁷, на Белинского в «Селе Степанчикове...» указывает также запоминающееся слово «паршивик» в характеристике Опискина: «Какое у него лицо, у паршивика! Один только срам, а не лицо!» [Достоевский: Т. 3, 23]. Позднее, в письме к А. Н. Майкову 1868 г., Достоевский прямо употребил это слово в оценке Белинского: «...никогда не поверю словам покойного Аполлона Григорьева, что Белинский кончил бы славянофильством. Не Белинскому кончить было этим. Это был только паршивик — и больше ничего» [Достоевский: Т. 28₂, 328]. Но, несмотря на это, в образе Опискина

можно с не меньшим успехом обнаружить отдельные черты и выражения совершенно противоположного критику по взглядам человека, а именно — самого Гоголя. Например, как подметил Ю. Э. Маргулиес, на Гоголя указывает в «Селе Степанчикове...» знаменитая «малага», которую требует себе ломающийся перед окружающими Опискин [Маргулиес: 272–294]. Этот эпизод прямо «списан» с памятной встречи Гоголя в 1848 г. с петербургскими писателями-«некрасовцами», когда писатель, устав от неприязни юных либералов, неожиданно спросил себе «малаги». (Выражая свою «капризную» просьбу, Гоголь, по-видимому, подразумевал при этом стихотворение своего покойного друга Н. М. Языкова с одноименным названием, в котором «малага» как «напиток смиренный и беспенный» противопоставляется «кипучим» винам, которые герой пил в разгульные годы юности, когда — «всё было наобум»⁸. Догадка эта представляется тем более вероятной, что Языков в данном стихотворении следовал другому, тоже хорошо известному Гоголю образу — пушкинскому: «Вдовы Клико или Моэта / Благословенное вино <...> На стол тотчас принесено. <...> Но изменяет пеной шумной / Оно желудку моему, / И я бордо благоразумной / Уж нынче предпочел ему»⁹.) Эпизод с «малагой» был описан в 1855 г. присутствовавшим на встрече И. И. Панаевым, чьим рассказом, вероятно, и воспользовался Достоевский (см.: [Виноградов, 2018: 56–58]). Белинский и Гоголь — в одном персонаже, в образе Опискина, для Достоевского той поры *оба* — «деспотические», не знающие жизни «поучающие» доктринеры, «обличить» которых прошедший каторгу, получивший ничем другим не приобретаемый опыт писатель имел тем большее, по его мнению, «право», что пострадал он именно вследствие знаменитой «полемики» Белинского и Гоголя.

2

Рассказчик, перечисляя друзей Тентетникова, кроме «недоучившегося студента», упоминает о «двух философах из гусар, начитавшихся всяких брошюр» (V; 388). Упоминание о них нуждается в пояснении. Хотя эти слова вполне можно отнести и к офицерам-декабристам, но более вероятным

прототипом, точнее подходящим под такую характеристику, может быть назван «басманный философ», бывший гусар П. Я. Чаадаев — один из предполагаемых адресатов чрезвычайно высоко оцененного Гоголем в 1845 г. антизападнического стихотворения Н. М. Языкова «К ненашим» (стихотворение было адресовано Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и, возможно, П. Я. Чаадаеву). С Чаадаевым, метко очерченным еще в 1820-х гг. эпиграммой А. С. Пушкина: «Он в Риме был бы Брут, <...> / А здесь он — офицер гусарской», — Гоголь лично познакомился в 1840 г. [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 402].

Не будет безосновательным и предположение о прототипе второго «философа из гусар». Вполне вероятно, что, наряду с Чаадаевым, Гоголь подразумевал в этой фразе единомышленника Белинского М. А. Бакунина, с которым тоже был знаком. Впервые он встретил его в 1841 г. в Ганеу у Языкова. В то время Языков сообщал родным: «На днях встретился с Бакуниным; это один из московских юношей, занимающихся философией... <...>. Он герой и потому уже, что из офицерства перешел к наукам» [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 565]. Гоголь позднее иронически именовал Бакунина «философом» в письме к Языкову от 28 мая (н. ст.) 1843 г. (XII; 242).

Судя по всему, по замыслу автора образ «коптителя неба» Тентетникова во втором томе «Мертвых душ» (V; 372) предназначен был явить собой ответ так называемым «лишним людям» — тем из современников, которые в его «сатирических» произведениях находили, вслед за Белинским, оправдание своей оппозиционности и бездействия на поприще служения России. Белинский, к примеру, оправдывая Онегина (и оправдываясь сам), заявлял:

«Не натура, не страсти, не заблуждения личные сделали Онегина <...>, а век»; «...Онегин не принадлежит <...> к <...> разряду эгоистов. Его можно назвать *эгоистом поневоле* <...>. Благая, благотворная, полезная деятельность! Зачем не предался ей Онегин? <...> но что бы стал делать Онегин в сообществе с такими прекрасными соседями <...?>» [Белинский. Статья восьмая...: 455, 458–459].

Тем же самым — отсутствием достойного поприща, пресловутой «общественною средою», препятствующей «развитию»

народа по западноевропейским меркам, — Белинский объяснял и досадную «отсталость» героев «Мертвых душ»: «Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет» [Белинский. Литературный разговор...: 359–360].

По свидетельству П. Е. Басистова, одного из сотрудников либеральных «Отечественных записок», «Мертвые души» казались радикалам «самым положительным оправданием Печорина и подобных ему людей тогдашнего поколения»: «Отрицание старой жизни, вызвавшееся в ее комическом представлении у Гоголя, казалось в то же время выводом к жизни новой» [Басистов: 30]. В связи с этим профессор А. И. Введенский, размышляя в конце XIX в. по поводу образа Тентетникова, проницательно заметил:

«Гоголь был слишком реалист и свободен от влияния иностранных героев, чтобы не рассмотреть той фальши, которой облекались пустые Печорины. Каким-то непонятым ореолом непонятных страданий трудно было отвести Гоголю глаза. В самом начале романа пушкинский Онегин и во все продолжение лермонтовского романа Печорин несут на себе отпечаток байронизма, “демонизма”, привлекательной загадочности; у Гоголя нет ничего подобного. В этом и лежит причина, почему Тентетников — такой смиренный и незначительный малый. Гоголь взял самого простейшего из простых образованных людей современной ему России, лишил его всякого убранства человекоубийством и привлекательностью для женщин, поставив его в реальные условия, к окну деревенского помещичьего дома, и заставив смотреть, как дерутся деревенские бабы. Весь байронизм как рукой сняло с загадочного героя. Вышел просто — “коптител небя”, как его охарактеризовал Гоголь. Неопределенность исчезла, всякому стало понятно, что в Тентетникове не привлекательное зло и не что-либо вроде Печорина, каким является этот тип у Лермонтова, а просто ни к чему не приспособленный человек, совершенно бессильный в обществе, с нравственными задатками, но не умеющий отстаивать их...» [Введенский: 2–3].

К этому в целом верному наблюдению необходимо добавить то, что разоблачением душевной пустоты «лишних людей», прикрывающих свою бесполезность мнимой невозможностью

проявить себя в «удушающей» среде, Гоголь, в свою очередь, занялся отнюдь не в последние годы своей жизни. Он приступил к этому уже с самого начала своей художественной деятельности — задолго до работы над вторым томом «Мертвых душ».

Очевидным идейным «прототипом» Тентетникова в творчестве Гоголя является герой его раннего драматического «Отрывка», извлеченного в 1842 г. из сцен незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени» (1832–1834).

По словам рассказчика, Тентетников, вовлеченный в «неразумное дело», «скоро спохватился» и из круга «огорченных людей» выбыл (V; 262). В несохранившемся фрагменте второй главы второго тома «Мертвых душ» он, по воспоминаниям Л. И. Арнольди, «с прекрасным увлечением» говорил о самопожертвовании русских людей в войне 1812 г., о том, что «весь народ встал как один человек на защиту отечества» [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 338, 342].

Подобно Тентетникову, ранний герой Гоголя тоже производит (в черновой редакции «Отрывка») вдохновенный монолог о способности русского человека «пожертвовать всем имуществом» и самой жизнью (лейтмотив всех размышлений Гоголя о 1812 годе) и противопоставляет этому главному свойству национального характера деятельность декабристов — «пятидесяти русских пустых голов, воспитанных на французскую ногу», увлеченных, по словам героя, «оторванной от всего мыслью, созданной наскоро в легкой голове француза» [Гоголь, 1949: Т. 5, 424, 127].

Позднее, в 1845 г., в статье «Занимающему важное место» Гоголь, имея в виду декабристов, также замечал: «...слава Богу, уже прошли те времена, чтобы несколько сорванцов могли возмутить целое государство» (VI; 146). Очевидно, что, как и в других случаях, Гоголь лишь повторял здесь то, о чем, почти в тех же выражениях, рассуждал ранее герой «Отрывка».

Но объединяют героев «Отрывка» и второго тома «Мертвых душ» (увы!) не только их патриотические чувства, но и — одинаковое безволие. Гоголевская ирония в «Отрывке» заключается в том, что увлеченно проповедующий верность долгу и чувство «непостижимой любви к царю» герой [Гоголь,

1949: Т. 5, 127] — Михал Андреевич, или просто Миша, — на деле во всем подчиняется своей «маменьке», светской даме Марье Александровне, — одной из «вредных обществу» законодательниц светского образа жизни с его этикетами, пустыми лицемерными обычаями, европейской развращающей роскошью и пр. (VI; 185) — всего того, что, по убеждению Гоголя, губительно для России, и не в меньшей мере, чем декабризм. «Вы рассмотрите, когда и в чем я был не послушен вам», — неожиданно завершает Миша свой вдохновенный монолог [Гоголь, 1949: Т. 5, 425]. «Этот добродетельный молодой человек поражает своей покорностью матери, доходящей до того, что, повинувшись ее вздорной прихоти, он готов, не смотря на свои тридцать лет, поступить в юнкера» [Коробка: 9]. «Болезнь воли», непоследовательность, подверженность дурным мнениям и соблазнам, вполне хлестаковское отсутствие «царя в голове» — отличительные черты «лишнего человека», определяющие характеры этих «разновременных» героев Гоголя. Будучи на словах верны памяти о событиях 1812 года, они так или иначе оказываются причастны мятежному либерализму.

Сходные «декабристские» реминисценции встречаются у Гоголя — в похожем контексте — и в первом томе «Мертвых душ», во вставной «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе. Здесь излагается история об отважном капитане, участнике Отечественной войны 1812 г., ставшем впоследствии, по невольности к чужеземным соблазнам и вследствие «распеканья» важного генерала, — прямым врагом Отечества, опустошающим «казенный карман» разбойником. На то, что судьба Копейкина была для Гоголя неким подобием участи декабристов — бесстрашных русских офицеров, героев войны 1812 года, ставших спустя несколько лет участниками противоправительственного заговора (о чем, конечно же, Гоголь не мог писать открыто), — указывает в «Повести...» характерное замечание героя, определенного разгневанным петербургским генералом для препровождения «на место жительства»: «...по крайней мере не нужно платить прогонов...» (V; 198). (Прогоны — здесь: установленная плата за проезд на казенных почтовых лошадях. — И. В.) Существовал указ от 13 июля

1826 г. «О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом». В «Полном собрании законов Российской Империи» этот указ следует за Именным указом по делу о декабристах и манифестом «О совершении приговора над государственными преступниками», которые датированы тем же числом¹⁰ (в этот же день приговор по делу о декабристах был приведен в исполнение).

Двойственное отношение автора к герою «Повести о капитане Копейкине» — персонажу, заслуживающему не только сострадания, но и порицания, — много лет спустя верно подметил Достоевский. По поводу разбойных нападений «атамана» Копейкина «на одно только казенное» он замечал: «...страшно развелось много капитанов Копейкиных, в бесчисленных видоизменениях <...>. И все-то на казну и на общественное достояние зубы точат» [Достоевский: Т. 27, 12].

Несомненный «двойник» бегущего за границу, «в Соединенные Штаты» капитана Копейкина — «оппозиционер» и предатель родины Андрий в «Тарасе Бульбе», настигаемый отцовским возмездием: «Я тебя породил, я тебя и убью!» (I/II; 389). Из всех казаков в наибольшей степени для Андрия «жизнь — копейка», — согласно выражению, употребленному Гоголем в 1834 г. в статье «Взгляд на составление Малороссии» (VII; 166) и, вероятно, отразившемуся затем в прозвище капитана *Копейкина* в «Мертвых душах». Эта переключка между строками ранней статьи и именем героя поэмы (копейка — Копейкин), по-видимому, не противоречит тому обстоятельству, что при создании образа разбойного капитана Гоголь пользовался и народной песней о «воре» Копейкине, сообщенной ему в 1839 г. П. М. Языковым [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 268, 576]. Как представляется, песня потому и послужила Гоголю «первоисточником» для образа, что народное прозвище разбойника «совпало» с размышлением о «жизни — копейке», которое он изложил ранее во «Взгляде на составление Малороссии»:

«И вот <...> те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей... <...>. Это

общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников...» (VII; 166–167).

Однако негативные черты в облике казаков, по Гоголю, — только внешние, наружные приметы. Они отнюдь не составляют главного, «формообразующего» принципа Запорожской Сечи. Гоголь во «Взгляде на составление Малороссии» замечал: «...но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей» (VII; 167). Именно так изображает писатель запорожское общество и в самом «Тарасе Бульбе» — в противостоянии между высоким духовным призванием православных воинов и пагубными мирскими соблазнами, препятствующими им исполнять свое предназначение и приводящими к гибели пьянствующих казаков, к бесславной смерти опьяненного страстью Андрия [Виноградов. Комментарий: 490–494]. Сходным образом упомянутый герой драматического «Отрывка» Миша разрывается между высоким чувством долга и меркантильными требованиями его великосветской матери. Так же смелый капитан Копейкин, герой Отечественной войны 1812 г., «вопреки» своему патриотическому служению становится грабящим «казну» разбойником.

«Лишним человеком», не способным достойно реализовать себя в отечестве, является также «бунтующий» герой еще одного раннего произведения Гоголя — повести «Записки сумасшедшего» (1834). Этот вполне «огорченный человек» носит многозначительную фамилию Поприщин, однако мечтает он не о «законном поприще», на котором может «сослужить службу» «земле своей» (VI; 37, 224, 241), а о дочери начальника (подобно грезящему о прекрасной панночке Андрию), заполняет свой досуг посещением театров, народных гуляний, любовными стишками, а еще более — лежанием на кровати. По замыслу автора, он являет собой результат *собственного* нежелания возрастать в назначенном служении. В статье «Страхи и ужасы России» (1846) Гоголь писал:

«Служить <...> теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» (VI; 131).

Вопреки этому убеждению, Поприщин предпочитает оставаться «вечным титулярным советником» (III/IV; 117) — чиновником, «очинивающим перья для его превосходительства» (III/IV; 158). Несмотря на все свое тщеславие, доводящее его до «вольнодумных» мыслей о собственном «королевском» величии, — герой не предпринимает ровно ничего для того, чтобы перейти хотя бы на следующую ступень служебной лестницы. Избегает он этого потому, что, по существовавшим с 1809 г. правилам, для получения следующего чина, коллежского асессора, требовалось посещение лекций и сдача университетского экзамена¹¹. (Предшествующие званию титулярного советника чины шли «сами по себе», давались за выслугу лет.) Эту тему Гоголь не раз поднимал в других своих повестях. Например, тщеславный «майор» Ковалев в повести «Нос», стремясь из титулярных советников, отправляется даже на Кавказ, где чин коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, «майора») присваивался без аттестата и экзаменов.

В 1844 г. Гоголь обращался к поэту Языкову: «На колени перед Богом, и проси у Него Гнева и Любви! Гнева — противу того, что губит человека, любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам» (VI; 70). Кроме сумасшедшего «бунтаря» Поприщина, Гоголь изобразил в своих произведениях еще несколько «бедных», «вечных титулярных советников», заслуживающих одновременно и сострадания, и обличения. Это и демонический мститель Башмачкин в «Шинели», и равный ему по чину мститель-«атаман» капитан Копейкин (армейский чин капитана точно соответствовал гражданскому чину титулярного советника — «титулярный тот же капитан» [Гоголь, 1949: Т. 5, 366]). Прямая «копия» «крадущего шинели» «переписчика» Башмачкина — замешанный в «неразумном деле» столь же незначительный «переписчик» Тентетников (о котором местный капитан-исправник замечает: «Да ведь чинишка на нем — дрянь...» — V; 244).

Все эти гоголевские образы бунтующих «недоучек» имеют самое непосредственное отношение и к не окончившему «университетского курса» радикалу Белинскому. Именно положение Башмачкина и Поприщина, не одолевших ступени университетских экзаменов и не сумевших реализовать свой талант в подлинном служении Отечеству, служило Гоголю неким подобием состояния духовного и интеллектуального образования критика, погубившего, по оценке писателя, свой талант в «ожесточении и ненависти» (XIV; 394). Вероятно, еще в 1826 г. Гоголь прочел обнародованный в тогдашних военных ведомостях, в газете «Русский инвалид», Высочайший манифест от 13 июля 1826 г. о завершении суда и исполнении наказания по делу декабристов. В числе прочего, в манифесте сообщалось: «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель»¹². В почти буквальном соответствии с этим манифестом Гоголь в неотправленном письме к критику 1847 г. в ответ на превознесение тем трудов Вольтера замечал: «Вольтером не могли восхищаться полные и зрелые умы [ни Пушкин, ни Суворов]¹³, им восхищалась недоучившаяся молодежь. <...> Будем стараться, чтоб не зарыть в землю талант. <...> Возьмитесь снова <...> за свое поприще, с которого вы удалились с легкомыслием юноши. Начните вновь ученье» (XIV; 388, 393–394).

В 1834 г. с целью привлечь многочисленных титулярных советников — «поприщинных» и «башмачкиных» — к повышению образовательного уровня (и социального статуса) новый министр народного просвещения С. С. Уваров издал специальный указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников»¹⁴. «Беспристрастное испытание <...> чиновников, требующих назначенным Указом 6 августа 1809 года аттестатов, — писал Уваров, — есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств»¹⁵. Незадолго до этого, в 1832/33 учебном году, из подвергавшихся испытанию

чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека¹⁶. Обо всем этом Гоголь узнавал из первых номеров «Журнала Министерства Народного Просвещения» 1834 г. Получив первый номер журнала, он писал его редактору К. С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!» (X; 238–239).

3

Судьба «огорченных людей» и сама проблема «оппозиционности» занимала Гоголя еще со школьной скамьи. Слабовольного «маленького человека», ропщущего на свой незавидный удел — и на обманувший его надежды «ненавистный, слабомумный» свет (VII; 44), он вывел еще в 1827 г. в юношеской поэме «Ганц Кюхельgarten». В этой поэме он противопоставил исполненного «могучих сил» идеального, «Небом избранного» деятеля, отважно преодолевающего все препятствия и не внемлющего «мишурному» блеску славы, — рядовому обывателю, не имеющему «железной воли», однако предающемуся, несмотря на недостаток сил и талантов, «коварным мечтам». Таким представителем «слабых» мечтателей является главный герой поэмы Ганц Кюхельgarten, который тщеславно, «не по праву» соблазняется лучшей участью. Во избежание огорчений и ропота — следствия неудач, постигающих героя, Гоголь назначает ему более доступное поприще: «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» (VII; 45–46, 49).

Несомненен автобиографический характер этих литературных образов юного Гоголя. В год создания «Ганца Кюхельgartена» он писал своему двоюродному дяде П. П. Косяровскому:

«Еще с самых времен прошлых <...> я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства <...>. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу, бросали меня в глубокое уныние» (X; 74).

Как известно, в Петербург Гоголь приехал с чрезвычайно широкими (и смутными) планами о благородном труде на благо Отечества. Однако ему предстояло начать свою деятельность с низших ступеней чиновничьей лестницы. Это очень болезненно отразилось на его юношеском честолюбии. Страх «не означить своего существования» в мире — «Себя обречь бесславию в жертву, / При жизни быть для мира мертву» (VII; 28) — еще более усилился в Петербурге после неудачи с его первым литературным произведением — тем самым «Ганцем Кюхельгартенем». Опубликованная летом 1829 г. под псевдонимом «В. Алов» поэма получила в журналах уничтожительные рецензии, и Гоголь, скупив имевшиеся у книгопродавцев экземпляры, сжег их. Можно представить, как после случившейся литературной неудачи честолюбивый юноша ощутил ужас от возможного превращения в обыкновенного и даже ничтожного чиновника — в Акакия Акакиевича Башмачкина из будущей «Шинели» (в повести содержится целый ряд автобиографических переключек с ранними письмами Гоголя из Петербурга; см.: [Виноградов, 2001]). Отсюда в полную силу вступает начатое Гоголем еще в школьные годы воспитание самого себя, восхождение по духовной «лестнице». 24 июля 1829 г., когда нахлынувшие страхи немного улеглись, Гоголь пишет матери, что Бог указал ему особый путь, чтобы он мог «воспитать свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности»: «...чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеивать благо и работать на пользу мира» (X; 110). (Попутно отметим, что, в отличие от своих героев, «вечных титулярных советников», Гоголь препятствий к продвижению по служебной лестнице, связанных с образованием, формально не имел. Гимназия высших наук в Нежине обладала правами университета, так что ее воспитанники именовались «студентами», а выдаваемые аттестаты имели «равную силу с аттестатами, выдаваемыми от Российских университетов» и освобождали «получивших оные от испытания для производства по службе в высшие чины»¹⁷. Однако какие-то проблемы, связанные с реальным признанием прав нежинских выпускников, у Гоголя, по-видимому, все-таки были¹⁸.)

В 1836 г. Гоголь повторяет противопоставление исполненного «могучих сил» деятеля и слабого, ропщущего обывателя. В начале статьи «Петербургская сцена в 1835–36 г.» он использует многозначительную характеристику «отчаянно дерзких» людей, которыми «производятся мятежи в обществах». Устроителям «мятежей» он, как и в «Ганце Кюхельгартене», противопоставляет «великого творца», который из доставшегося ему «хаоса» «спокойно и обдуманно творит новое здание, обнимая своим мудрым двойственным взглядом ветхое и новое» (VII; 503). Применительно к литературе Гоголь представляет эту коллизию как неоспоримое превосходство великого, гениального «классика» над посредственными «романтическими» (напоминающими «романтика» Ганца) талантами:

«Много писателей <...> романтической смелостью даже изумляли оглушенное новым языком, не имевшее время одуматься общество. Но как только из среды их выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойствием художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание. Так совершил это Вальтер Скотт и, имея столько же размышляющего, спокойного ума, *совершил бы* Байрон в колоссальнейшем размере. Так совершит и из нынешнего брожения вооруженный тройною опытностью будущий поэт...» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь, 1952: Т. 8, 554]. (О посещении Байроном, как и гоголевским Ганцем, восставшей Греции современникам было хорошо известно.)

В полном соответствии с этим противопоставлением могучего творца слабому мечтателю («Ганц Кюхельгартен»), великого деятеля — посредственным лицам («Петербургская сцена в 1835–36 г.»), Гоголь еще со школьных лет критически относился и к прельщавшим современников «байроническим» чертам Евгения Онегина, одного из первых «лишних людей» в русской литературе — героя, сочетающего в себе, подобно английскому прототипу, «гениальную» избранность и разочарованную оппозиционность. Как уже отмечалось, Белинский истолковывал «эгоистический» характер пушкинского героя исключительно апологетически («эгоист поневоле», «ограничен» потому, что не имеет поприща для проявления своих

талантов). Гоголь же еще в 1828 г. с одобрением прочел в «Московском Вестнике» первую печатную работу славянофила И. В. Киреевского — статью «Нечто о характере поэзии Пушкина», где Онегину был вынесен приговор как «существу совершенно обыкновенному и ничтожному»: «Эта пустота главного героя была, может быть, одною из причин пустоты содержания первых пяти глав романа...»¹⁹.

В статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь замечал, что «последние» пушкинские поэмы, где поэт «погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников», «уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него все, где ни являются Эльбрус, горы, Крым и Грузия» (VII; 275–276). Возможно, здесь он имел в виду именно отзыв Киреевского о «пустоте содержания первых пяти глав» «Евгения Онегина». С его приговором, вынесенном пушкинскому произведению, Гоголь, очевидно, был не согласен. Напротив, он подчеркивал высокое искусство Пушкина, сумевшего в новых поэмах из «обыкновенного» извлечь «необыкновенное» (VII; 277). Однако в оценке самого Евгения Онегина Гоголь с Киреевским был единомышлен. Служившие предметом для подражания «увлекательные» черты Онегина (искусно изображенные Пушкиным, но не достойные одобрения) Гоголь впоследствии кардинально переосмыслил и переименовал в образе «пустейшего, ничтожнейшего мальчишки», «елистратишки»²⁰ Хлестакова в «Ревизоре»²¹. Одновременно Гоголь задумался и над тем, насколько изображение отрицательного и даже «демонического» героя может послужить продолжению его «существования в мире» (III/IV; 109) — подражательному «перевоплощению» образа в современных читателях и потомках. Эти размышления стали предметом гоголевской повести «Портрет».

Таким образом, проблема «лишних», «огорченных людей» предстает в творчестве Гоголя как одно из многочисленных преломлений темы «мертвых душ» — «мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей» (III/IV; 469). С самых первых своих произведений Гоголь, поднимая тему «маленького человека», выступает обличителем «пошлых»,

мелких «бунтарей», находящихся в непрекращающейся «ссоре», вражде с окружающим миром. Эти «духовные недоросли» не обременяют себя заботой об умножении своих талантов и не помышляют — как следовало бы, согласно чтимому Гоголем Иоанну Лествичнику²², — о восхождении по «лестнице» добродетелей, до Господня «возраста».

В 1846 г. усилиями приятеля Белинского, цензора А. В. Никитенко, в издававшихся тогда «Выбранных местах из переписки с друзьями» был исключен целый ряд глав, в том числе глава «Нужно любить Россию». Именно в этой важной статье содержится прямое назидание Гоголя, адресованное «лишним людям», — и не кому-нибудь, не каким-то посторонним, далеким от него либералам-западникам, а наиболее близкому своему другу, графу А. П. Толстому, впоследствии, в 1856–1862 гг., обер-прокурору Святейшего Синода. Во время написания статьи Толстой, служивший ранее, в 1830-х гг., тверским, а затем одесским губернатором, находился, вследствие конфликта с князем М. С. Воронцовым, в отставке. Из поучения Гоголя Толстому прямо следует, что его критическое отношение к носителям оппозиционных настроений определялось размышлениями о призвании человека, о самом смысле его жизни: «...Если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем... <...> Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам» (VI; 89).

Вообще говоря, не только содержание статьи «Нужно любить Россию», но и замысел всей итоговой книги Гоголя можно определить как стремление сделать каждого русского

подданного полезным России [Виноградов, 2017а: 77–94]. Еще более критическое отношение Гоголя к «лишним людям» уясняется из той задачи, которая была поставлена в 1832–1834 гг. перед русским обществом министром Уваровым. Хорошо известно, что в те годы в качестве основ народного образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Проводимый министром по инициативе Императора Николая I правительственный курс оказался глубоко созвучен современникам, в том числе Пушкину и Гоголю²³. Возобладал начатый еще А. С. Шишковым, министром народного просвещения в 1824–1828 гг., курс национально ориентированной политики в области образования — в отличие от противоположной «космополитической» деятельности на ниве просвещения в 1816–1824 гг. и 1828–1833 гг. министров князя А. Н. Голицына и светлейшего князя К. А. Ливена. Для Гоголя этот поворот государственной политики органично «совпал» с его собственными, внутренними устремлениями как художника, придав им новую силу — «официальное» одобрение и поддержку. Поставленная Уваровым задача духовного единения и развития страны сразу напомнила Гоголю главные «болевы́е точки» отечественного прошлого и настоящего, обнажила те проблемы, которые предстояло решать, осуществляя эту общенациональную программу. Самыми важными задачами монарха Гоголь считал преодоление бесконечных ссор и нестроений, а также всемерную поддержку духовного и профессионального возрастания его подопечных — и даже воспитание их святости. В позднейшей статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал:

«Все события в нашем отечестве <...> видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах <...> вооружить каждого <...> высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку <...> воздвигнуть в себе <...> брань всему невежественному и темному», чтобы мог один «устремить, как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» (VI; 46–47).

Именно в инициативах Уварова, в утверждении им основ Православия, Самодержавия, в провозглашении Народности русской литературы²⁴, берет свое начало замысел задуманных

в 1835 г. Гоголем «Мертвых душ»²⁵. Вскоре по создании «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь писал матери 2 октября 1833 г.: «У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего» (X; 227). О подобных христианах лишь по имени — «...вем твоя дела, яко имя имаши яко жив, а мертв еси» (Откр. 3:1) — Гоголь непосредственно размышлял при создании своей поэмы, желая, по его собственным словам, получить за это «ободрение и помощь от правительства» (XII; 21: письмо Гоголя к С. С. Уварову 1842 г.).

Однако курс, официально провозглашенный в 1832 г., называть «господствующим» в действительности было нельзя. Последовательное проведение в жизнь заявленных начал могло встретить в то время — со стороны окружающих «мертвых душ» — даже административное противодействие. М. П. Погодин в 1841 г., после выхода в свет первых номеров основанного при участии Уварова журнала «Москвитянин», записал в дневнике:

«Поутру был граф Толстой (имеется в виду упомянутый А. П. Толстой. — *И. В.*), с которым много говорили о России нынешней и прошедшей. Журнал ваш запретят, сказал он, потому что в нем слишком ясен Русский дух и много Православия. Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет свое начало в чужих краях, трепещущих России и действующих чрез золото» (цит. по: [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 531]).

Позднее, в неотправленном письме к графу С. Г. Строганову от конца января 1845 г., Погодин отмечал:

«Никто в Москве не пишет <...> ссылаясь, по русской лени, на цензуру, которой ужаснее вообразить трудно... <...>. Один журнал «Москвитянин», который целая партия считает официальным, а между тем ни одного номера не проходит без затруднения, так что несколько раз я хотел уничтожить его. <...> А в Петербурге, наоборот, пропускают Бог знает что. В Петербурге можно зажигать, а нам нельзя кричать — пожар» (цит. по: [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 531]).

Покровительство самой цензуры западническим журналам отмечал весной 1847 г. Ю. Ф. Самарин в письме к А. С. Хомякову: «...петербургская цензура не пропускает ничего против “Отечественных Записок”, “Современника” и в пользу Гоголя» (цит. по: [Виноградов. Летопись...: Т. 5, 656]). Сам Гоголь в письме к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. писал по поводу цензурных сокращений в его «Выбранных местах из переписки с друзьями»:

«Вся цензурная проделка для меня покаместь темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор <А. В. Никитенко> был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появление моей книги» (XIV; 121).

В свое время марксистский исследователь Я. З. Черняк (из круга Л. Б. Каменева и М. О. Гершензона) самонадеянно заявлял по поводу этих слов Гоголя: «Нет нужды опровергать полную неосновательность этого предположения» [Черняк: 584]. Между тем сохранившиеся документы полностью подтверждают догадку Гоголя. (О роли петербургской цензуры, а именно приятеля В. Г. Белинского цензора — А. В. Никитенко — в сокращении, более чем на четверть, «Выбранных мест из переписки с друзьями» см.: [Виноградов, 2005], [Виноградов. К истории создания...: 445–464]).

11 января 1847 г. С. Т. Аксаков, не вполне чуждый «оппозиционности», в свою очередь сообщал сыну Ивану: «В первом номере “Современника” я выслушал только две статьи Белинского: о русской литературе и втором издании “Мертвых душ”²⁶. С обеими статьями я совершенно согласен, они мне очень нравятся. Не забавно ли, что в Петербурге свободно пропускают то в *журналах*, за что здесь *преследуют ученые диссертации!*» [Виноградов. Летопись...: Т. 5, 512].

Один из близких знакомых Гоголя по Петербургскому университету славянофил Ф. В. Чижов в письме к художнику А. А. Иванову от 6 февраля 1846 г. замечал: «В Петербурге, кроме Царя, его семьи и народа, все какого-то космополитического направления; там и речи не заводи об истинно русском» (цит. по: [Бартенев: 414]). В 1832 г. сам Уваров осуществление

заявленной программы называл «одной из труднейших задач времени»²⁷.

«Литературоцентричность», предложенная в 1834 г. министром с целью вовлечения писателей в процесс общенационального строительства, также в самое непродолжительное время оказалась орудием в руках оппозиционеров. Так что к середине XIX в. светская словесность, на поддержку которой рассчитывал министр, стала плацдармом, откуда разворачивались основные движения, направленные против традиционного уклада русской жизни. Это напрямую сказалось на интерпретации гоголевских произведений в критике, которые «нужны» были радикалам — «огорченным людям» — исключительно в политических, тенденциозных целях (см. об этом: [Виноградов, 2018]). Ф. М. Достоевский, вспоминая о Белинском, замечал:

«Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*» (письмо к Н. Н. Страхову от 30 мая (н. ст.) 1871 г. [Достоевский: Т. 29₁, 215]).

Обсуждение проблемы «лишнего человека» применительно к творчеству Гоголя приобрело наибольший накал и остроту в конце XIX в. Ожесточенные споры в предреволюционные годы о «лишних людях» стали, по сути, спором об исторической России и самой возможности ее существования. Острая полемика по этому вопросу вспыхнула в 1880 г. между Ф. М. Достоевским и публицистом А. Д. Градовским, идейным продолжателем Белинского. В 1880 г. Градовский, подвергнув критике речь Достоевского на Пушкинском празднике, писал:

«...Гоголь — великая обратная сторона Пушкина. Он поведал миру, отчего бежал к цыганам Алеко, отчего скучал Онегин, отчего народились на свет “лишние люди”, увековеченные Тургеневым. Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановские, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины — вот тeneвая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многих иных. Это фон, без которого непонятны фигуры последних» [Градовский: 1].

Возражая на замечание Градовского, Достоевский в «Дневнике Писателя» за 1880 год писал, что выведенные Гоголем герои отнюдь не являются воплощением коренных русских типов, что это изображение отклонений, «уродств» русской жизни — и что такими же отклонениями являются и типы «лишних людей»:

«Вы утверждаете, что Алеко убежал к цыганам от Держиморды. Положим, что это правда. <...> А я утверждаю, что Алеко и Онегин были тоже в своем роде Держиморды, и даже в ином отношении и похуже. <...> Ведь не можете же вы отрицать, что они почвы не знали, росли и воспитывались по-институтски, Россию узнавали в Петербурге на службе, с народом были в отношениях барина к крепостному. <...> не только перед Держимордой был горд наш скиталец, но и перед всей Россией, ибо Россия, по его окончательному выводу содержала в себе только рабов да Держиморд. Если же заключала что-нибудь в себе более благородное, то это их, Алек и Онегиных, а более ничего» [Достоевский: Т. 26, 156–157].

(Характерно, в частности, позднейшее признание создательницы известной тетралогии «Лениниана», советской писательницы М. С. Шагинян: «...мы выросли плотью от плоти русской интеллигенции, когда “приносить обществу пользу”, работая в учреждении, казалось позорным концом “Обыкновенной истории” Гончарова» [Шагинян: 52].)

В. В. Розанов, отвечая Ю. Н. Говорухе-Отроку, указывавшему, что Гоголь «невинен» в интерпретации его произведений в революционно-демократической критике, замечал:

«Вспомним речь Достоевского на Пушкинском празднике: в минуту такого порыва, такого обаяния для всех, он упал как скошенный, когда к его ногам были брошены Гоголевские мертвецы. Отсюда — мучительное раздражение, с которым он отвечал профессору Градовскому. Он понял, что сколько бы ни говорил он далее, к какой бы диалектике ни прибегал — все эти вековые мертвецы, и с ними — истина, что человек может только презирать человека. И действительно, все в его полемике забыто, никто не помнит подробностей спора, но верно всякий помнит мысль, что в прежнее время людям высшей души некуда было и деваться, как только уходить в цыганские таборы от ходячих мертвецов, населявших города» [Розанов: 4].

На это тоже последовал ответ. Ю. Н. Говоруха-Отрок писал:

«...странные слова говорит г. Розанов о том, что <...> карающий смех заставляет “свертываться самый высокий энтузиазм”. Да, заставляет свертываться всякий *фальшивый* энтузиазм. <...> Вот почему, поскольку в энтузиазме Достоевского было чистого золота, ссылка Градовского на Гоголя не повредила этому энтузиазму и, для умеющего видеть, отделила лишь примесь от золота. И если Достоевский, сильно и властно ответивший Градовскому во всем остальном, в этом пункте, в ссылке на Гоголя, как бы ослабевает, то единственно потому, что именно здесь в его энтузиазме сказала фальшивая нота. Впрочем, и он все же сказал, что его “скиталец” бежал от жизни вовсе не благодаря Сквознику-Дмухановскому, но сказал это, к сожалению, неопределенно, потому что никак не мог отказаться от фальшивой идеализации этого “скитальца”. В действительности же его “скиталец”, начиная от Онегина и кончая самую последнюю минуту, скитался единственно от своей душевной пустоты, единственно от неподвижности своей души, от того, что не делал усилий прорвать “мертвую ткань”, опутавшую его душу. Он уходил не от грешного мира, где трудно спастись, как уходили наши Серафимы Саровские, пустынники и подвижники, чтобы, воспитав себя в пустыне, *светить* этому омертвевшему миру, он хотел убежать *от себя*, от своей собственной греховности и пустоты — и, конечно, не мог от нее убежать никуда» [Говоруха-Отрок: 5].

Несмотря на резонные возражения, на голоса в защиту традиционного русского государственного уклада, «старая» Россия после 1917 г. была окончательно обвинена и приговорена, а «страдавший» при «царском режиме» «лишний человек» — безусловно оправдан. Гоголевские произведения при этом были однозначно записаны «в пользу» «лишних людей» — как «сатира», обличающая и осуждающая историческую, самодержавную Россию. Естественно, что о гоголевском критическом отношении к радикальным деятелям говорить в советское время не приходилось. В настоящее время изучение вопроса об отношении Гоголя к «лишним людям» лишь начинается, а потому нуждается в собирании и оформлении доказательной базы.

4

Новым фактическим материалом, имеющим отношение к осмыслению Гоголем типа «огорченного человека», является неизвестная история общения писателя с одним из лиц, принадлежащих к «онегинскому» типу и даже входивших — в числе оппозиционных российскому правительству лиц — в круг «русских приятелей» К. Маркса. Эта история позволяет еще раз, на конкретном примере, проследить характер понимания Гоголем проблемы «лишнего человека».

В 2013 г. впервые по автографу, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), были опубликованы воспоминания неизвестного лица о пребывании Гоголя в Мангейме летом 1844 г. [Виноградов, 2013: 558–560]. Из источника следовало, что звали мемуариста Григорием Михайловичем, однако вопрос о фамилии оставался открытым. Ныне по именам упоминаемых в мемуарах отца и деда автора воспоминаний — Михаила Львовича и Льва Васильевича — удалось установить, что лицом, проживавшим с Гоголем в Мангейме в период между 15 и 19 июня (н. ст.) 1844 г., был небезызвестный Григорий Михайлович Толстой (1808–1871), богатый симбирский и казанский помещик, убежденный либерал, любитель цыганских песен, театрал, игрок и охотник²⁸.

Вырос Г. М. Толстой в дворянской семье Михаила Львовича и Евдокии Савельевны Толстых (жена Толстого была прежде его крепостной). В 1825 г. М. Л. и Е. С. Толстые жили в собственном доме в Москве, у Пресненских прудов. Г. М. Толстой был знаком со старшим братом Н. М. Языкова П. М. Языковым (тоже симбирским помещиком); в 1834 г. собирался жениться на их сестре Екатерине²⁹ (в замужестве — с 1836 г. — Хомякова, жена известного славянофила). Близким родственником, двоюродным братом мемуаристу приходился замешанный в декабристском заговоре Василий Петрович Ивашев, бывший в 1825 г. ротмистром Кавалергардского полка и адъютантом графа П. Х. Витгенштейна. (Отцом декабриста был генерал-майор Петр Никифорович Ивашев, матерью — Вера Александровна Ивашева, урожд. Толстая.) Сестра В. П. Ивашева, Елизавета Петровна, жена П. М. Языкова (с 1824 г.), нелегально ездила к сосланному брату в Сибирь. (С ней и ее

мужем был также знаком Гоголь.) После Е. П. Языковой к Ивашеву в Сибирь ездил и Г. М. Толстой. Об этом он оставил воспоминания, напечатанные в 1890 г., «Поездка в Туринск к декабристу Вас. Петр. Ивашеву в 1838 г.» [Толстой]. Именно у своей двоюродной сестры Языковой-Ивашевой Григорий Толстой, будучи осенью 1841 г. в Дрездене, познакомился с М. А. Бакуниным.

Деды Е. П. Языковой и Г. М. Толстого, Александр и Лев Васильевичи Толстые, были родными братьями. А. В. Толстой в 1797–1799 гг. занимал пост симбирского губернатора. Дочь младшего брата Льва, Екатерина Львовна, в 1798 г. вышла замуж за И. Н. Тютчева и в 1803 г. стала матерью Ф. И. Тютчева. По этим родственным связям Григорий, или, как его еще звали, Грегуар Толстой, поддерживал отношения с дочерью поэта Екатериной Федоровной (Kitty Тютчевой); с Сушковыми, у которых та воспитывалась (родная сестра Тютчева Дарья Ивановна была замужем за Н. В. Сушковым); с еще одной дочерью Тютчева Анной Федоровной, женой И. С. Аксакова; а также с графиней Пелагеей Васильевной Муравьевой — дочерью Н. Н. Шереметевой (урожд. Тютчевой — тетки поэта), тещи декабриста И. Д. Якушкина, еще одной близкой знакомой Гоголя.

Бывший сотрудник Н. А. Некрасова писатель Н. В. Успенский, со слов неизвестного, сообщал о Г. М. Толстом:

«Человек хорошо образованный, богатый, изъездивший не раз Европу, Григорий Михайлович был сыном своего времени. Это был вполне человек сороковых годов, человек увлекающийся, страстный. По характеру своему он имел много общего с С. Т. Аксаковым. Так, одна страсть, одно увлечение беспрестанно у него сменяли другую. Он то пристращался к охоте и превращал свое жилище в какой-то военный, охотничий арсенал: все комнаты у него тогда увешивались и уставлялись ружьями, рогатинами, кинжалами, яг<д>ташами и прочими принадлежностями охоты; то он пристращался к растениям — цветам и деревьям. И вот, он жил как бы в оранжерее, с дорогими тропическими растениями и т. п. Все это, конечно, требовало больших денег, и он до того увлекался, что иногда спускал чуть не до гроша свое состояние, обременял себя долгами — но счастье, видимо, ему покровительствовало, и он неожиданно-негаданно получал откуда-нибудь наследство» [Успенский: 234–235].

Широко известны слова А. С. Пушкина о герое «Кавказского пленника»:

«Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к В. П. Горчакову 1822 г.) [Пушкин: Т. 13, 52].

Сходное выражение употребил позднее в одной из своих статей известный поэт и критик, друг Пушкина и Гоголя, славянофил С. П. Шевырев. Статья, написанная им в 1841 г., была посвящена только что появившемуся тогда роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». «Преждевременная старость души», изображенная впервые Пушкиным в «Кавказском пленнике», получила в интерпретации Шевырева 1841 г. определение «собачьей старости» — по народному названию детского заболевания, при котором больной становится похож на старую собаку (медицинское название болезни — *прогерия*). Имея в виду Печорина, Шевырев писал:

«...что ж это за мертвец 25-летний, увядший прежде срока? Что за мальчик, покрытый морщинами старости? <...> Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости: это вечный голод тела, которое ничем насытиться не может. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. <...> Евгений Онегин, участвовавший несколько в рождении Печорина, страдал тою же болезнию <...>. Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры» [Шевырев: 527–529, 532].

Парадоксально, но именно негативные черты созданных Пушкиным и Лермонтовым «байронических» типов стали в светском обществе предметом «культового» подражания. Всю свою жизнь Грегуар Толстой, подобно еще одному единомышленнику Белинского, И. С. Тургеневу, стремился походить на Евгения Онегина. В. А. Панаев (двоюродный брат западника И. И. Панаева) вспоминал:

«...в Тургеневе заметна была <...> ходульность, <...> замечалось желание рисоваться <...>. В то время и Евгений Онегин Пушкина

служил образцом для молодых людей, находившихся в условиях, подобных тем, в которых находился Тургенев, и потому, весьма натурально, что он желал походить на героя Пушкинской поэмы. <...> В нем было столько общего по всем условиям с Онегиным, что его можно было признать за родного брата Пушкинского героя, как и Григория Михайловича Толстого <...> они, можно сказать, выдержали более или менее эту роль до конца жизни» [Панаев: 485–486].

Себя Толстой называл «либеральным человеком Николаевского времени» [Виноградов, 2013: 559]. О декабристском заговоре он вспоминал:

«Боже мой, Боже мой, что это было за время! В редком доме не оплакивали отца, сына, племянника, мужа, брата или друга, а между тем в них же проклинали бунтовщиков! Мне не раз удавалось слышать такие рассуждения: “Да! Надо сознаться, что люди окончательно развратились! Подумайте, кто у нас бунтует? Нищие, оборванцы, что ли? Пьяницы, Санкулоты что ли? — Нет, сударь, нет! Первые Русские фамилии: Князья Одоевские, Волконские, Голицыны, Оболенские, Графы Чернышovy! Да и кого тут нет? Все лучшие фамилии замешаны в этом проклятом заговоре! А спросить бы их, чего им не доставало? Мы сами Князьки, мы сами Царьки! Так нет, этого мало — будем бунтовать!»³⁰ У меня тоже племянника взяли, славный был малый; но признаюсь, что мне не столько жалка, сколько садка (т. е. досадна, огорчительна. — *И. В.*) вся эта проклятая история”. Для исторической верности скажу, что эти слова произнесены были при мне родною теткою Василия Петровича Ивашева» (имеется в виду либо Дарья Никифоровна Ивашева, в замужестве Родионова; либо Христина Никифоровна Ивашева, в замужестве Лихарева) (цит. по: [Виноградов, 2013: 559]).

С Гоголем Г. М. Толстой познакомился за четыре года до совместного проживания в Мангейме. Их встреча состоялась в начале 1840 г. в Москве у С.Т. Аксакова. В числе гостей были также Ю. Ф. Самарин и граф В. Ф. Соллогуб. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» вспоминал:

«...в субботу <6 января 1840 г.>, обедал у нас Гоголь с другими гостями; в том числе был<и> Самарин и Григорий Толстой, давнишний мой знакомый и товарищ по театру, который жил в Симбирске и приехал в Москву на короткое время и которому

очень хотелось увидеть и познакомиться с Гоголем. <...> Гоголь опять делал макароны и был очень весел и забавен. Соллогуб <...> ел за троих...» [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 388].

Последовавшая спустя четыре с половиной года встреча Толстого с Гоголем в Мангейме была, по-видимому, случайной. В 1863 г. Толстой (проживавший тогда в своем имении, селе Левашово Спасского уезда Казанской губернии) вспоминал:

«Давно, очень давно; прошло более 20 лет с тех пор, как на Рейне, в Мангейме <...> я провел несколько незабвенных дней с Ник<олаем> Вас<ильевичем> Гоголем. Боже мой! Что было это для меня за счастливое время! <...> Я заговорил о Гоголе только потому, что мне сегодня пришли на память слова его и возбудили, наконец, во мне желание, — или, вернее, решимость, — писать мои записки.

— Что вы не пишете? — сказал мне Гоголь. — В вас есть что-то очень похожее на талант, только, кажется, привычки писать вы не имеете; а привычка эта приобретает следующим образом: дайте себе слово писать каждый день хоть по несколько строк, но непременно каждый день; даже когда вы в дороге, и тогда берите с собою маленькую тетрадку, да карандаш — и хоть что-нибудь напишите.

— Хорошо писать, — сказал я Гоголю, — когда есть мысли в голове, но бывают такие дни или часы, в которые, по крайней мере мне, ничего в голову не лезет. Что тогда будешь делать?

— Как это? — сказал Н<иколай> В<асильевич>. — Вы все-таки пишете. — Ну, начните хоть так: ничего мне в голову не лезет! Что ж мне делать, что ничего в голову не лезет? Да от чего ж это уж ничего мне в голову не лезет? Да только точно ли ничего мне в голову не лезет?.. И наконец вы дойдете до того, что что-нибудь вам в голову и влезет» [Виноградов, 2013: 558–559].

Этими строками исчерпываются упоминания Толстого о Гоголе в его мемуарах. То, что Гоголь побуждал Толстого заняться хоть каким-нибудь делом — «писать каждый день хоть по несколько строк», косвенно подтверждается тем, что посвятить себя этому занятию писатель советовал не ему одному, но и многим своим знакомым и друзьям — С. Т. Аксакову, М. С. Щепкину, графу В. Ф. Соллогубу, Ф. В. Чижову, Н. М. Языкову³¹.

Тогдашний визит самого Гоголя в Мангейм тоже ничем не примечателен. После переезда оттуда в Баден Гоголь 19 июня (н. ст.) 1844 г. писал В. А. Жуковскому:

«Я <...> пробыл в Мангейме для того, чтобы рассмотреть и расспросить, правда ли то, что говорят будто бы в Мангейме лучше и дешевле жить <...>. Дома здесь устроены очень хорошо, с комфортами <...>. Это единственный немецкий город, который не воняет <...> все улицы в тротуарах, которые весьма чисто вымощены плитами. Наконец сад великолепный <...>. Притом местоположение вокруг раздольное и горизонту много, а Рейн здесь великолепен» (XII; 419–420).

Несмотря на очевидную малозначительность встречи Гоголя в Мангейме с Г. М. Толстым, есть нечто, что сообщает ей безусловный интерес. Любопытно то, что незадолго до мангеймской встречи с Гоголем Толстой виделся в Париже с М. А. Бакуниным и В. П. Боткиным, завязал там знакомство с И. И. Панаевым и, что еще любопытнее, — тогда же познакомился (и несколько раз встречался) с К. Марксом, «будущим главой интернационального общества», на которого произвел сильное впечатление. По свидетельству П. В. Анненкова, Толстой будто бы говорил тогда Марксу о намерении продать свои обширные имения и «бросить» весь свой капитал «в жерло предстоящей революции» [Анненков, 1880: 496]. В марте 1844 г. Бакунин писал о Г. М. Толстом знакомому Маркса, немецкому публицисту Ф. Бернайсу:

«Милый Бернайс. Толстой хотел еще вчера пойти со мной к вам, но ему что-то нездоровится. Он просит вас сегодня вечером между 7 и 12 зайти к нему. Будут также Гервег, Маркс и компания» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387]).

24 марта 1844 г. немецкий писатель и политик А. Руге сообщал своему дрезденскому приятелю Г. Кёхли:

«Вчера мы, немцы, русские и французы, обедали вместе, чтобы поближе рассмотреть и обсудить наши дела; русские: Бакунин, Боткин, Толстой (эмигранты — демократы, коммунисты); <немцы:> Маркс, Риб<б>ентроп, я и Бернайс; французы: Леру, Луи Блан, Феликс Пиа и Шёлхер. В общем мы прекрасно столковались...» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387])³².

Спустя три года, 26 октября 1847 г., сам Маркс писал Г. Гервегу: «Я просил бы тебя узнать у Бакунина, каким путем, по какому адресу и каким образом я могу переправить письмо Толстому» [Маркс, Энгельс, 1962: 419]. 3 ноября 1847 г. Гервег отвечал: «Адрес Толстого такой: Казань, Казанская губерния» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387]).

Бакунин, имея в виду Г. М. Толстого, писал о нем своему брату Павлу:

«...я не знаю демократа, которого мог бы сравнить с ним, потому что то, что в других — слова, теории, системы, слабые предчувствия, то стало в нем жизнью, страстью, религией, делом!..» (цит. по: [Чуковский, 1949: 372]).

Немецкий социалист К. Грюн, вспоминая, в свою очередь, о Бакунине, замечал:

«Я познакомился с Михаилом Бакуниным в середине 40-х годов в Париже. Тогда все стремления были однородны, <...> задача состояла в том, чтобы разрушить старое, и на его место водворить нечто новое, великое — точно не знали, что именно. Русские радикалы, смелостию превосходившие всех других, импонировали особенно... <...>. Если эти русские шли так далеко, чего же не могли ждать мы, остальные! <...> Бакунин и прочие русские — из них я припоминаю еще одного <...> Толстого, <...> не занимались в сущности ничем, кроме чтения газет; они превращали ночь в день и день в ночь» (цит. по: [Богучарский, Гершензон: 186]).

Весной 1846 г., по приезде из-за границы в Петербург, Толстой свел знакомство с Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским, Д. В. Григоровичем и другими писателями, входившими в ту пору в кружок В. Г. Белинского. В. А. Панаев сообщал:

«Зиму 1845 года Ив<ан> Ив<анович> <Панаев> провел за границей и, вернувшись оттуда, поехал в деревню, откуда прибыл в Петербург уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. В это время появились три новые литературные личности, а именно: Некрасов, Достоевский и Григорович. Среди знакомых появилось новое для литературного кружка лицо: Григорий Михайлович Толстой, которого я знал с детства... <...>. Толстой проводил постоянно время за границей, где и познакомился с ним Ив<ан> Ив<анович>. Он только что приехал оттуда и жил некоторое время в Петербурге,

до отъезда в свою деревню Новоспасское, Казанской губернии, Лаишевского уезда, куда и пригласил на лето Ив<ана> Ив<ановича> с женой, а также Некрасова, для дивной охоты на дупелей, которые водились в неисчислимом количестве в окрестностях означенной деревни. Во время пребывания в этой деревне Ив<ан> Ив<анович> решал вопрос об издании “Современника” и заключил по этому делу союз с Некрасовым» [Панаев: 490–491].

В то время, в мае 1846 г., когда Некрасов и Панаевы гостили у Толстого в селе Ново-Спасском, последний обещал внести 25 тысяч рублей в первоначальный фонд задуманного журнала. Обещания своего Толстой не выполнил, после чего Некрасов прекратил с ним отношения. 19 февраля 1847 г. Белинский сообщал И. С. Тургеневу:

«...так как Толстой, вместо денег, прислал им только вексель, и то на половинную сумму, и когда уже и в деньгах-то журнал почти не нуждался, — то он и отстранен от всякого участия в “Современнике”, а вексель ему возвращен» [Белинский: Т. 12, 335].

Позднее Некрасов вывел Г. М. Толстого в романе «Три страны света» (1848–1849) в образе богатого помещика Данкова, с жаром рассуждающего о «благородной деятельности», но «медлящего» приводить свои «общепользные планы» в исполнение³³.

В 1846 г. Г. М. Толстой, вероятно, еще будучи за границей, составил рекомендательное письмо к Марксу для П. В. Анненкова (последний тоже был обладателем симбирских поместий). (На основании цитированных выше воспоминаний В. А. Панаева К. И. Чуковским возвращение Г. М. Толстого из-за границы было отнесено к осени 1845 г.³⁴ Однако Анненков, выехавший за границу 8 января 1846 г. — и, в частности, останавливавшийся в Берлине, — сообщал, что встретился с Толстым где-то «по дороге в Европу» [Анненков, 1880: 496], — так что в Петербург последний, вопреки свидетельству В. А. Панаева, прибыл, вероятно, лишь к весне 1846 г. В 1919 г. Д. Б. Рязанов замечал: «Встретился ли он <Анненков> с Толстым в Берлине или в другом германском городе, теперь нет никакой возможности установить» [Рязанов, 1919: 53]. Однако в 1928 г. исследователь изменил свое мнение и полагал, что встреча Анненкова с Толстым «по дороге в Европу» «имела

место либо в Москве, либо в Петербурге» — «в кругу “людей сороковых годов”» [Рязанов, 1928: 46]. Между тем рекомендательное письмо к К. Марксу, составленное Толстым для Анненкова при их встрече, традиционно датируется 1846 г.³⁵ Вероятно, указанное письмо было составлено в феврале 1846 г.)

Следует иметь в виду, что направлявшийся к Марксу, по рекомендательному письму Толстого, Анненков, еще будучи юношей, с осени 1833 г. посещал кружок Гоголя в Петербурге (и уже тогда получил от Гоголя прозвище Жюля Жанена — имя одного из представителей уже в то время нелюбимой Гоголем «неистойой» французской словесности). Позднее, в 1841 г., Анненков некоторое время жил рядом с писателем в Риме — но другом ему так и не стал. Гоголь относил Анненкова к «господам, до излишества живущим в Европе» (XV; 443). Впоследствии Анненков написал мемуары о Гоголе, в которых силился доказать, вопреки фактам, «правоту» Белинского в истолковании Гоголя³⁶.

С письмом Толстого Анненков в марте 1846 г. явился к Марксу в Брюссель. В рекомендательном письме Толстой писал Марксу:

«Мой дорогой друг. Рекомендую Вам господина Анненкова. Этот человек должен понравиться Вам во всех отношениях. Достаточно увидеть его, чтобы полюбить. Он расскажет Вам обо мне. Не имею возможности в настоящее время высказать Вам все, что хотел бы, так как через несколько минут уезжаю в Петербург. Примите уверения в искренности моих дружеских чувств. Прощайте и не забывайте вашего истинного друга Толстого» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387])³⁷.

Позднее сам Анненков в мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» (1880) сообщал:

«...с февраля 1846 г. <я> находился за границей. <...> по дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к известному Марксу от нашего степного помещика, также известного в своем кругу за отличного певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с учителем Лассалья и будущим главой интернационального общества; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу

водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции³⁸. Далее этого увлечение идти не могло, — но я убежден, что когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумленным Марксом <...>. Немудрено, однако же, что после подобных проделок как у самого Маркса, так и у многих других сложилось и долгое время длилось убеждение, что на всякого русского, к ним приходящего, прежде всего должно смотреть как на подосланного шпиона³⁹ или как на бессовестного обманщика. А дело между тем гораздо проще объясняется, хотя от этого и не становится невиннее.

Я воспользовался, однако же, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился еще в энтузиастическом настроении, — и был принят Марксом в Брюсселе очень дружелюбно. Маркс находился под влиянием своих воспоминаний об образце широкой русской натуры, на которую так случайно наткнулся, и говорил о ней с участием, усматривая в этом новом для него явлении, как мне показалось, признаки неподдельной мощи русского народного элемента вообще. <...>

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом, оставившим за собой в Германии довольно большую партию работников. Совещание назначалось для того, чтобы определить по возможности общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедлил явиться по приглашению» [Анненков, 1880: 492, 496–497].

Около 5 апреля 1846 г. Маркс писал Г. Гейне из Брюсселя в Париж:

«Дорогой Гейне! Я пользуюсь проездом подателя этих строк, г-на Анненкова, очень любезного и образованного русского, чтобы послать Вам сердечный привет» [Маркс и Энгельс, 1962: 393].

Примечательно свидетельство Анненкова, что, Толстой, отдавая ему в 1846 г. рекомендательное письмо в Брюссель, «находился еще в энтузиастическом настроении» от встреч с Марксом весной 1844 г. Если «энтузиастическое» настроение «пылкого помещика» не иссякло и спустя почти два года

после общения с Марксом в Париже, то тем более его можно предположить вскоре после парижских встреч, в июне того же года, по приезде Толстого в Мангейм. Возможно, какими-то впечатлениями о своем пребывании в Париже и встреч там с «Марксом и компанией» Толстой не преминул поделиться и с Гоголем.

Впрочем, на одобрение Гоголя Толстой вряд ли мог надеяться. Дружеского сближения между ними не могло быть уже по тому, что образ Онегина, который Толстой, вместе с Тургеневым, старательно примерял на себя, для Гоголя, как было отмечено, отнюдь не был образцом для подражания. Стремящийся «соответствовать» Онегину Толстой *этим* вызвать к себе симпатии у Гоголя не мог.

К близкому приятелю Толстого «философу из гусар» М. А. Бакунину, с которым те вместе навещали Маркса, Гоголь тоже, как указывалось, относился весьма иронично. 27 сентября (н. ст.) 1841 г. он, в частности, писал Н. М. Языкову:

«Дорожное спокойствие было смущено [несколько] перелазкой из коляски в паровой воз, где как сон в руку встретились Бакунин и весьма жесткие деревянные лавки. То и другое было страх неловко...» (XI; 354).

17 ноября того же, 1841 г. сестра Языкова Е. М. Хомякова общалась брату: «Гоголь представлял в лицах вас с Бакуниным» [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 606]. Спустя еще полтора года, 28 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь вновь писал Языкову:

«Здесь узнал я довольно печальную историю о Бакунине. Сей философ наделал просто глупостей и нынешнее его положение жалко. В Берлине он не ужился и выехал, куда не помню, как мне рассказывали, по причине, что не мог иметь никакого сурьезного влияния. Вздумал он, с какою целью Бог ведает, для того ли, чтобы услужить новым философам Берлина и Шеллингу, написать в каком-то журнале статью на гегелистов, которых уничтожил вовсе и обличил в самом революционном направлении. Статья произвела негодование. Прусский король <Вильгельм II> запретил журнал и донес о сем русскому правительству. Бакунин должен был скрыться и теперь, говорят, в Цюрихе, всеконечно, без всяких обеспечений в будущем» (XII; 242).

Под «статьей на гегелистов» Гоголь подразумевал статью М. А. Бакунина «Реакция в Германии», напечатанную в октябре 1842 г. под псевдонимом «Jules Elysard» в журнале левых гегельянцев «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» (№ 247–251. 11–12 October). В статье Бакунин не «обличил», а, напротив, выступил в поддержку «гегелистов» за их «революционное направление». То есть Гоголь, очевидно, был о нем лучшего мнения.

Дальнейшая история общения Гоголя с «русскими приятелями Маркса и Энгельса» вновь возвращает нас к западнику Анненкову, рекомендованному Марксу Толстым. При случайной встрече с Гоголем в Бамберге в июле 1846 г. Анненков, по видимому, воодушевленный недавними разговорами с Марксом о «рабочем движении», вступил, судя по всему, с писателем в полемику о «пролетариате», на что Гоголь отвечал:

«...начали бояться у нас европейской неурядицы — пролетариата... думают, как из мужиков сделать немецких фермеров... А к чему это?.. Можно ли разделить мужика с землею?.. Какое же тут пролетариатство? Вы ведь подумайте, что мужик наш плачет от радости, увидав землю свою; некоторые ложатся на землю и целуют ее как любовницу. Это что-нибудь да значит?.. Об этом-то и надо поразмыслить». «Вообще, — добавлял Анненков, — он <Гоголь> был убежден тогда, что русский мир составляет отдельную сферу, имеющую свои законы, о которых в Европе не имеют понятия» [Виноградов. Летопись...: Т. 5, 342].

Далее в «Замечательном десятилетии» Анненков сообщал:

«Сношения мои с Марксом не прекратились и после выезда моего из Брюсселя. Я встретил его еще, вместе с Энгельсом, в 1848 году в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции, намереваясь изучать движение французского социализма, очутившегося теперь на просторе» [Анненков, 1880: 499–500].

Жизнь оказалась суровее прекраснодушных мечтаний. 4 июля 1848 г. Анненков писал брату Ивану из Парижа:

«...здесь четыре дня кряду происходила такая отвратительная, чудовищная резня, что решительно примера в истории подобного не было <...>. Кровь лилась рекою <...>. Уже считают более

10 тысяч убитых и раненых с обеих сторон: в числе первых 7 генералов и архиепископ парижский, приходивший увещевать бунтовщиков и ими расстрелянный. <...> все это страшно гадко, страшно отвратительно» (цит. по: [Морозов: 255–256]).

В статье «События марта 1848 года в Париже» (1862) Анненков добавлял:

«Казалось, революция была сделана для того, чтобы показать, сколько таилось в Париже нищеты, физического безобразия, позорных промыслов и болезней; все это вышло из темных закоулков, где все это крепко держала дотоле полиция...» [Анненков, 1862: 275].

Гоголь 24 сентября 1848 г. сообщал А. С. Данилевскому:

«В Петербурге я успел видеть <...> Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, — просто страх: совершенное разложение общества» (XV; 123).

Так на практике претворялась теория, содержание которой Гоголь обозначил еще в 1847 г. в неотправленном письме к Белинскому, говоря о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние» (XIV; 388). («Глубина» такого понимания Евангелия сродни упоминанию Гоголем во втором томе «Мертвых душ» агитационному тезису «каких-то бродяг», внушавших мужикам, будто «наступает такое время, что мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики». — V; 476–477.)

Завершая письмо к Данилевскому о «происшествиях» в революционной Франции 1848 г., Гоголь писал:

«Никто не в силах вынести страшной тоски этого рокового переходного времени. И почти у всякого ночь и тьма вокруг. А между тем слово *молитва* до сих <пор> еще не раздалось ни на чьих устах» (XV; 123).

Это убеждение Гоголь высказал позднее еще раз, по поводу тех же событий 1848 г., находясь в 1851 г. в Одессе. Запись об этом сохранилась в дневнике одесской знакомой Гоголя

Е. А. Хитрово. Имея в виду «надежды на улучшение», которые связывали с революцией во Франции «не одни женщины <...>, но и умные, пламенные люди», Гоголь заметил: «...откуда же это придет? Не от людей же?», — и тут же на свой вопрос ответил: «От милосердия» [Виноградов. Летопись...: Т. 7, 20].

Точным комментарием к словам Гоголя о спасительном «милосердии» могут служить еще два его письма, где эта мысль звучит предельно отчетливо. 5 июня 1849 г. он писал К. М. Базили:

«Время беспутное и сумасшедшее. <...> Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный свой фундамент. <...> И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто Один строитель порядка!» (XV; 235).

В письме к А. О. Смирновой от 23 декабря 1850 г. Гоголь повторял:

«Много развевается холодного, безнравствен<ного> по белу свету. Много порывает<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падет волос с главы, что Он превосходит всё неизмеримостью Своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, Он — высший разум, превыше всех наших ежеминут<но> ошибающихся<ся> умозаключений, — так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодарить<ть>. Молиться за всех, благодарить за всё» (XV; 383).

Однако содержание разговора Гоголя с Хитрово о французской революции не исчерпывалось утверждением веры в главную «надежду на улучшение». Из уст Гоголя в тогдашнем разговоре прозвучали еще слова, в которых заключался прямой намек и на неразумное, самозванное «хлестаковство» «умных, пламенных людей» — «объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества». Гоголь говорил Хитрово: «А что вышло на поверку? Они все пили и ели (1848 г. во Франции). <...> вообразили, что никто выше не будет, что великие люди не нужны» [Виноградов. Летопись...: Т. 7, 19]. Обобщающее «пили

и ели» — как смысл существования революционной Франции — перекликается, с одной стороны, с репликой Хлестакова из второго действия «Ревизора»: «Как же они едят, а я не ем? <...> Ведь для того и живешь, не правда ли?» [Гоголь, 1951: Т. 4, 31, 469]; с другой, — представляет собой, вместе с заявлением, что «великие люди не нужны», очевидную реминисценцию заметки А. С. Пушкина «О вечном мире» (1821), рассматривавшего мысли Ж.-Ж. Руссо 1760 г. по поводу «Проекта вечного мира» (1712) французского аббата Ш.-И. де Сен-Пьера:

«Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как и стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными. <...> Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала...» [Пушкин, 1978: 363, 532].

Сохранилось пространное послание Маркса к Анненкову от 28 декабря 1846 г. [Маркс и Энгельс, 1962: 401–412]⁴⁰, которое в советское время все студенты должны были изучать на уроках марксизма-ленинизма⁴¹. Обязаны мы этим «важным теоретическим документом научного коммунизма»⁴² хлестаковско-ноздревскому поведению во всей этой истории московско-мангеймского знакомого Гоголя Г. М. Толстого, «либерального человека Николаевского времени».

5

В 1880 г. Ф. М. Достоевский писал:

«...Пушкин первый <...> отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества <...>. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецькие <...>. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаванием болезни нашей...» [Достоевский: Т. 26, 129–130].

Вслед за Пушкиным свой диагноз болезни «лишних людей» составил и Гоголь. Болезнь оппозиционного радикализма

писатель наблюдал не только в убежденных западниках, но и в своих близких друзьях-славянофилах. В частности, это относится к К. С. Аксакову, который, несмотря на свои славянофильские взгляды, сохранял (как, впрочем, и вся семья Аксаковых) изрядную долю оппозиционности. Вдобавок к этому Константин Аксаков имел также пристрастие к западной «учености». Все это до определенной степени по-прежнему объединяло его с его бывшим московским приятелем Белинским. Гоголь, обличая увлечение Константина Аксакова «немецкой философией», сказавшееся, в частности, в его ученой диссертации, 21 декабря (н. ст.) 1844 г. писал его отцу, Сергею Тимофеевичу:

«Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» (XII; 545).

Возможно, Гоголю было известно уже упомянутое нами определение, данное Шевыревым в 1841 г. лермонтовскому Печорину как больному, страдающему «собачьей старостью». Однако Гоголь, вынося сходный приговор диссертации Аксакова, обнаружил прямую связь этого народного выражения с образом одного из собственных произведений — поэмы «Мертвые души». Возможно, Гоголь раньше и независимо от Шевырева размышлял о «собачьей старости» «онегинского» русского общества. О труде Аксакова Гоголь писал:

«...тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. <...> Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге...» (XII; 544–545).

Сходный образ встречается в описании имения Плюшкина в первом томе поэмы:

«...наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. Почему у Прошки были такие большие сапоги, это можно узнать сейчас же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги <...>»

Всякий призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул из окошка в осеннее время <...>, то бы увидел, что вся дворня делала такие скачки, какие вряд ли удастся выделывать на театрах самому бойкому танцовщику» (V; 120).

Сапоги не ради сбережения «собственной подошвы», а лишь напоказ — эту приметку «просвещенности» Гоголь изобразил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Заколдованное место», герой которой тоже пользуется сапогами не по прямому их назначению, но исключительно для соответствия приличиям «порядочного общества»⁴³:

«А дождь пустился, как будто из ведра.

Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку, чтобы не покоробились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец» (I/II; 274–275).

Понятие «собачьей старости» приложимо и к образу самого Плюшкина. Применимо оно к герою именно как характерная черта западного влияния⁴⁴. В черновой редакции «Мертвых душ» в описании плюшкинского дома встречается следующее упоминание о Европе:

«Дождь и время отвалили во многих местах со стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу...» [Гоголь, 1951: Т. 6, 305].

Ключевой приметой в образе Плюшкина является его комната, заваленная старым хламом. По-видимому, не случайно Гоголь по поводу разносчика, «забросавшего комнату товарами», однажды сказал:

«Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать» [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 556].

Сходным образом в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он замечал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» (VI; 195).

Близки к гоголевскому употреблению выражения «собачья старость» (в переносном смысле) и слова С. С. Уварова в известном⁴⁵ Гоголю «Письме к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре» (1813), где говорится, что при подражании французской словесности «наша Поезия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу»⁴⁶.

Позднейшее суждение Гоголя о подверженности западному влиянию как «собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи Е. А. Хитрово от 30 ноября 1850 г.:

«Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости» [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 580].

По-видимому, это окончательный приговор Гоголя тому слепому подражанию западному образу жизни, которым было заражено «онегинское» общество в XIX в., — и последний диагноз распространившейся не без участия байронического эгоизма Онегина и Печорина болезни радикального западничества.

Своеобразную аналогию к парадоксальному «старческому» итогу, перед которым оказалось русское «образованное» общество в XIX в. вследствие неразумного подражания Западу, Гоголь находил в Римской истории. Самой этой аналогией между современностью и римским прошлым он, вероятно, был обязан создателю «Евгения Онегина». Пушкин в период общения с Гоголем летом 1831 г. в Царском Селе (куда они выехали от свирепствовавшей в Петербурге холеры) писал, в частности, П. А. Осиповой, своей соседке по Михайловскому, о холерных бунтах:

«Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? <...> Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием» [Пушкин: Т. 14, 201, 432–433 (пер. с фр. яз.)].

21 августа 1831 г. Осипова отвечала поэту:

«...до тех пор, пока храбрый Николай будет придерживаться военных приемов управления, дела будут идти всё хуже и хуже.

Должно быть, он читал невнимательно или вовсе не читал “Историю восточной римской империи” Сегюра. (И многих других авторов, писавших о причинах падений империй.)» [Пушкин: Т. 14, 212, 435 (пер. с фр. яз.).]

Возможно, Пушкин познакомил тогда Гоголя с содержанием своей переписки. Во всяком случае анализу причин, приведших к разрушению Римской империи, Гоголь посвятил в 1834 г. самую первую из своих университетских лекций по истории Средних веков, которую так и назвал: «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее». Гоголь, как бы прямо в ответ на критику пушкинской корреспондентки в адрес Государя, замечает, что «управление» не достигшей зрелости империей «могло быть только в руке одного и с оружием в руках» [Гоголь, 1952: Т. 9, 107]. Далее Гоголь вновь обращается к проблеме «мятежей» и называет главные причины «разъединения государственных стихий», «взаимного сильного ожесточения между гражданами» и окончательного падения империи: беспорядочное заимствование, «всеобщий эгоизм», «жажду к наслаждениям» и — преждевременную старость. Гоголь пишет:

«Нацию преобладающую составляли римляне, народ <...> еще <...> не достигший развития жизни гражданской. [Этот народ увидел <...> государство с просвещением, испорченною нравственностью, изобилием, естественною промышленностью и жадно бросился перенимать.] Все, что заимствовал он <...>, было блестящее и наружное — роскошь, без утонченного образа мыслей, понятий и жизни этих народов. Он сократил свой собственный переход и, не испытав мужества, прямо из юношеского состояния перешел к старости» [Гоголь, 1952: Т. 9, 107, 598].

Приговор, вынесенный Гоголем древнему миру, вполне соответствует его определению современного «обезьянства» как «собачьей старости».

Еще одно тогдашнее произведение Гоголя, посвященное крушению обширной империи — «грозного калифата», «великой империи <...> магометанского мира» (VII; 349) — статья-лекция «Ал-Мамун» (1834). Проблема пагубного, разрушительного радикализма рассматривается здесь с неожиданной,

но все-таки знакомой стороны. Называется еще одна из причин происхождения «оппозиционного фанатизма» — «космополитическое» отвлечение правителя, арабского калифа Ал-Мамуна, от реального управления молодой, полной «энтузиазма» страной — и вполне «плюшкинское» накопление бессмысленных схоластических знаний:

«Багдад превратился в республику разнородных отраслей познаний и мнений. <...> Для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением» (VII; 350–352).

«Космополитическое» забвение интересов собственной страны, будучи почерпнуто из исторического «далека», прямо указывает на особенности современной Гоголю эпохи, а именно — на то непростое в религиозно-политическом отношении время, которое он провел в период обучения в Нежинской гимназии. Именно поэтому для понимания особой гоголевской позиции в отношении к «космополитизму» и «оппозиционному фанатизму», упоминаемых в «Ал-Мамуне», необходимо воссоздание полного исторического контекста гоголевского времени. В игнорировании исторической перспективы заключается, кроме обстоятельств сугубо идеологического характера, еще одна из причин, по которым исследователи советского периода усматривали в Гоголе сторонника Белинского и даже старались подкрепить данное мнение будто бы имевшимися на этот счет «фактическими» основаниями. («Рецидивы» подобных идеологизированных попыток встречаются и донныне.) Так, Г. М. Фридлиндер в 1952 г., ставя под сомнение политическую лояльность писателя, заявлял, что в черновой редакции статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» содержится «ярко-сочувственная характеристика вольнолюбивой лирики молодого» поэта, вследствие чего «эти горячие слова в защиту декабристской вольнолюбивой лирики Пушкина» (имеющие, по мнению советского комментатора, «решающее значение для понимания всего мировоззрения Гоголя в период создания “Арабесок”»), были якобы «по цензурным соображениям» исключены из печатного текста статьи [Фридлиндер: 757].

Вопреки этим идеологическим спекуляциям, мысль Гоголя в статье о Пушкине куда более глубока и напрочь лишена

того политического радикализма, который ей приписан. Напротив, фрагмент, оставшийся в черновике статьи, заострен не на одобрение, а на сугубое обличение «вольномыслия». Первой задачей, которую решает Гоголь в статье, является *защита* Пушкина от обвинений в вольнодумстве. Имея в виду первоначальный период пушкинской деятельности (закончившийся южной ссылкой поэта), Гоголь с первых строк статьи утверждает, что *не* вольнодумство, но лишь юношеские «разгул и раздолье, к которому иногда, позабывшись, стремится русский и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет» (VII; 274). В исключенном фрагменте Гоголь добавлял:

«...если сказать истину, то его стихи воспитали и образовали истинно-благород<ные> чувства несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только, что смелое благородство мыслей и выражения и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них, и для государства» [Гоголь, 1952: Т. 8, 602].

Очевидно, этими словами Гоголь отводит упреки в вольнодумстве не только от Пушкина, но и от всего молодого поколения, увлекавшегося его поэзией, — в том числе, и возможные упреки в собственный адрес.

Как известно из признаний самого Гоголя, «внутренне», в главных своих убеждениях он не изменялся никогда — шел «тою же дорогою», «не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных», «с 12-летнего, может быть, возраста» (т. е. от самого поступления в Нежинскую гимназию в 1821 г.)⁴⁷. Между тем даже современный, свободный от прежнего идеологического диктата комментатор С. Г. Бочаров ставит гоголевское оправдание молодого поколения в статье «Несколько слов о Пушкине» в прямую связь с воспоминаниями Гоголя о нежинском «деле о вольнодумстве» 1826–1830 гг., а под «стариками и богомольными тетушками» предлагает видеть «преследователей либерального профессора» Н. Г. Белоусова (осужденного личным распоряжением Императора по завершении этого дела) (см.: [Бочаров: 679]). По словам этого исследователя, в исключенном отрывке Гоголь «берет под

защиту» «непечатные стихи молодого Пушкина» [Бочаров: 679]. Это заявление не соответствует действительному содержанию гоголевской статьи. Такие стихи в ней совсем не упоминаются; здесь говорится лишь о приписываемом Пушкину «множестве самых нелепых стихов» — творений «досужих марателей» (VII; 275), которые Гоголь отнюдь не «берет под защиту», а, напротив, отвергает их принадлежность Пушкину. Последующее рассуждение С. Г. Бочарова о «защите» Гоголем «непечатных стихов» Пушкина является не более чем произвольным вымыслом комментатора. Вслед за Г. М. Фридлендером, упомянутый исследователь вновь, вопреки содержанию гоголевской статьи (и признаниям самого Гоголя), навязывает писателю (хотя бы в нежинский период) либеральные взгляды — тогда как сам Гоголь в статье определенно настаивает лишь на юношеских «разгуле и раздолье» — на полных сил отваге и смелости, и «жажде необыкновенного», которые были свойственны его сверстникам, читавшим пушкинские стихи:

«Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особливо юности, которая все еще жаждет одного необыкновенного» (VII; 275).

«Смелей! Ибо в конце дороги Бог и вечное блаженство!» — писал Гоголь позднее в «Правиле жития в мире» (VI; 302). Возможно, писатель подразумевал при этом слова св. апостола Павла, адресованные незадолго до его мученической кончины ученику Тимофею: «Не бо даде нам Бог духа страха, но силы...», а также призыв апостола «спострадать» ему, узнику, в евангельской проповеди (2 Тим. 1:7–8). Подмена этой трезвой, духовной «смелости», присущей христианским мученикам и исповедникам, пресловутым мятежным «вольнодумством» (которое будто бы лишь одно может претендовать на отвагу) неосновательно применительно к Гоголю уже потому, что в год создания статьи о Пушкине (1834) он сам подчеркнул принципиальную разницу между ними, изобразив в «Тарасе Бульбе» бесстрашного, до конца верного родине мученика Остапа и мятежного, трусливого предателя Андрия:

«Он, как подлый трус, спрятался за ряды своих солдат и командовал оттуда своим войском» (VII; 223).

Кроме того, еще в «Ганце Кюхельгартене», написанном в самый разгар «дела о вольнодумстве», Гоголь, как отмечалось, противопоставлял слабому неудачнику, роптателю Ганцу, своего «консервативного», «Небом избранного» деятеля, подчеркивая при этом такую же, не имеющую ничего общего с вольнодумством смелость героя — мужественную отвагу в осуществлении «великих трудов» на поприще «блага и добра»: «Для них он жизни не щадит» (I/II; 45). Как и в статье о Пушкине, речь в «Ганце Кюхельгартене» идет о полноте сил и манящем «поприще впереди» в образе персонажа, противопоставляемого Ганцу, сетующему на неудачи. Возможно, не случайна отмеченная еще советскими литературоведами⁴⁸ перекличка фамильного прозвища самого героя-неудачника, *Кюхельгартен*, с фамилией известного поэта-декабриста Вильгельма Карловича *Кюхельбекера*. (Имя *Вильгельм* также использовано в поэме, его носит «мызник» Вильгельм Баух, являющийся своего рода «двойником» Ганца. Именно «мызник» Вильгельм, женатый на «разумной хозяйке» Берте, беседует со своим тестем-пастором, перед сытным обедом, о судьбе восставшей Греции, где потом оказывается Ганц. Расставшись с романтическими иллюзиями, женившись на дочери Бауха, Ганц, очевидно, должен был повторить судьбу своего тестя, занять его место в «идиллических» сельских застольях. Баух (*нем.* Bauch) — чрево, живот.)

Поэт Кюхельбекер как участник декабристского заговора стал известен Гоголю, как и другим современникам, вероятно, уже спустя две недели после восстания, 29 декабря 1825 г., когда в «Санкт-Петербургских Ведомостях» его имя было упомянуто в числе зачинщиков⁴⁹. А спустя еще полгода арестованный декабрист в весьма нелюбимом виде предстал перед современниками в официальном «Донесении Следственной Комиссии», напечатанном 12 июня 1826 г. в военных ведомостях, газете «Русский Инвалид» (перепечатано в целом ряде других повременных изданий⁵⁰). Как сообщала газета, бежавший от расправы в Польшу «после первых пушечных выстрелов» на Сенатской площади Кюхельбекер, стремясь, тоже явно не от смелости, представить свое поведение 14 декабря как можно более лояльным, прибегнул на следствии ко лжи:

«...Кюхельбекер (Вильгельм) дерзнул обратить оружие на Великого Князя Михаила Павловича; матросы Гвардейского Экипажа, с коими он стоял (Дорофеев, Федоров, Куроптев), и в волнении мятежа уstraшенные сим покушением злодейства, отвели пистолет его. Кюхельбекер, однако же, уверяет, что он не хотел совершить удара, а притворно согласился на сие по вызову Ив. Пущина для того, чтобы не допустить к сему других, и зная, что пистолет его, измоченный снегом, не мог бы выстрелить: в доказательство прибавляет, что после он метил тем же пистолетом в Генерала Воинова, и пистолет осекся. (Пушин на вопрос Комиссии отвечал, что это ложь. Бывшие тут нижние чины говорят, что Кюхельбекеру указывал на *Великого Князя* не Пущин, а Порутчик Цебриков, но и он не признается в том)»⁵¹.

В скрытом уподоблении опального декабриста Вильгельма Кюхельбекера «слабому» Ганцу Кюхельгартену, вероятно, находит себе прямое объяснение позднейшее именование Гоголем другого его «оппозиционного» героя — «слабого», безвольного, с «декабристским» прошлым помещика Тентетникова, проявляющего постыдное малодушие при одном появлении незнакомого гостя, Чичикова:

«Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства. Надобно сказать, что в молодости своей он было замешался в одно неразумное дело» (V; 262).

Все это прямо означает, что уже в Нежине Гоголь критически относился к декабристскому заговору.

Первоначально герой носил фамилию Дерпенников. По предположению Л. Васильева, фамилия Тентетников происходит от украинского слова «тендітний» («нежный, тонкий»), встречающегося в «Старосветских помещиках» [Васильев: 225]. Слово это имеется и в гоголевском «Лексиконе малороссийском» из «Книги всякой всячины...»: «Тендітний, нежный» (IX; 573). Определение это вполне подходит к «нежному», романтическому Ганцу. Однако есть у Гоголя к слову «тендитный» и другой синоним. Так, вместо «тендитный да маленький» (I/II; 291), из характеристики, данной героиней «Старосветских помещиков» Пульхерией Ивановной кучеру отъезжающего гостя, в первоначальной редакции повести стояло «хилый» [Гоголь, 1937: Т. 2, 469]. В словаре «Малороссийских слов, встречающихся

в 1 и 2 томах» сочинений Гоголя издания 1842 г. также читаем: «Тендитный — слабосильный, нежный» (I/II; 502). Кроме того, к фамильному прозвищу героя второго тома, Дерпенникова-Тентетникова, по-видимому, имеет отношение оценка, данная Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» «последним стихам» своего друга поэта Языкова, получившего в свое время, в годы его пребывания в *Дерпте*, европейское образование: «Его язык <...> был на тощих мыслях и бедном содержании, как панцирь богатыря на хилом теле карлика» («тендитном да маленьком»; курсив наш. — И. В.) (VI; 176). (Дерптско-германский университет, основанный в 1802 г. русским правительством и содержащийся за его счет, был, по словам Н. Я. Данилевского, «самым могучим орудием обнемечивания» Остзейского края [Данилевский: 408].) Примечательно, что слова о «панцире богатыря на хилом теле карлика» точно «совпадают» с ранее упомянутым гоголевским определением «онемеченных» мыслей в диссертации К. С. Аксакова — как «коротких ног в больших сапогах», а потому имеют отношение и к выражению «собачья старость». В характеристике Языкова Гоголь, несомненно, вновь затрагивает тему западного влияния.

Существенно также то, что слова о «панцире богатыря» и «карлике» следуют у Гоголя сразу после цитат из стихотворений Языкова «Д. В. Давыдову» (1835) (послание о 1812 годе) и «Дерпт» (1825). Отрывки из первого стихотворения, повествующие об исключительном, «неслыханном» народном самопожертвовании в войне 1812 года, представляют собой, по объяснению Гоголя, апогей «всего, что вызывает в юноше отвагу», «готовность ратовать за отчизну» (VI; 174–175), а цитата из «Дерпта», со своей стороны, призвана продемонстрировать юное богатырство поэта. И хотя последнее языковское стихотворение, в отличие от первого, патриотического, представляет собой явный образец юношеского подражательного вольнодумства (впервые оно было опубликовано в 1859 г. А. И. Герценом в «Полярной Звезде»⁵²), Гоголь, как и в статье о Пушкине, подчеркнута отводит от Языкова возможный упрек в вольномыслии. Намеренно *игнорируя* в действительности откровенно «оппозиционный» смысл языковского

стихотворения (из которого Гоголь приводит лишь две строки), он пишет:

«У него студентские пирушки не из бражничества и пьянства, но от радости, что есть мочь в руке и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
Во славу чести и добра» (VI; 175).

Цитируя эти строки, Гоголь даже невольно изменяет их — и весьма существенно. От «оригинальных», собственно языковских слов в гоголевском пересказе остается лишь одно. В своей интерпретации Гоголь наделяет героя «Дерпта» теми чувствами, какими вдохновляется идеальный деятель его собственной юношеской поэмы — «Желаньем блага и добра» (VII; 45). В стихотворении Языкова нет и слова «служенье», и приводимые Гоголем по памяти стихи читаются следующим образом: «И благородное стремленье / На поле славы и наук». Вместо «служенья» у Языкова — строки вполне вызывающие: «Мы здесь творим свою судьбу, / Здесь гений жаться не обязан / И Христа-ради не привязан / К самодержавному столбу!»⁵³.

Все это, даже крайняя «дерзость» языковского стихотворения, нисколько не останавливает Гоголя — не потому, чтобы он сочувствовал юному вольнодумству, но потому что он защищает молодость, ее непочатые силы и возможности как таковые, даже если чьим-то посторонним лукавым вмешательством они были направлены не так, как бы следовало. «...Справедливо ли <...>, если юношу, который по неопытности своей был обольщен и сманен другими, осудить так, как и того, кто был один из зачинщиков?» — замечает герой второго тома о Тентетникове, и в этих словах звучит, несомненно, голос самого Гоголя (V; 362).

Долгими размышлениями о драматическом контрасте между «силой» и «немощью» молодости и определяется особая тщательность Гоголя в выборе фамилии героя⁵⁴. Объясняется сама логика, побудившая писателя сначала назвать своего героя Дерпенников (с намеком на юношеское, подобное своему собственному, «богатырство» Языкова), а затем заменить эту фамилию на другую, с указанием на слабость, — Тентетников.

Неудивительно, что и в 1834 г. в статье о Пушкине несправедливый упрек в вольнодумстве — в «собачьей старости» — настолько неприятен Гоголю, что он *возвращает* его тем, от кого этот упрек исходит. Главная задача, которую решает он в этой статье, заключается не в оправдании политического радикализма, а в принципиальном размежевании с ним — во имя апологии «благородного» юношества как самой возможности построения той новой России, «главой» которой «уже Сам Христос» (VI; 131).

Для понимания гоголевской мысли следует иметь в виду, что под «стариками и богомольными тетушками», провоцирующими обвинения в адрес молодежи в вольнодумстве, Гоголь подразумевал не подлинно духовный, осмысленный «консерватизм» (или «антилиберализм»), но вполне определенный — «александровский» тип «набожности». «Школу» такой «набожности», кстати сказать, прошел и Уваров — в прошлом один из директоров Библейского общества, масон, сотрудник князя А. Н. Голицына. Особенность «консерватизма» александровской эпохи заключалась именно в том, что борьба с политическим и религиозным вольнодумством, распространявшимся в Европе, велась тогда с помощью официально внедряемого внеконфессионального «универсального христианства». С вынужденным уходом в отставку в 1824 г. князя Голицына — и упразднения его «сугубого» министерства — Министерства духовных дел и народного просвещения, — которое руководило тогда одновременно и церковной, и образовательной политикой, начала вольнодумства не без оснований были усмотрены в самом космополитическом мистицизме голицынского времени⁵⁵.

Лицемерная набожность — один из неизменных предметов гоголевского обличения. Достаточно указать на Ивана Ивановича Перерепенко из повести о том «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Подчеркнутая «богомольность» этого героя иронически «доказывается» в повести упоминанием о детях его ключницы Гапки — здоровой девки, «с свежими икрами и щеками» (I/II; 452), а также разговором его с нищей: «Чего же ты стоишь? ведь я тебя не бью!» (I/II; 453). В 1836 г. Гоголь в рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины

мира» (предназначавшейся для публикации в пушкинском «Современнике»), подразумевая такую же, напоминающую Ивана Ивановича, «набожность» александровской эпохи, писал:

«Все старики тогда читали душеспасительные книги <...> и <...> едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах. Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия. В 19 столетии масонские и другие секты <...> поддерживали существование подобных философских сочинений...» (VII; 494).

Прямое отражение этих «ранних» размышлений Гоголя находим в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в характеристике одного из героев европейского «полупросвещенья», лицемерного Фамусова из «Горе от ума» А. С. Грибоедова:

«Он и благопристойный степенный человек и волокита, и читает мораль, и мастер так пообедать, что в три дня не сварится. Он даже вольнодумец, если соберется с подобными себе стариками, и в то же время готов не допустить на выстрел к столицам молодых вольнодумцев, именем которых честит всех, кто не подчинился принятым светским обычаям их общества. В существе своем это одно из тех выветрившихся лиц, в которых, при всем их светском *comme il faut*, не осталось ровно ничего, которые <...> вредны обществу...» (VI; 184–185).

Этой характеристикой Гоголь выводит «на сцену» подлинного «вольнодумца» — взамен обвиняемого молодого поколения и всех тех, кого представители лицемерной, «универсальной» псевдо-«набожности» «честили» за неподчинение «светским обычаям их общества».

Поясняя свою мысль, Гоголь в статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» (1846), писал:

«Настоящее *comme il faut* (комильфо; *фр.*, *буквально*: как надо, как следует. — *И. В.*) есть то, которое требует от человека Тот Самый, Который создал его, а не тот, который приводит в систему обеда, <...> и не тот, который сочиняет всякий день меняющиеся этикетки...» (VI; 127).

В борьбу с этими общепринятыми «законами света», вытесняющими и подменяющими собой христианские заповеди, Гоголь также вступил уже с самых ранних своих произведений. Личным опытом, своего рода прививкой «собачьей старости», стали опять-таки школьные годы будущего писателя. В частности, в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (1832), в описании пребывания героя в поветовом училище, Гоголь упоминает о многократно переиздававшемся в конце XVIII — начале XIX в. учебном пособии, по которому учился сам в 1818–1819 гг. в уездном училище в Полтаве⁵⁶, — «О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи»:

«Было уже ему без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где <...> принялся <...> за книгу о должностях человека...» (I/II; 249).

(Хотя сам Гоголь поступил во второе отделение, или первый класс высшего отделения Полтавского поветового училища в девятилетнем возрасте, но среди его соучеников были и великовозрастные — четырнадцати- и пятнадцатилетние⁵⁷. Это обстоятельство тоже послужило оформлению последующего пристального внимания Гоголя к проблеме «недорослей» [Виноградов, 2000: 153–154]).

Значительное место в изучаемом Шпонькой школьном пособии отводится правилам светского этикета; одна из глав книги так и называется — «О благопристойности»; она посвящена изложению «правил благопристойности» в походке, стоянии, сидении, поклонах, в молитве, лице, одежде «и прочих вещах»⁵⁸. Очевидно, Иван Федорович Шпонька — так же, как впоследствии Павел Иванович Чичиков в «Мертвых душах» (будучи в свою очередь в классах городского училища) — «вдруг постигнул дух» своих начальников «и в чем должно состоять поведение» (V; 219). Он был «преблагонравный и престарательный мальчик»; «тетрадка у него всегда была чистенькая, кругом облинеенная, нигде ни пятнышка. Сидел он всегда смирно, сложив руки и уставив глаза на учителя» (I/II; 248). Подобная «благопристойность» не помешала, однако, Чичикову стать впоследствии мошенником.

Гоголь, по сути, настаивает на глубоком «родстве» мнимого консерватизма, показной «преблагонравности», с самым беззастенчивым и даже циничным «либерализмом». Поистине виртуозной по воплощению этой мысли является гоголевская характеристика еще одного героя Грибоедова, «глупого фрунтовика Скалозуба», исповедующего «философски-либеральный взгляд на чины <...> как необходимые каналы к тому, чтобы попасть в генералы», и при этом «консервативно» полагающего, что «весь мир можно успокоить, давши ему в Вольтеры фельдфебеля» (VI; 186). Не менее изощренной является авторская ирония в «богословской» реплике «консерватора» Городничего в «Ревизоре». Рассуждая о «грешках», про которые напомнил ему в предупредительном письме «кум» Чмыхов («...за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» — III/IV; 221), Городничий заявляет:

«...странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так Самим Богом устроено, и волтерянцы напрасно против этого говорят» (III/IV; 223).

В обескураживающей реплике Городничего мысль Гоголя читается вполне отчетливо. Подобное «консервативное богословие» едва ли не вольнодумнее самого «волтерянства».

Подстать Фамусову и Скалозубу, по оценке Гоголя, такой же беспринципный герой комедии Грибоедова «картежник» и «либерал» Загорецкий:

«Не меньше замечателен другой тип: отъявленный мерзавец Загорецкий, <...> лгун, плут, <...> мастер угодить всякому сколько-нибудь значительному <...> лицу доставленьем ему того, к чему он греховно падок, готовый, в случае надобности, сделаться патриотом и ратоборцем нравственности, зажечь костры и на них предать пламени все книги, какие ни есть на свете...» (VI; 185).

Еще об одной «трансформации» либерала в консерватора говорит герой гоголевских «Игроков»:

«Молодым бесится, так что невтерпеж другим, а под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим» (III/IV; 385).

Само по себе причудливое переплетение консервативных и оппозиционных течений в развитии тогдашнего русского общества многое объясняет в непростой судьбе Гоголя как писателя. В 1847 г., отвечая на зальцбруннское письмо Белинского, он писал:

«Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает *нынешнее время*, в котором так явно проявляется дух *построения полнейшего*, <...> всякая вещь просит и ее принять в соображение, старое и новое выходит на борьбу, и чуть только на одной стороне перельют и попадут в излишество, как в отпор тому переливают и на другой» (XIV; 411).

Подобные крайности противоборствующих партий ставили Гоголя, искренне стремившегося соответствовать правительственным начинаниям, в очень непростую ситуацию, заставляя его подчас, как заметил еще в 1916 г. протопресвитер В. В. Зеньковский (в одной из своих ранних работ), даже «юродствовать», когда «дух времени сего» выступал — и с той, и с другой стороны — против христианских заповедей⁵⁹.

Кардинальные представления Гоголя о подлинном и мнимом консерватизме, о том, что преданные не евангельским заповедям, а развращающим «законам света» лицемерные «консерваторы» Фамусовы, Загорецкие, богословствующие взяточники Городничие «вредны обществу», и являются ключом к пониманию размышлений писателя о пагубном «космополитическом» правлении арабского халифа Ал-Мамуна. «Космополитизм» этого правителя породил в его подвластных «оппозиционный фанатизм» — и даже послужил к возникновению ужасной «секты Карматианов, <...> свирепствовавшей под именем Сирийских Убийц во время Крестовых походов» (VII; 354; курсив мой. — И. В.). Гоголь подразумевает здесь исмаилитскую секту *ассасинов*, одурманивавших себя гашишем или опиумом перед битвой. Эта средневековая реалия оказалась настолько памятной, что даже оставила след в европейских языках. Во французском, английском, итальянском, испанском слово *убийца* ведет свое происхождение прямо от персидского *хашимин*, то есть гашиш: *assassin* (фр., англ.), *assassino* (ит.), *asesino* (исп.).

Безусловно, Гоголю было хорошо известно об этом обыкновении «исступленных» сект. Про употребление опиума, добытого у безымянного «персиянина», говорится в еще одном произведении Гоголя той поры, повести «Невский проспект». «Исступленный» герой этого произведения, влюбленный «ужасно, разрушительно, мятежно» художник (III/IV; 25), во всем подобен страстному «оппозиционеру», «эстетически развитому» Андрию в «Тарасе Бульбе» — живущему по принципу «жизнь — копейка», клянущемуся погубить «все что ни есть» ради прекрасной панночки (I/II; 358). Оба этих героя одинаково отступают от своего высокого призвания, и отступление Андрия обнаруживается, еще до его предательства, в том, какое упоительное наслаждение он испытывает, словно одурманенный ассасин, от смертоносной, кровавой сечи:

«Бешеную негу и упоенье он видел в битве <...>, когда <...> летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный...» (I/II; 339).

Согласно размышлениям Гоголя, совершенно так же, как «космополитизм» Ал-Мамуна послужил возникновению зловещей секты «Сирийских Убийц», новейшее космополитическое голицынское «просвещение» явилось причиной оппозиционного движения декабристов, тайные намерения которых стали известны всей России уже спустя месяц после их выступления. Газета сообщала: «Происшествия 14-го Декабря обнаружили ужасный заговор. Люди, недостойные имени Россиян, составили его во мраке. Они умышляли умерщвление Императорской Фамилии...»⁶⁰.

Из содержания «Ал-Мамуна» следует, что, подобно разграничению подлинного и мнимого консерватизма, такое же разделение Гоголь применяет и к «оппозиционности», которая, по его убеждению, тоже может быть двух принципиально разных типов: либо преступная — направленная против законной власти и применяющая любые методы; либо благая и оправданная — «консервативная оппозиционность» — трезво, без «отчаянной дерзости» отстаивающая подлинные духовные ценности против мнимых консерваторов — скрытых вольнодумцев.

Эта мысль прямо воплощена Гоголем в упомянутом драматическом «Отрывке», в образе светской львицы «пожилых лет» Марьи Александровны — дамы внешне «консервативной» и даже «набожной», но воспитанной вполне «по-французски», в пренебрежении к христианским заповедям (как то и «подобает» «благопристойным» лицемерам фамусовского круга). Проповедующий подлинно охранительные начала ее сын Миша вполне резонно возражает на то, что мать упрекает его в либерализме. Он указывает на настоящих, не имеющих с ним ничего общего «либералов» — декабристов, воспитанных, подобно Марье Александровне, «на французскую ногу». На обвинения матери: «...перестань либеральничать», «Все это масонские правила. Все это от Рылеевских стихов» [Гоголь, 1949: Т. 5, 126, 369] — герой замечает:

«Ах, маменька, сколько я вас просил, не повторяйте этого слова. Вы не поверите, как оно мне противно и пошло <...>. Что было когда-то на свете пятьдесят русских пустых голов, воспитанных на французскую ногу, <...> воспользовались этим преданием и давай <...> честить им встречного и поперечного» [Гоголь, 1949: Т. 5, 126, 424].

Иначе говоря, Гоголь, вполне разделяя «оппозиционность» своего героя к его «французской» матушке, столь же категорически не одобряет оппозиционности «офранцузившихся» декабристов (и самой Марьи Александровны) к традиционным русским ценностям.

Из дальнейших слов Марьи Александровны: «...влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом» [Гоголь, 1949: Т. 5, 129] — можно предположить, что под «Рылеевскими стихами» героиня подразумевает не только «гражданскую» лирику поэта-декабриста, но и его непристойные стихи на тему «хождения к девкам»: «К Лачинову» (1818), «Заблуждение» (1820), «Нечаянное счастье» (1820 или 1821) и др. Вполне похожий «либерализм» — в отношении к «священнейшим законам Христа» (VI; 201) — проявляет еще один из многочисленных «оппозиционных» героев Гоголя, нерадивый воспитанник Киевской семинарии бурсак Хома Брут в повести «Вий», — который «ходил к булочнице против самого страстного четверга»

(I/II; 431). Римский «стойк», гроза «тиранов» Брут — излюбленный герой поэзии Рылеева. Однако, несмотря на «стоические» симпатии, ведет себя поэтическое alter ego декабриста отнюдь не стоически.

Следует при этом указать, что прообразом разгульного бурсака Хомы Брута — как и других «недорослей» Гоголя — является герой его ранней незавершенной повести «Страшный кабан» (1831), недоучившийся семинарист, но все-таки убежденный «стойк», который, несмотря на все свои «твердые, слишком твердые» правила (VII; 57), поддался впоследствии внезапной страсти. Характеризуя этого героя, Гоголь прямо использовал цитату из «Недоросля» Д. И. Фонвизина: «Он принадлежал к числу <...> семинаристов, *убоявшихся бездны премудрости*» (VII; 52), а о «достоинствах» героя не без иронии замечал, что «Иван Осипович был настоящий стойк, и <...> не ставил ни во что причудливую половину человеческого рода» (VII; 57).

Очевидно, что мнимый стоицизм стал предметом размышления Гоголя еще в самом начале его творческого пути — и одним из примеров для изображения любовных походов не завершивших своего образования «семинаристов» Ивана Осиповича и Хомы Брута служил ему псевдо-стоицизм современного «тираноборца Брута» Рылеева. Вероятно, в том числе и этого «прототипа» — декабриста Рылеева — имел в виду Гоголь, когда писал в 1836 г. в упомянутой рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира» о фривольных нравах масонов, читавших «душеспасительные книги», но «в своих домашних делах» высокими добродетелями не отличавшихся (VII; 494). В 1819–1821 гг., до основания тайного общества декабристов, К. Ф. Рылеев был членом петербургских лож «Пламенеющей звезды» и «Трех добродетелей» [Серков: 718, 1087–1088]. (Организаторы тогдашних противоправительственных сект имели обычай улащать свои мнимо-«благородные» предприятия «громкими» и «ответственными» вывесками: ложа «Святой Екатерины»; ложа «Истинного патриотизма»; ложа «Доброго пастыря», «Союз благоденствия», «Общество Святых Кирилла и Мефодия» и т. п.)

Тему «домашней» масонской нравственности Гоголь, в свою очередь, затрагивал в целом ряде произведений. Так, осенью

1833 г. он посетил выставку Императорской Академии художеств, где видел одну из работ К. П. Брюллова — групповой портрет «Дети графа Л. П. Витгенштейна у ручья с нянькою, скидывающею с ноги чулок» (1831). Вскоре эту брюлловскую работу Гоголь упомянул в своей статье «Последний день Помпеи. (Картина Брюллова)» (1834):

«Я прежде видел одну только его картину — семейство Витгенштейна. Она с первого раза, вдруг, врезалась в мое воображение...» (VI; 294).

Главенствующим на групповом портрете Брюллова является не изображение детей, но — как это сразу по появлении картины отметили современники (и как это отразилось в самом ее названии) — образ няни-итальянки, снимающей чулок «с своей прелестной ноги»⁶¹. Впечатления Гоголя от брюлловского «портрета» нашли прямое отражение в обольстительном образе красавицы, надевающей (или скидывающей) чулок или башмак, в «Записках сумасшедшего», в «Носе», в черновой редакции «Тараса Бульбы». В частности, образ брюлловской итальянки сказался в изображении красавицы-полячки, снимающей с себя обольстительные украшения, когда в ее комнате оказывается Андрий: «...он пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и скидала <1 нрзб.> б<ашмак>» [Гоголь, 2009: 341] (в окончательном, печатном тексте: «...вынимала из ушей дорогие серьги»; I/II; 316). Сцена в спальне ветреной полячки во многом предвещает, по замыслу Гоголя, будущее предательство Андрия.

Но тот же мотив Гоголь воплотил гораздо ранее и в «Ганце Кюхельгартене», размышляя об одной из причин, привязывавших Ганца к родной деревне и отвлекавших его от возможно более «яркой доли»:

«Дитя Луиза, ангел светлый,
Блистала прелестью речей;
Сквозь кольца русые кудрей
Лукавый взгляд жег неприметно; <...>
На шейке розовый платок
С груди слетает понемножку,
И стройно белый башмачок
Ее охватывает ножку» (VII; 16).

На этот раз прообразом «лукавой» Луизы Гоголю послужила одноименная героиня идиллии немецкого поэта И. Г. Фосса «Луиза», русским переводом которой он широко пользовался при создании поэмы:

«...робкой рукою держа
младого знакомца, Луиза
С камня на камень, с холма на холм
с торопливостью скачет.
Вот она перешла, осторожно прелестную ножку
Приподняла на забор, зацепилась за сук,
и подвязка
Взор приманила друзей; Луиза
Платье спускает
И, закраснев, чрез забор,
как пугливая серна, стремится»⁶².

Переводчик идиллии Фосса Павел Андреевич Теряев в 1822 г. лично подарил экземпляр своего перевода в библиотеку Нежинской гимназии [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 324]. Перевод был сопровожден посвящением «Императорской Академии наук президенту, С. П. Бургского Учебного Округа попечителю» — С. С. Уварову. В 1821–1822 гг. П. А. Теряев состоял в петербургской масонской ложе «Орла Российского» [Серков: 1069]. Переведенная им книга содержит не только фривольные, но и экуменические мотивы — в духе идей «универсального христианства». В ней провозглашается «равенство» католиков, кальвинистов и лютеран. Этому «голицынскому» мотиву посвящена в идиллии вставная «сказочка» о загробной участи представителей разных конфессий: «Я? — Католик! я член единственной веры спасенья! <...> Я? — Кальвинист! я член единственный веры спасенья! <...> Я? — Лютеранин! я член единственной веры спасенья! <...> Все обнялися тогда и, взошедши в жилища эфирны, / Начали новую жизнь с дружелюбным согласием вечным...»⁶³.

Гоголю, посещавшему в 1830–1833 гг. классы петербургской Академии художеств [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 272], было также, вероятно, известно — в той или другой форме — одно из положений, выдвинутых в начале 1830-х гг. Обществом поощрения художников (основанным в 1820 г. группой масонов-меценатов — князем И. А. Гагариным, П. А. Кикиным, А. И. Дмитриевым-Мамоновым и др.):

«Насмотревшись на прелестные парижские литографии в окнах магазинов, даже крестьянин будет смотреть не теми глазами на

произведения лубочной печати, которые прежде восхищали его» [Столпянский: 68].

Об этих соблазнительных литографиях Гоголь упоминает в «Шинели»:

«Акакий Акакиевич <...> остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную...» (III/IV; 132).

Масоном — членом петербургской ложи «Избранного Михаила» — был в свое время, вместе с братом Александром, и член Академии художеств, создатель картины «Дети графа Л. П. Витгенштейна у ручья с нянькою, скидывающею с ноги чулок», К. П. Брюллов [Сахаров: 60, 198, 239]. Самое пристальное внимание Гоголь обратил и на центральный образ всемирно известного полотна Брюллова, картины «Гибель Помпеи», — прекрасную мертвую красавицу на первом плане. Этот образ стал «первоисточником» для изображения демонической мертвой панночки, губительницы недоучившегося «стойка» Хомы Брута в повести «Вий»⁶⁴.

Вольнодумство эпохи обрушило на современников целый поток оболъстительных образов. И все это — несмотря на официально провозглашенное желание правительства, «дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения»⁶⁵.

Указанные реминисценции еще раз свидетельствует о весьма скептическом отношении уже «раннего» Гоголя к либеральной идеологии. Вполне последовательно Гоголь и в статье «Несколько слов о Пушкине» вовсе не выступает «в защиту» антиправительственного лагеря, но определенно отстаивает соответствие поэзии Пушкина провозглашенным Уваровым (в том же 1834 г.) началам Православия, Самодержавия и Народности. Это же стремление к «реабилитации» поэта вполне отчетливо слышится и в позднейших статьях Гоголя, напечатанных в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

«Безделица — выставить наиумнейшего человека своего времени не признающим христианства!..» — замечает здесь Гоголь

(VI; 66). — «Есть много среди света такого, которое для всех, отделившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству...» (VI; 59).

Развивая апологию пушкинской поэзии в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», Гоголь писал:

«Шекспир, Шеридан, Мольер, Гете, Шиллер, Бомарше, даже Лессинг, Реньяр <...> ничего не произвели такого, что бы отвлекло от уважения к высоким предметам; к ним даже не перешли и отголоски того, что бурлило и кипело у тогдашних писателей-фанатиков, занимавшихся вопросами политическими и разнесших неуважение к святыне (подразумевается прежде всего Вольтер — почитаемый «студентом» Белинским. — *И. В.*). У них (т. е. у Шекспира, Шеридана и пр. — *И. В.*), если и попадаются насмешки, то над лицемерием, над кощунством, над кривым толкованием правого...» (VI; 58).

В последних словах, помимо прочего, заключается и представление о возможности весьма различного «понимания» провозглашенных Уваровым начал, а кроме того, намек на лукавую приспособляемость лиц, унаследовавших традиции «универсальной» александровской эпохи. (Сам Уваров, по оценке современников, во многом не соответствовал возложенной на него Императором задаче, почему в итоге и был уволен от должности министра⁶⁶.) «...Ведь нравственность вещь относительная...» — иронически замечает на этот счет «невзрачный, но ядовитого свойства господин» в гоголевском «Театральном разезде...», — «нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью сниманье ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотреть сквозь пальцы на то, как он ворует; третий называет нравственностью услуги, оказываемые его любовнице. Ведь обыкновенно как говорит всякий из нашей братии своим подчиненным? — свысока говорит: “Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно Бога, Государя, Отечества”, — а ты, мол, уж там себе разумеи, относительно чего. <...> если и явится у кого-нибудь в три года два дома, так ведь это отчего? Всё от честности, не так ли?» (III/IV; 463). Как раз такой «нравственности» и требует от сына

героиня «Отрывка», понуждающая его жениться на богатой княжне — «дуре первоклассной» — Шлепохвостовой:

«Либерал! <...> Вон у него фалды фрака не так, как у прочих! платок не так завязан!»; «...я хочу <...>, чтобы мой сын <...> служил в гвардии и был бы на всех придворных балах» [Гоголь, 1949: Т. 5, 125, 126].

«Примерная» набожность и великосветский «консерватизм» этой дамы вполне «доказываются» (с противоположным знаком) ее возмущенной репликой о «скверном» «либерале» Собачкине (очевидным протитипом которого является упомянутый грибоедовский герой — лицемерно-циничный «ратоборец нравственности» Загорецкий). Собачкин «ославил» Марью Александровну в обществе за несоответствующую великосветским требованиям «нероскошную» жизнь:

«Будто я не знаю, что ты либерал; и знаю даже, что тебе все это внушает: все этот скверный Собачкин. <...> Без правил, без добродетели — <...> какой гнусный человек! <...> что такое он разнес про меня!.. <...> что у меня подают сальные огарки; <...> что я выехала на гулянье в упряжи из простых веревок на извозчичьих хомутах... Я <...> более недели была больна; <...> одна вера в Провидение подкрепила меня» (III/IV; 428).

Такие же карманные «набожность» и «благочестие» демонстрирует другой гоголевский псевдо-консерватор — сребролюбец Плюшкин, рассуждающий об обязанности пастырей обличать порок сребролюбия:

«Приказные такие бессовестные! <...> такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение: ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь» (V; 120).

В этом обличении духовной мертвенности и заключается собственно гоголевская — заведомо отличающаяся от навязываемой радикальными интерпретаторами — тема «Мертвых душ». Размышляя о героях первого тома поэмы, Гоголь писал о Чичикове:

«Он позабыл <...>, что наступил ему тот роковой возраст жизни, когда все становится ленивей в человеке, когда нужно его будить,

чтоб не заснул навеки. Он не чувствовал того, что еще не так страшно для молодого, — ретивый пыл юности, гибкость <...> бурлят и не дают мельчать чувствам, — как начинающему стареть, которого нечувствительно охватывают <...> пошлые привычки света, условия, приличия без дела движущегося общества, которые до того, наконец, все опутают и облекут человека, что <...> попробуешь добраться до души, ее уж и нет. Окремевший кусок и весь превратившийся человек в страшного Плюшкина...» (V; 514).

Об этом же Гоголь писал и в «Портрете»:

«Уже жизнь его коснулась тех лет, когда все дышащее порывом сжимается в человеке <...> и <...> отгоревшие чувства становятся доступнее звуку золота, вслушиваются <...> в его заманчивую музыку и <...> нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя» (III/IV; 92).

Очевидно, что и в исключенном фрагменте статьи о Пушкине Гоголь выступил вовсе не в защиту вольнодумства, а в защиту от обвинений в вольнодумстве — за талантливую молодость пред бесполезной «для государства» жизнью лицезмерных «стариков» и лишь на словах «богомольных» — грибоедовских великосветских «тетушек» — тех, про одну из которых упоминает Фамусов в своей знаменитой («набожной») реплике в финале комедии: «Ах, Боже мой! что станет говорить / Княгиня Марья Алексевна!»⁶⁷. Главным же в сокращенном Гоголем отрывке было, собственно, даже не это, а мысль об омертвлении души современного — «онегинского» человека, развитая им в последующем творчестве. Куда более важной для Гоголя была трагедия превращения пламенного, чистого, подлинно «консервативного» юноши — «могучие силы» и твердая *смелость* которого сулили ему широкое, ответственное поприще служения России, — в героя, погубившего свои таланты и безвольно оказавшегося действительно «вольнодумным» — пред «высокими правилами христианства» — ничтожным сребролюбцем Плюшкиным (VIII; 143), законченным представителем «собачьей старости». Изображение плюшкинской «ничтожности, мелочности, гадости» (V; 124) рассказчик прямо обращает — как предупреждение — к вступающему в свет юноше:

«Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» (V; 124).

Как бы подытоживая эти размышления, Гоголь писал позднее в статье «Христианин идет вперед» (1846):

«...пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. <...> ...у них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности...» (VI; 54).

Отсюда следует вывод, применимый ко всему гоголевскому творчеству. Все стремления Гоголя как писателя, пафос всех его произведений направлены не к изменению политической системы общества — в угоду требованиям «лишнего», «огорченного человека», духовного «недоросля», но обращены к жизни каждого христианина, следующего христианским заповедям.

Примечания

- ¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. VII. С. 503. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома римской цифрой и страницы в круглых скобках.
- ² См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 513, 525–529, 535–536, 546–547, 549, 552, 554–555].
- ³ См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 337; Т. 7, 114, 176, 179].
- ⁴ [Гоголь Н. В.] Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. Гоголя. Т. 2 (5 глав). М.: В Унив. Тип., 1855. С. 18. Загл. обл.: Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти.
- ⁵ См.: [Мостовская], [Кибальник].
- ⁶ См. об этом: [Туниманов], [Захаров, 1981], [Захаров, 2013: 183–186].
- ⁷ См.: [Гроссман: 221].
- ⁸ Языков Н. М. Малага // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2. С. 354–355.
- ⁹ Пушкин А. Евгений Онегин. Глава IV и V. СПб., 1828. С. 44–45.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1830. Т. 1. С. 753–774.

- ¹¹ См.: 1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Асессоры и Статские Советники // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. <Собрание первое>. СПб., 1830. Т. 30. С. 1054–1057.

Главной причиной издания указа 1809 г. явилось «малое число учащих-ся» в университетах и то, что дворянство «в сем полезном учреждении менее других» принимало участие (1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. С. 1054). «Пассивная забастовка» дворянства объяснялась реакцией на общесословный принцип образования, введенный уставом 1804 г. [Алешинцев: 729]. Указом 1809 г. для обучения чиновников было определено «в тех городах, где находятся университеты», открыть ежегодные курсы, продолжавшиеся с мая по октябрь, на которых занятия полагалось начинать «не ранее 2 часов пополудни, дабы утро могло быть употребляемо на исправление дел службы» (1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. С. 1054, 1056–1057).

- ¹² [Николай I Павлович, император]. Высочайший Манифест. В Царском Селе, 13-го Июля 1826 // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 15 июля. № 167. С. 681.

¹³ Слова, заключенные в квадратные скобки, в автографе зачеркнуты.

- ¹⁴ 1834. Января 23. О допущении к слушанию Университетских лекций служащих и не служащих Чиновников // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. XVII.

¹⁵ 1833. Мая 27. Статьи, на которые, по циркулярному предложению Г. Управляющего Министерством, Г. Попечители и Помощники Попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении Учебных Округов // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. LXV.

- ¹⁶ [Бутырский Н. И.] Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании Университета Ординарным Профессором оного Бутырским // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. 48.

¹⁷ 1825. Февраля 19. Устав Гимназии высших наук Князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 225–226.

- ¹⁸ Доказывать свои «университетские» права нежинским выпускникам, судя по всему, было затруднительно. По названию учебного заведения их часто считали просто «гимназистами», тогда как подтвердить свой «студенческий» статус им было нечем — устав гимназии, где были прописаны эти права, своевременно опубликован не был (впервые он был напечатан только много лет спустя, в 1867 г.; см. предшеств. примеч.). По-видимому, этим обстоятельством и объясняется последовавшее в 1834 г. подтверждение прав нежинцев. 2 января, по докладу Уварова, последовал Именной указ «О предоставлении воспитанникам

Лицея Князя Безбородко, окончившим курс учения, преимуществ, дарованных Уставом 1825 года» (1834. Генваря 2. О предоставлении воспитанникам Лицея Князя Безбородко, окончившим курс учения, преимуществ, дарованных Уставом 1825 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. III). Как следует из текста указа, к тому времени нежинское учебное заведение уже называлась не гимназией, а лицеем. Такое звание «высшему наук Училищу» в Нежине было присвоено новым «Высочайшее утвержденным Уставом Лицея Князя Безбородко» от 7 октября 1832 г. (1832. Октября 7. Высочайше утвержденный Устав Лицея Князя Безбородко // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1833. Т. 7. С. 689–691). (Изданием устава 1832 г. — и преобразованием гимназии в лицей с физико-математическим уклоном — завершилось известное нежинское «дело о вольнодумстве», приговор по которому был вынесен Императором еще осенью 1830 г.) В этой связи обращает на себя внимание содержание одного документа, понадобившегося Гоголю в этот период для подтверждения прав преподавания в петербургском Патриотическом институте. 25 января 1832 г., т. е. еще за восемь месяцев до издания нового нежинского устава, Гоголь получил в Департаменте уделов — прежнем месте его службы — аттестат, в котором, при последующей передаче документа в Патриотический институт, слово «Гимназия» (во фразе: «по окончании курса учения в Гимназии высших наук Князя Безбородко») было выскоблено и вместо него вписано: «Лицей» (в результате исправленное место стало выглядеть в документе следующим образом: «по окончании курса учения в Лицее высших наук Князя Безбородко») (см.: [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 153]). По-видимому, двадцатидвухлетний Гоголь воспользовался слухами о грядущем преобразовании гимназии в лицей, чтобы представить ее в своем служебном аттестате более весомо.

¹⁹ [Киреевский И. В.] Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский Вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 191–192. Подпись: 9.11.

²⁰ Коллежский регистратор — последний, низший чин в табели о рангах. См.: [Виноградов, 2000: 300–312].

²² См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 223–224, 693–694; Т. 2, 32–33, 248].

²³ См. подробнее: [Виноградов. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров...].

²⁴ См. подробнее: [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 284–285].

²⁵ См.: [Виноградов. Блаженны миротворцы...], [Виноградов. Блаженны миротворцы... (продолжение)].

²⁶ Имеются в виду статья В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» и его же рецензия на второе издание «Мертвых душ» в первом номере «Современника» за 1847 г.

²⁷ [Уваров С. С.] Отчет по обозрению Московского Университета. Напечатано в: 1832. Декабря 4. [Всеподданнейший доклад]. С представлением отчета Тайного Советника Уварова по обозрению им Московского Университета и Гимназий // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 348.

- ²⁸ Сделанное ранее предположение, что фамилия мемуариста была Левашов, по его казанскому имениу Левашово (см.: [Виноградов, 2013: 559]), ошибочно.
- ²⁹ См.: [Чуковский, 1949: 395].
- ³⁰ Сходное мнение высказывал в 1834 г. в беседе с великим князем Михаилом Павловичем А. С. Пушкин. Запись об этом, от 22 декабря, содержится в дневнике поэта: «Что касается до tiers état <фр. третье сословие>, что же значит наше старинное дворянство с именьями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» [Пушкин: Т. 12, 335].
- ³¹ См. подробнее: [Виноградов. Летопись...: Т. 4, 519].
- ³² См. также: [Рязанов, 1928: 47].
- ³³ См.: [Чуковский, 1949: 379–383, 392–394].
- ³⁴ См.: [Чуковский, 1949: 369–370, 374], [Чуковский, 2017: 13, 15, 21].
- ³⁵ См.: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 127], [Рязанов, 1919: 53], [Чуковский, 1949: 387].
- ³⁶ См. подробнее: [Виноградов. П. В. Анненков...], [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 518–522].
- ³⁷ См. также: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 127], [Рязанов, 1919: 53].
- ³⁸ Прочитав в начале 1880-х гг. эти строки в «Вестнике Европы», Маркс написал: «Это ложь! Он ничего подобного не говорил. Он, напротив, сказал мне, что вернется к себе для наибольшего блага своих собственных крестьян! Он даже имел наивность пригласить меня ехать с ним!» (цит. по: [Рапопорт: 63]). Однако Ф. Энгельс 16 сентября 1846 г. в письме к Марксу замечал: «Этот <...> наш Толстой, навратший нам, что он хочет продать в России свои именья» [Маркс и Энгельс, 1962: 42]. Ранее, 8 мая 1846 г., Анненков сообщал Марксу из Парижа: «Я только что получил известие, что Толстой принял решение продать все именья, которые ему принадлежат в России. Нетрудно догадаться, с какой целью» [Рязанов, 1919: 77], [Чуковский, 1949: 391] (см. также: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 128]).
- ³⁹ После того, как радикальная газета «Ausburger Allgemeine Zeitung» сообщила о том, что Я. Н. Толстой является сотрудником III Отделения, Маркс обратился за разъяснением к Анненкову, не является ли этот Толстой его знакомым, Г. М. Толстым. 30 октября 1846 г. Анненков отвечал: «О Боже! И наш честный, простой, прямой Толстой, который теперь в России думает только о том, как бы распродать все свои именья и поселиться в Европе! Благодарю Вас, мой дорогой Маркс, от его имени, что Вы усомнились, читая статью в «Allgemeine...», и обратились ко мне за разъяснениями» (цит. по: [Чуковский, 1949: 391]), (см. также: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 129–130], [Рязанов, 1919: 79]).
- ⁴⁰ См. также письмо Маркса к Анненкову от 9 декабря 1847 г.: [Маркс и Энгельс, 1962: 419–420].

- ⁴¹ Шесть писем Анненкова к Марксу за 1846–1847 гг. см. в изд.: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 127–146].
- ⁴² *Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС*. Предисловие к двадцать седьмому тому // [Маркс и Энгельс, 1962: XV].
- ⁴³ См. подробнее: [Виноградов, 2000: 87–88].
- ⁴⁴ См. подробнее: [Виноградов: «Дело, взятое из души...»: 543–544], [Виноградов, 2016].
- ⁴⁵ 23 декабря 1833 г. Гоголь, сообщая А. С. Пушкину о завершении «Плана преподавания всеобщей истории», который он собирался представить Уварову в качестве *profession de foi* для занятия должности профессора всеобщей истории в Киевском университете, замечал: «Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. <...> Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаметров, где столько философического познания языка и ума быстрого». — Гоголь имел в виду следующие работы Уварова: О Гёте. В торжественном собрании Императорской С.-Петербургской Академии Наук, читано Президентом Академии, 22 Марта 1833. М., 1833. 29 с.; Уваров С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68; Ответ Г<-на> Уварова на письмо Г<-на> Капниста об экзаметре // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1815. Чтение 17. С. 18–42.
- ⁴⁶ Уваров С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу... С. 66.
- ⁴⁷ См. подробнее: [Виноградов, 2015: 185–186], [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 309–310].
- ⁴⁸ См.: [Десницкий: 53–57], [Иофанов: 197–198].
- ⁴⁹ См.: Внутренние происшествия. Санкт-Петербург. 29-го декабря. Подробное описание происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го декабря 1825 года // Прибавление к С. П. Бургским Ведомостям № 104. 1825. Вторник, декабря 29 дня. С. 2.
- ⁵⁰ 17 июня 1826 г. перепечатано в отдельном «Прибавлении к Северной Пчеле» («При сем нумере раздается, с дозволения Высшего Начальства, Донесение Его Императорскому Величеству Следственной Комиссии, Высочайше учрежденной для изысканий о злонамеренных обществах»). — Северная Пчела. 1826. 17 июня. № 72. С. 4) и 19 и 21 июня в «Московских Ведомостях»; выпущено также отдельными изданиями в Петербурге, на русском и французском языках.
- ⁵¹ Донесение Следственной Комиссии. Его Императорскому Величеству, Высочайше учрежденной Комиссии для изысканий о злоумышленных обществах, Всеподданнейший доклад. 30-го Мая 1826 года // Прибавление к Северной Пчеле. 1826. <17 июня. № 72>. С. 18.

- ⁵² Языков [Н. М.]. Дерпт // Полярная Звезда на 1899, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон: Вольная русская типография, 1859. Кн. 5. С. 41.
- ⁵³ Там же. С. 41.
- ⁵⁴ Появление фамилии *Тентетников*, вместо *Дерпенников*, относится к весне 1848 г., ко времени возвращения Гоголя из-за границы в Россию [Виноградов, 2007: 138–144].
- ⁵⁵ См. подробнее: [Виноградов, 2015: 19–31].
- ⁵⁶ См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 258].
- ⁵⁷ См.: [Заболоцкий], [Иофанов: 116].
- ⁵⁸ [Фельдбигер И. И.] О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи, изданная по Высочайшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины Вторья. 1 изд-е. СПб., 1783. С. 61–71 (11 изд-е — 1817).
- ⁵⁹ «В Гоголе есть <...> черты несомненного юродства <...>. Этот момент юродства <...> психологически совершенно почти неизбежен <...> для всякого серьезно религиозного человека, стремящегося жить не по законам мира сего. Тот “соблазн”, то “юродство проповеди”, о котором говорил еще апостол Павел <1 Кор. 1:18–21>, с веками лишь возрос, и для христианина часто приходится впадать в странности, в юродство, чтобы христиански выявить себя в современной культуре. <...> Тот, кто в себе не почувствовал когда-нибудь несходства “духа времени сего” и христианского начала, кто не почувствовал тех оков, какие кладет современная культура на все подлинно религиозное, тому трудно понять всю психологическую, религиозную и историческую неизбежность юродства» [Зеньковский: 30–31]. См. подробнее: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 647–648].
- ⁶⁰ Внутренние известия. Прибавления к подробному описанию происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го Декабря 1825-го года // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 7 янв. № 5. С. 19.
- ⁶¹ Впечатления современников от этой картины см.: Отчет моих чувствований и ощущений после нескольких посещений выставки Академии художеств. (Посв<ящается> Ф. Н. Глинке) (продолжение) // Северная Пчела. 1833. 1 дек. № 274. С. 1096. См. то же: Северная Пчела. 1833. 30 ноября. № 273. С. 1092; а также: Лобанов М. Выставка Академии художеств 1833 года // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1833. № 12. <Отд. 2>. С. 34–35.
- ⁶² [Фосс И. Г.] Луиза, сельское стихотворение Ивана Генриха Фосса в трех идиллиях / перевод с нем. Павла Теряева. СПб., 1820. С. 13–14.
- ⁶³ См.: [Фосс И. Г.] Луиза... С. 41–43.
- ⁶⁴ См. подробнее: [Виноградов. Комментарий: 431–432], [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 338].
- ⁶⁵ 1817. Октября 14. Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. <Собрание первое>. СПб., 1830. Т. 34. С. 814.

- ⁶⁶ См. подробнее: [Виноградов. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров...: 194–199].
- ⁶⁷ [Грибоедов А. С.] Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинения Александра Сергеевича Грибоедова. М.: В тип. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургич. Академии, 1833. С. 167.

Список литературы

1. Алешинцев И. А. Записка графа Сперанского «Об усовершеннии общего народного воспитания» // Русская Старина. — 1907. — № 12. — С. 729–735.
2. Анненков П. В. События марта 1848 года в Париже. Из записок // Русский Вестник. — 1862. — Март. — С. 239–299.
3. Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. — 1880. — № 4. — С. 457–506.
4. Б[артенев] П. И. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. — 1884. — Кн. 1. — С. 391–422.
5. Б[асисто]в П. Е. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. С портретом Н. В. Гоголя. Санктпетербург. 1856. Статья вторая // Отечественные Записки. — 1856. — № 11. — Отд. 2. — С. 15–52.
6. Белинский В. Г. Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 6: Статьи и рецензии 1842–1843. — С. 351–365.
7. Белинский В. Г. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине 1843–1846. — С. 431–472.
8. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1956. — Т. 12: Письма 1841–1848 гг. — 596 с.
9. Богучарский В. Я., Гершензон М. О. Новые материалы о Бакуanine и Герцене // Голос Минувшего. — 1913. — № 1. — С. 182–189.
10. Бочаров С. Г. Комментарий. <...> Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 23 т. — М.: Наука, 2009. — Т. 3. — С. 665–686.
11. Васильев Л. Что значит фамилия «Тентетников» // Русский Филологический Вестник. — 1909. — № 2. — С. 223–226.
12. [Введенский А. И.] W. Литературные типы русской интеллигенции. IV. Гоголевские типы // Новое Время. — 1889. — 23 авг. — № 4843. — С. 2–3.
13. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — 448 с.
14. Виноградов И. А. «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. — Вып. 6. — С. 214–239 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (05.05.2018).
15. Виноградов И. А. Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7. — С. 219–245 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2665> (05.05.2018).

16. Виноградов И. А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. — М.: Наука, 2007. — Вып. 1. — С. 135–220.
17. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / издание подгот. И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 387–656.
18. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя: в 2 ч. — М.: Русское слово, 2009. — Ч. 2. — С. 184–227.
19. Виноградов И. А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 5. — С. 543–544.
20. Виноградов И. А. К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 6. — С. 419–542.
21. Виноградов И. А. П. В. Анненков — биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: сб. докл. Междунар. конференции / Департамент культуры г. Москвы; Центр. гор. б-ка — мемор. центр «Дом Гоголя»; под общ. ред. В. П. Викуловой. — М.: Фестпартнер, 2009. — С. 145–155.
22. [Виноградов И. А.] Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — Т. 3. — 1168 с.
23. Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. Научное издание. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 352 с.
24. Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. — М.: Новосиб. изд. дом, 2016. — С. 226–233.
25. Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / под ред. М. И. Щербакова. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. — Вып. 1. — С. 77–94. (а)
26. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 3. — С. 7–18. (б)
27. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 4. — С. 51–67. (с)

28. Виноградов И. А. Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 2. — С. 49–124 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (05.05.2018).
29. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. — Т. 1–7. — 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.
30. [Говоруха-Отрок Ю. Н.] Николаев Ю. Еще о Гоголе. По поводу статьи г. Розанова «Несколько слов о Гоголе», *Московские Ведомости*, № 46 // *Московские Ведомости*. — 1891. — 16 февр. — № 74. — С. 5.
31. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1937. — Т. 2. — 762 с.
32. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1951. — Т. 4. — 552 с.
33. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1949. — Т. 5. — 512 с.
34. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1951. — Т. 6. — 924 с.
35. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1952. — Т. 8. — 816 с.
36. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1952. — Т. 9. — 684 с.
37. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / издание подгот. И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 696 с.
38. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. — Т. 1–17. — 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
39. Градовский А. Мечты и действительность. (По поводу речи Ф. М. Достоевского) // *Голос*. — 1880. — 25 июня. — № 174. — С. 1–2.
40. Гроссман Л. П. Прототипы Фомы Опискина // *Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного* / под ред. Л. П. Гроссмана. — М.: ГИХЛ, 1935. — С. 218–222.
41. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. послесловие и коммент. С. А. Вайгачева. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
42. Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Т. 2. — С. 1–105.
43. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 3. — 544 с.
44. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1984. — Т. 26. — 520 с.
45. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1984. — Т. 27. — 464 с.

46. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1985. — Т. 28. — Кн. 2. — 616 с.
47. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1986. — Т. 29. — Кн. 1. — 576 с.
48. Еремин М. П. Пушкин — публицист. — М.: ГИХЛ, 1963. — 447 с.
49. Заболотский П. А. К биографии Гоголя в Полтавский период // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. — 1912. — Т. 17. — Кн. 2. — С. 1–27.
50. Захаров В. Н. Комический шедевр Достоевского // Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. — Петрозаводск: Карелия, 1981. — С. 206–213.
51. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
52. Захаров В. Н. Кто гений, кто Шекспир? Из антропологических открытий Достоевского // Русская словесность. — 2018. — № 2. — С. 3–8.
53. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь в его религиозных исканиях // Христианская Мысль. — Киев, 1916. — № 1. — С. 26–57.
54. Иофанов Д. М. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. — Киев: Изд-во АН УССР, 1951. — 432 с.
55. Кибальник С. А. «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2010. — Т. 19. — С. 108–142.
56. [Коробка Н. И.] Ред<актор>. Комедии Гоголя // Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя: [в 5 т.] / под ред. Н. И. Коробки. Текст заново сверен с рукописями и изданиями, вышедшими при жизни автора. — СПб.: Русское Книжное товарищество «Деятель», [1913]. — Т. 4: Комедии и Драматические отрывки. — С. 5–11.
57. Маргулис Ю. Э. Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 года) // Воздушные пути. Альманах. — Нью-Йорк. — 1963. — № 3. — С. 272–294.
58. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962. — Т. 27. — 696 с.
59. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. — М.: Политиздат, 1967. — 809 с.
60. Морозов И. Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. — М.; Л., 1935. — № 4. — С. 223–258.
61. Мостовская Н. Н. «Село Степанчиково и его обитатели» / уточнения и дополнения к комментарию Полного собрания сочинений Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1983. — Т. 5. — С. 225–226.
62. [Панаев В. А.] Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская Старина. — 1901. — № 9. — С. 481–510.
63. Поляков М. Я. Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. — М., 1950. — Т. 56. — С. 303–416.
64. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 12. — 576 с.

65. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. 13. — 651 с.
66. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 14. — 547 с.
67. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. — Л.: Наука, 1978. — Т. 7. — 543 с.
68. [Рапопорт С. А.] Ан—ский С. К характеристике Маркса. (Примечания К. Маркса к «Замечательному десятилетию» П. Анненкова) // Русская Мысль. — 1903. — № 8. — Отд. 2. — С. 61–63.
69. Розанов В. Несколько слов о Гоголе. (По поводу статьи г. Ю. Николаева: «Нечто о Гоголе и Достоевском», *Московские Ведомости*, № 26, «Литературные заметки») // *Московские Ведомости*. — 1891. — 15 февр. — № 46. — С. 4.
70. Рязанов Д. Б. Карл Маркс и русские люди сороковых годов. 2-е изд., доп. — М., 1919. — 91 с.
71. Рязанов Д. Б. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса // *Летописи марксизма*. — М.; Л., 1928. — Кн. VI. — С. 41–49.
72. Сахаров В. И. Русское масонство в портретах. — М.: АиФ Принт, 2004. — 507 с.
73. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. — М.: РОССПЭН, 2001. — 1224 с.
74. Столянский П. Н. Старый Петербург и Общество Поощрения Художеств. — Л.: Изд-е Комитета популяризации художественных изданий, 1928. — 82 с.
75. [Толстой Г. М.] Поездка в Туринск к декабристу Вас. Петр. Ивашеву в 1838 г. Воспоминание Г. М. Толстого / сообщ. А. П. Топорнин // *Русская Старина*. — 1890. — № 11. — С. 327–351.
76. Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854–1862. — Л.: Наука, 1980. — 296 с.
77. Успенский Н. В. Некрасов в с. Спасском // Успенский Н. В. Из прошлого. — М., 1889. — С. 227–238.
78. Фридлиндер Г. М. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1952. — Т. 8. — С. 756–758.
79. Черняк Я. З. Комментарий. Письмо Белинского к Гоголю // *Литературное наследство*. — М., 1950. — Т. 56 — С. 582–605.
80. Чуковский К. И. Григорий Толстой и Некрасов. К истории журнала «Современник» // *Литературное наследство*. — М., 1949. — Т. 49–50. — С. 365–396.
81. Чуковский К. И. Григорий Толстой и Некрасов // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. / коммент. Б. Мельгунова и Е. Ивановой. — М.: Агентство ФТМ, 2017. — Т. 9. — С. 7–44.
82. Шагинян М. С. Человек и время. История человеческого становления. — М.: Советский писатель, 1982. — 560 с.
83. Шевырев С. Герой нашего времени // *Москвитянин*. — 1841. — Ч. I. — № 2. — С. 515–538.

Информация об авторе: *Виноградов Игорь Алексеевич* — доктор филологических наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук».

Дата поступления в редакцию: 21.05.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Igor A. Vinogradov

(Moscow, Russian Federation)

info@imli.ru

“Grived People” in the Works of N. V. Gogol

Abstract. Among the “cross-cutting” and “core” themes of Gogol’s creative work, which for a long time did not attract attention, there is the question about the attitude of the writer to “opposition”, anti-government trends. This theme is a key one for a number of fiction and publicistic writings of N. V. Gogol. For the first time, Gogol’s typology of the “distressed man” as a literary contemporary of the “superfluous people” such as Onegin and Pechorin, the “new people” for example, N. G. Chernyshevsky, the “underground man” F. M. Dostoevsky and others is studied in the article. Gogol’s views on the balance between liberalism and conservatism are analyzed, in particular, the “paradox” that has been in the field of invariable attention of the writer is considered, according to which a hypocritical conservatism always contains the origins of liberalism, while the “liberals” accused by pseudo-conservatives sometimes in fact are bearers of conservatory values. A detailed account is given concerning the autobiographical character of certain motifs of Gogol’s works related to the theme of state service. The authorship of the memoirs of an unknown person about Gogol’s stay in Mannheim in 1844 is established. The authorship of the memoirs of an unknown person about Gogol’s stay in Mannheim in 1844 is established. The memoir note belongs to Grigory Mikhailovich Tolstoy (1808–1871), a rich Simbirsky and Kazan landowner, acquainted with Karl Marx. Being an extraordinary, well-educated representative of a prominent noble family, a person of the “Onegin” type, keen on gypsy songs, a theater-goer, a liberal, a player and a hunter Tolstoy was famous for being unreliable and, as one might judge, “exceptionally easy in reasoning”, so that he could be of help to Gogol in the completing his gallery of “dead souls”. The episode from Gogol’s biography is examined on a broad cultural and historical background. The history of acquaintance of Tolstoy with Gogol in Moscow in 1840 and communication with the writer, four years later, in Mannheim, the circumstances of Tolstoy becoming close to Marx in Paris before his arrival in Mannheim are being studied. The reported information opens a new page in the biography and creative work of Gogol.

Keywords: N. V. Gogol, conservatism, liberalism, typology of the hero, “superfluous people”, “grived people”, polemic, parody

References

1. Aleshintsev I. A. A Note by Count Speransky "On the Improvement of General Public Education". In: *Russkaya Starina*, 1907, no. 12, pp. 729–735. (In Russ.)
2. Annenkov P. V. The Events of March 1848 in Paris. From Notes. In: *Russkiy Vestnik* [*The Russian Messenger*], 1862, March, pp. 239–299. (In Russ.)
3. Annenkov P. V. A Remarkable Decade. 1838–1848. From Literary Memoirs. In: *Vestnik Evropy* [*Herald of Europe*], 1880, no. 4, pp. 457–506. (In Russ.)
4. Bartenev P. I. F. V. Chizhov to the Artist A. A. Ivanov. In: *Russkiy Arkhiv*, 1884, book 1, pp. 391–422. (In Russ.)
5. Basistov P. E. Notes on Life of Nikolai Vasilievich Gogol, Composed Based on the Memoirs of His Friends and Acquaintances and from His Own Letters: in 2 Vols. With a Portrait of N. V. Gogol. St. Petersburg. 1856. Article Two. In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1856, no. 11, section 2, pp. 15–52. (In Russ.)
6. Belinskiy V. G. A Literary Conversation Overheard in the Bookshop. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. *The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6: Articles and Reviews 1842–1843, pp. 351–365. (In Russ.)
7. Belinskiy V. G. Article Eight. "Eugene Onegin". In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. *The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 7: Articles and Reviews 1843. Articles About Pushkin 1843–1846, pp. 431–472. (In Russ.)
8. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [*The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 12: Letters of 1841–1848. 596 p. (In Russ.)
9. Bogucharskiy V. Ya., Gershenzon M. O. New Materials About Bakunin and Herzen. In: *Golos Minuvshogo* [*The Voice of the Past*], 1913, no. 1, pp. 182–189. (In Russ.)
10. Bocharov S. G. A Commentary. <...> A Few Words About Pushkin. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works and Letters: in 23 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3, pp. 665–686. (In Russ.)
11. Vasil'ev L. What Does the Surname "Tentetnikov" Mean? In: *Russkiy Filologicheskiy Vestnik*, 1909, no. 2, pp. 223–226. (In Russ.)
12. <Vvedenskiy A. I.> W. Literary Types of Russian Intellectuals. 4. Gogol Types. In: *Novoe Vremya*, 1889, 23 August, no. 4843, pp. 2–3. (In Russ.)
13. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniya* [Gogol Is an Artist and a Thinker: Christian Foundations of the World Outlook]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
14. Vinogradov I. A. "I Am Your Brother": The Study of Nikolai Gogol's Short Novel The Overcoat. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001,

- issue 6, pp. 214–239. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (accessed on May 5, 2018). (In Russ.)
15. Vinogradov I. A. Unknown Autographs of Nikolai Gogol’s Two Articles About Church and the Clergy: The History of Publishing Gogol’s “Selected Correspondence with Friends”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 219–245. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2665> (accessed on May 5, 2018). (In Russ.)
 16. Vinogradov I. A. The Poem “Dead Souls”: Problems of Interpretation. In: *Gogolevskiy vestnik [The Gogol Herald]*. Moscow, Nauka Publ., 2007, issue 1, pp. 135–220. (In Russ.)
 17. Vinogradov I. A. Commentary. In: *Gogol’ N. V. Taras Bul’ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy [Gogol N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)
 18. Vinogradov I. A. N. V. Gogol and S. S. Uvarov: Orthodoxy, Autocracy, Nationality. In: *Dukhovnyy put’ N. V. Gogolya: v 2 chastyakh [A Spiritual Way of N. V. Gogol: in 2 Parts]*. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2009, part 2, pp. 184–227. (In Russ.)
 19. Vinogradov I. A. “A Mission Coming from the Soul...”. In: *Gogol’ N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh) [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]*. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 5, pp. 543–544. (In Russ.)
 20. Vinogradov I. A. More on the History of the Creation and Publication of Gogol’s Spiritual Prose. In: *Gogol’ N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh) [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]*. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 6, pp. 419–542. (In Russ.)
 21. Vinogradov I. A. P. V. Annenkov — N. V. Gogol’s Biographer. In: *N. V. Gogol’ i ego literaturnoe okruzhenie: Vos’mye Gogolevskie chteniya: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii [N. V. Gogol and His Literary Ambience: the Eighth Gogol Readings: Collection of Reports of the International Conference]*. Moscow, Festpartner Publ., 2009, pp. 145–155. (In Russ.)
 22. Vinogradov I. A. *Gogol’ v vospominaniyakh, dnevnikakh, pereziske sovremennikov. Polnyy sistematicheskii svod dokumental’nykh svidetel’stv: v 3 tomakh [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: in 3 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, vol. 3. 1168 p. (In Russ.)
 23. Vinogradov I. A. *Gogol’ v Nezhinskoy gimnazii vysshikh nauk: Iz istorii obrazovaniya v Rossii [Gogol in the Nezhin High School: From the History of Education in Russia]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)

24. Vinogradov I. A. Gogol About Poetry and Scholasticism. (To the Author's Definition of the Genre of "Dead Souls"). In: *Tvorchestvo N. V. Gogolya i evropeyskaya kul'tura. Pyatnadsatye Gogolevskie chteniya. Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moskva, 23–24 marta; Vena, 26–27 marta 2015 g. [*The Works of N. Gogol and European Culture. The Fifteenth Gogol Readings. Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference. Moscow, March 23–24; Vienna, March 26–27, 2015*]. Moscow, Novosibirsk Publishing House Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.)
25. Vinogradov I. A. The Most Patriotic Book of Our Literature ("The Selected Passages from Correspondence Between Nikolai Gogol and His Friends"). In: *Aktual'nye voprosy izucheniya dukhovnoy i svetskoy slovesnosti [Actual Questions of Studying Spiritual and Secular Literature]*. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2017, issue 1, pp. 77–94. (In Russ.) (a)
26. Vinogradov I. A. Blessed Are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of "Dead Souls". In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]*, 2017, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.) (b)
27. Vinogradov I. A. Blessed Are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of "Dead Souls" (The Continuation). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]*, 2017, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.) (c)
28. Vinogradov I. A. The Literary Sermon of N. Gogol: Pro et Contra. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 49–124. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (accessed on May 5, 2018). (In Russ.)
29. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808): v 7 tomakh [Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808): in 7 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
30. Govorukha-Otrok Yu. N. Nikolaev Yu. More About Gogol. Concerning the Article by Mr. Rozanov "A Few Words About Gogol", *Moskovskie Vedomosti*, no. 46. In: *Moskovskie Vedomosti*, 1891, February 16, no. 74, p. 5. (In Russ.)
31. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 2. 762 p. (In Russ.)
32. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 4. 552 p. (In Russ.)
33. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 5. 512 p. (In Russ.)

34. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [*The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 6. 924 p. (In Russ.)
35. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [*The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8. 816 p. (In Russ.)
36. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [*The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 9. 684 p. (In Russ.)
37. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy* [*Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 696 p. (In Russ.)
38. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [*The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)*]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)
39. Gradovskiy A. Dreams and Reality. (About the Speech of F. M. Dostoevsky). In: *Golos*, 1880, June 25, no. 174, pp. 1–2. (In Russ.)
40. Grossman L. P. Prototypes of Thomas Opiskin. In: *Dostoevskiy F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli. Iz zapisk neizvestnogo* [*Dostoevsky F. M. The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants. From the Notes of an Unknown Person*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1935, pp. 218–222. (In Russ.)
41. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa* [*Russia and Europe*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p. (In Russ.)
42. Desnitskiy V. A. The Tasks of Studying the Life and Works of Gogol. In: *N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniya* [*N. V. Gogol. Materials and Researches*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 1–105. (In Russ.)
43. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 3. 544 p. (In Russ.)
44. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 26. 520 p. (In Russ.)
45. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 27. 464 p. (In Russ.)
46. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 2. 616 p. (In Russ.)
47. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, book 1. 576 p. (In Russ.)

48. Eremin M. P. *Pushkin — publitsist* [*Pushkin Is a Publicist*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1963. 447 p. (In Russ.)
49. Zabolotskiy P. A. To the Biography of Gogol in the Poltava Period. In: *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [*Bulletins of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*], 1912, vol. 17, book 2, pp. 1–27. (In Russ.)
50. Zakharov V. N. The Comic Masterpiece of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli* [*Dostoevsky F. M. The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981, pp. 206–213. (In Russ.)
51. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on the Creative Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
52. Zakharov V. N. Who Is a Genius, Who Is Shakespeare? From the Anthropological Discoveries of Dostoevsky. In: *Russkaya slovesnost'*, 2018, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.)
53. Zen'kovskiy V. V. N. V. Gogol in His Religious Strivings. In: *Khristianskaya Mysl'* [*Christian Thought*]. Kiev, 1916, no. 1, pp. 26–57. (In Russ.)
54. Iofanov D. M. N. V. Gogol'. *Detskie i yunosheskie gody* [*N. V. Gogol. Childhood and Teenage Years*]. Kiev, The Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1951. 432 p. (In Russ.)
55. Kibal'nik S. A. “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants” as Cryptoparody. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 108–142. (In Russ.)
56. Korobka N. I. Gogol's Comedies. In: *Polnoe sobranie sochineniy N. V. Gogolya: v 5 tomakh* [*The Complete Works of N. V. Gogol: in 5 Vols*]. St. Petersburg, Knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'» Publ., 1913. vol. 4: Comedies and Dramatic Excerpts, pp. 5–11. (In Russ.)
57. Margulies Yu. E. The Meeting of Dostoevsky and Gogol (the Beginning of Autumn of 1848). In: *Vozdushnye puti. Al'manakh* [*Air Ways. Almanac*]. New York, 1963, no. 3, pp. 272–294. (In Russ.)
58. Marks K. i Engel's F. *Sochineniya: v 50 tomakh* [*Writings: in 50 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1962, vol. 27. 696 p. (In Russ.)
59. K. Marks, F. Engels i revolyutsionnaya Rossiya [*K. Marx, F. Engels and Revolutionary Russia*]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 809 p. (In Russ.)
60. Morozov I. L. “A Woeful Profanation” (Unpublished Letters of P. V. Annenkov About the Revolution of 1848 in Paris). In: *Istoricheskiy sbornik* [*Historical Collection*]. Moscow, Leningrad, 1935, no. 4, pp. 223–258. (In Russ.)
61. Mostovskaya N. N. “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 225–226. (In Russ.)
62. Panaev V. A. Memories of Valerian Alexandrovich Panaev. In: *Russkaya Starina*, 1901, no. 9, pp. 481–510. (In Russ.)

63. Polyakov M. Ya. Student Years of Belinsky. In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, 1950, vol. 56, pp. 303–416. (In Russ.)
64. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 12. 576 p. (In Russ.)
65. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 13. 651 p. (In Russ.)
66. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, vol. 14. 547 p. (In Russ.)
67. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh [The Complete Works: in 10 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 7. 543 p. (In Russ.)
68. Rapoport S. A. An-skiy S. On the Characteristics of Marx. (Notes of K. Marx to “The Wonderful Decade” by P. Annenkov). In: *Russkaya Mysl' [Russian Thought]*, 1903, no. 8, pp. 61–63. (In Russ.)
69. Rozanov V. A Few Words About Gogol. (On the Article of Mr. Yu. Nikolaev: “Something About Gogol and Dostoevsky”, *Moskovskie Vedomosti*, no. 26, “Literary Notes”). In: *Moskovskie Vedomosti*, 1891, February 15, no. 46, p. 4. (In Russ.)
70. Ryazanov D. B. *Karl Marks i russkie lyudi sorokovykh godov [Karl Marx and Russian People of the Forties]*. Moscow, 1919. 91 p. (In Russ.)
71. Ryazanov D. B. New Data on the Russian Friends of Marx and Engels. In: *Letopisi marksizma [Chronicles of Marxism]*. Moscow, Leningrad, 1928, book 6, pp. 41–49. (In Russ.)
72. Sakharov V. I. *Russkoe masonstvo v portretakh [Russian Freemasonry in Portraits]*. Moscow, Argumenty i fakty Print Publ., 2004. 507 p. (In Russ.)
73. Serkov A. I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000. Entsiklopedicheskiy slovar' [Russian Freemasonry. 1731–2000. Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2001. 1224 p. (In Russ.)
74. Stolpyanskiy P. N. *Staryy Peterburg i Obshchestvo Pooshchreniya Khudozhestv [Old Petersburg and the Society for Promotion of Arts]*. Leningrad, Komitet populyarizatsii khudozhestvennykh izdaniy Publ., 1928. 82 p. (In Russ.)
75. Tolstoy G. M. A Trip to Turinsk, to the Decembrist V. P. Ivashev, in 1838. The Remembrance of G. M. Tolstoy. In: *Russkaya Starina*, 1890, no. 11, pp. 327–351. (In Russ.)
76. Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1854–1862 [Works of Dostoevsky. 1854–1862]*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 296 p. (In Russ.)
77. Uspenskiy N. V. Nekrasov in the Village of Spasskoe. In: *Uspenskiy N. V. Iz proshlogo [Uspenskiy N. V. From the Past]*. Moscow, 1889, pp. 227–238. (In Russ.)
78. Fridlender G. M. A Few Words About Pushkin. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [Gogol N. V. The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8, pp. 756–758. (In Russ.)

79. Chernyak Ya. Z. Commentary. Belinsky's Letter to Gogol. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, 1950, vol. 56, pp. 582–605. (In Russ.)
80. Chukovskiy K. I. Grigory Tolstoy and Nekrasov. To the History of the Magazine "The Contemporary". In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, 1949, vol. 49–50, pp. 365–396. (In Russ.)
81. Chukovskiy K. I. Grigory Tolstoy and Nekrasov. In: *Chukovskiy K. I. Sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [*Chukovsky K. I. The Collected Works: in 15 Vols*]. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2017, vol. 9, pp. 7–44. (In Russ.)
82. Shaginyan M. S. *Chelovek i vremya. Istoriya chelovecheskogo stanovleniya* [*Man and Time. The History of Becoming a Human Being*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 560 p. (In Russ.)
83. Shevryev S. A Hero of Our Time. In: *Moskvityanin*, 1841, part 1, no. 2, pp. 515–538. (In Russ.)

Information about the author: *Vinogradov Igor A.* — Doctor of Philology, Chief Investigator of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Received: May 21, 2018

Date of publication: December 10, 2018

DOI 10.15393/j9.art.2018.5601

УДК 82.161.1.09“18”

Юлия Николаевна Сытина

(Москва, Российская Федерация)

yulyasytina@yandex.ru

**«Русь, куда ж несешься ты?»:
от «птицы-тройки» до железной дороги
(Гоголь, Достоевский и другие)***

Аннотация. Реформы Петра I привели Россию к стремительному развитию как в материальной, так в интеллектуальной и эстетической областях. В XIX в. с особой остротой встал вопрос о выборе страной дальнейшего пути, к 1840-м гг. он получил историософское осмысление в спорах западников и славянофилов, отразившихся как в критике, так и в художественных произведениях. Путь России в метафорическом плане прочно связался с мотивом движения, в «Мертвых душах» Гоголя он получил символическое выражение в образе несущейся *Руси-тройки*, субстанциональность которой подчеркнул К. С. Аксаков, дав восторженную оценку финалу поэмы. В споре с критиком-славянофилом «западник» Белинский предложил альтернативный символ России, отсылающий не к прежней «святой Руси», а к обновленной «прогрессом» — символ *железной дороги*. Художественной репликой в адрес гоголевской *тройки* стал «Тарантас» В. А. Соллогуба, где пророческий пафос финала «Мертвых душ» высмеивается исходя из прагматического *здравого смысла*, с точки зрения которого сама проблематика споров о пути России умозрительна и несостоятельна. В дальнейшем в полемику включился Достоевский, вновь актуализировав образы живой *тройки* и механической *железной дороги*. В его реализме «в высшем смысле» они разрастаются в символы уже не просто разных путей развития России, но двух начал бытия: органического и — при всем безудержье, стремящегося к святости, — и мертвого, inferнального. В главном же Достоевский сходится с Гоголем: основополагающим у него также оказывается пасхальный архетип, свойственный всей русской культуре.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, В. А. Соллогуб, В. Г. Белинский, образ тройки, символика пути и движения, историософия, западники и славянофилы

За XVIII и первую половину XIX вв. Россия проделает огромный путь как в материальном, так в интеллектуальном и эстетическом плане. Стремительность развития будет очевидна уже современникам, перед которыми встанет вопрос о том, куда же ведет это бурное развитие, в какое русло его

направить? «Куда ж нам плыть?»¹ — задастся вопросом лирический герой Пушкина, и вопрос этот чем далее, тем более будет осмысляться по отношению ко всей России. Путь страны в художественно-символическом плане связывается с движением: и корабля, и «телеги жизни», прежде всего, тройки. Этот образ мыслился в метафизическом плане в поэзии А. С. Пушкина («Бесы»), П. А. Вяземского («Зимние карикатуры»), Ф. Н. Глинки («Сон Русского на чужбине») и других (см.: [Вранчан], [Кошелев], [Мароши]), однако именно у Н. В. Гоголя он субстанциально соединится с Россией, станет ее символом.

Проблема выбора исторического пути России теснейшим образом связана с вопросом о соотношении России и Европы (см.: [Захаров, 2013], [Русская классическая литература...]). Запад в XIX в. воспринимается русской общественностью по-разному: и как безусловный ориентир для России, и как источник ценных знаний и обычаев, к которому нужно прислушиваться, но с оглядкой, живя своим умом, и как абсолютное зло, причем порою даже в апокалиптическом, мистическом ключе. К 1840-м гг. вопрос этот окончательно обретет историософскую глубину: с одной стороны, стремление к древнерусским истокам усилится в трудах и произведениях славянофилов, а с другой — ослабится у западников, увлеченных идеями прогресса и единства развития мирового исторического процесса — европоцентризмом.

Гоголь, будучи прежде всего художником, подобно Пушкину или Лермонтову, не касается *непосредственно* темы европейского влияния на Россию — не выносит своего суда на этот счет, — славянофильские и западнические интенции сливаются у него в единстве русской жизни, в ощущении ее сложности и неисповедимости. Как представляется, даже в «Тарасе Бульбе», поэтизируя казачество, собственную правоту и эстетическую привлекательность писатель находит также у католиков-ляхов. Недаром не только мать Остапа и Андрия, но и прекрасная полячка молится Богородице, и эта «общая» молитва, «как и героизация противника, а не только самих казаков», позволяет говорить о том, что в повести «изображается братоубийственная война» [Есаулов, 2016: 282].

Вместе с тем, вопрос о судьбе России глубоко волновал писателя. Разъезды Чичикова, изначально носящие сугубо бытописательный характер, чем далее, тем более приобретают метафорические оттенки, в финале первого тома «Мертвых душ» развертываясь «в символический образ, включающий в себя традиционные для русского культурного сознания мифологемы» [Маркович: 165]. Этот заключительный аккорд восхитил славянофила К. С. Аксакова, увидевшего в лирических отступлениях Гоголя мерцание самой «тайны» русской жизни:

«Чичиков едет в бричке, на тройке; тройка понеслась шибко, и кто бы ни был Чичиков, хоть он и плутоватый человек, и хоть многие и совершенно будут против него, но он был русский, он любил скорую езду, — и здесь тотчас это общее народное чувство, возникнув, связало его с целым народом, скрыло его <...>. И когда здесь, в конце первой части, коснулся Гоголь общего субстанционального чувства русского, то вся сущность (субстанция) русского народа, тронутая им, поднялась колоссально, сохраняя свою связь с образом, ее возбудившим. Здесь проникает наружу и видится Русь, лежащая, думаем мы, тайным содержанием всей его поэмы» [Аксаков: 9–10].

Западнически настроенный В. Г. Белинский отнесся к подобной трактовке с едкой иронией, заметив, что «субстанции русского народа» он не видит «ни в тройке, ни в телеге». Даже более удобной «коляске четвернею» Белинский предпочитает железную дорогу:

«Иначе и быть не может: свет победит тьму, просвещение победит невежество, образованность победит дикость, а железными дорогами будут побеждены телеги и тройки» [Белинский, 1955: 429–430].

Железная дорога становится для критика символом преобразований и прогресса, и символ этот закрепится в русской литературе.

Новые эпохи рожают новые интерпретации финала «Мертвых душ». В inferнальном ключе, припоминая «тройки» Поприщина и Хлестакова, рассматривает его Д. С. Мережковский, по мнению которого «ужасной, неожиданной для самого Гоголя насмешкой звучит его сравнение России с несущейся

тройкой» [Мережковский: 31]. Тоже негативно, но в совершенно ином ключе воспринимается финал «Мертвых душ» «простым человеком» XX в. — героем рассказа В. Шукшина «Забуксовал». У него вызывает недоумение, как можно восхищаться тройкой, в которой мчится «прохиндей, шулер»² Чичиков? В. А. Кошелев объясняет такое восприятие тем, что в поэзии XIX в. «возникший в народной песне и закрепившийся в народном сознании образ тройки выступал как семантически самодостаточный и как будто не предполагал, что в тройке может находиться еще какой-то “путник”» [Кошелев: 149]. Исследователь сводит финал к чисто художественному поэтическому приему: «И не все ли равно, кто едет в конкретной русской “тройке” — Чичиков или какой-нибудь Правдин — важна сама поэзия движения...» [Кошелев: 150]. Таким образом, в интерпретации В. А. Кошелева та соборность, которую подчеркивает К. С. Аксаков, превращается в исчезновение личностного начала вообще, утверждение его избыточности.

Анализируя историю интерпретаций образа гоголевской *тройки*, В. В. Мароши отмечает его амбивалентность, настаивая на том, что ее задает сам текст произведения: «Двусмысленность символа позволяет увидеть в нем как негативный, так и позитивный аспект, в зависимости от позиции интерпретатора и прагматики истолкования <...> смысловая контроверсивность этого фрагмента поэмы задана внутри самого гоголевского текста» [Мароши: 205]. Традицию негативной интерпретации гоголевской *тройки* исследователь возводит к спору прокурора и адвоката в «Братьях Карамазовых»: «Именно в этих прениях тройка впервые была вполне резонно сопоставлена с бричкой Чичикова» [Мароши: 205].

Иначе, в контексте «большого» времени русской культуры и исходя из первоначального замысла Гоголя о трехчастной структуре поэмы в соответствии с «Божественной комедией» Данте, предлагает понимать финал «Мертвых душ» И. А. Есаулов: «Как представляется, пространственная горизонталь тела России (“ровнем-гладнем разметнулась на полсвета”), преодолевая апостасию — в символе Руси-тройки, должна преобразиться в соборную духовную вертикаль». Это преобразование в финале «Мертвых душ» осмысливается Гоголем как

«Божие чудо» и имеет, по мнению И. А. Есаулова, «отчетливый пасхальный смысл»: «в финале “Мертвых душ” происходит пасхальное чудо воскресения “мертвого душой” центрального персонажа гоголевской поэмы» [Есаулов, 2017: 153–154]. Доказательства такого понимания гоголевского текста исследователь находит и в «Выбранных местах из переписки с друзьями», указывая на пасхальность, заложенную в самой структуре этого произведения, идущего от «Завещания» к «Светлому Воскресению» (см. также: [Есаулов, 1994]).

Именно в «Выбранных местах...» Гоголь обращается и непосредственно к разгоревшимся в 1840-е гг. спорам «о наших европейских и славянских началах», однако и здесь не становится однозначно на сторону западников или славянофилов, но явное предпочтение отдает «славянистам и восточникам»³, ближе к которым он был и в жизни (см. подробнее: [Виноградов, 2014, 2017]).

Гоголь подчеркивает различия, существующие между православной Россией и католическим по преимуществу Западом, но и русское, и европейское современное общество представляется ему ложно-рациональным, мертвенным, утратившим подлинную святость и гармонию, живую органичность. Размышляя о России, Гоголь выделяет два пласта понимания — то, какова реальная Россия сейчас, и то, какой она могла бы явить себя миру, благодаря заложенным в ней силам. Именно на освящение путей к духовному преображению каждого человека и всей *Руси-тройки* и направлены поучения в письмах к друзьям.

Возможность обретения чаемой святости и должного земного уклада Гоголь усматривает в действительном — в прорывающемся сквозь повседневность — пасхальном божественном свете (см. подробнее: [Есаулов, 2004]). В заключительной главе «Светлое Воскресение» писатель размышляет об «особенном участии к празднику Светлого Воскресенья» в русском человеке, и не потому, что русский народ «лучше» (подобно Чичикову: «хуже мы всех прочих» (*Гоголь*, 8; 417)), но потому, что «есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа», и самая неустроенность «пророчит» возможность обновления и великого будущего:

«Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» (*Гоголь*, 8; 417).

Осознание греховности должно привести к ее преодолению, и тогда окажется возможным «сбросить с себя все недостатки наши, всё позорящее высокую природу человека», когда — во время пасхального торжества — «вся Россия — один человек» (*Гоголь*, 8; 417).

Описывая же теперешнюю неустроенность и неприютность, Гоголь, как и в поэме, обращается к образу дороги и несущейся по ней тройки, но на этот раз движение исчезает, прежние лошади утомились:

«...будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радушным, родным приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный станционный смотритель с черствым ответом: “Нет лошадей!”» (*Гоголь*, 8; 289; курсив мой. — Ю. С.).

Образ гоголевской *тройки* еще не раз будет появляться в литературе и критике (см.: [Кошелев], [Мароши]). В сороковые годы к нему обращается В. А. Соллогуб в повести «Тарантас». Ее главный герой — Иван Васильевич — предстает как пародия на юного славянофила, который «пошатался» по Европе, «видел много трактиров, и пароходов, и железных дорог»⁴, разочаровался в ней и вернулся на родину патриотом, жаждущим обретения народности. «Тарантас» пестрит пародийными и ироничными эпизодами, построенными на развенчании высоких замыслов и суждений героя-славянофила при столкновении с обыденной действительностью. Впавший в уныние и отчаявшийся отыскать народность, к концу повествования герой все же обретает на миг чаемое преображение Руси. Тарантас, на котором Иван Васильевич возвращается в родное поместье где-то в глубине России, с самого начала претендует если не на символ, то на аллегория русской

жизни с ее несообразностью и практичностью, внешней нестроенностью и надежностью. В последней главе он проявляет свою фантастическую сущность, во сне Ивана Васильевича превращаясь сначала в таракана, затем в птицу, потом в фантастического гипогрифа. Пролетев на сказочном существе через узкую и страшную пещеру, населенную жуткими фантомами (в том числе и «народным» медведем, играющим «плясовую на балалайке» (*Соллогуб*, 267)), стремящимися поглотить его, герой с удивлением видит дивную картину счастливого и великого, исполненного народности будущего России.

Тарантас перерождается, в него впрягается ретивая *тройка* и смело несется с быстротой ветра. Аллюзия на гоголевский финал «Мертвых душ» становится очевидна. То же чувство простора и восторга, но у Соллогуба оно обретает пародийные оттенки и отягчается множеством бытовых подробностей счастливо преображенной Руси. Меняются и знакомцы Ивана Васильевича. Граф, бывший дотоле западником самого дурного толка и презиравший свое отечество, вдруг становится патриотом, прославляет *арзамасскую* школу живописи, рассуждает о том, что в России «есть свой запад, свой восток, свой юг и свой север» (*Соллогуб*, 273), и даже проповедует идею о богоизбранности русского народа:

«Мы шли спокойно вперед, с верою, с покорностью и с надеждой. <...> Бог благословил наше смирение. Вы знаете, Россия никогда не заносилась духом гордыни, никогда не хотела служить примером прочим народам, и оттого-то Бог избрал Россию» (*Соллогуб*, 274).

Эти убеждения, сокровенные для славянофилов, горячо проповедуемые Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в устах пародийного героя Соллогуба обесцениваются, выглядят странно; и потому нелепо. Несостоятельность явленного идеала счастливого будущего подчеркивает и финал повести. На самом пике восторга герой вместе со всем казавшимся несокрушимым тарантасом опрокидывается в грязь — так отвечает *реальность* на мечты славянофила. Полет, исполненный у Гоголя лирически-пророческого чаяния, у Соллогуба оборачивается иронией, но это, в понимании автора, не демонический хохот злого духа, а веселый и здоровый смех

прагматического *здорового смысла*. Как и у Гоголя, горизонталь пространства сменяется вертикалью, но уже не взлетом в неведомую высь, а резким падением вниз, но не во ад, а в грязь повседневности.

Гораздо более иронично, чем сам Соллогуб, к герою его отнесся Белинский, весьма экспрессивно в статье о «Тарантасе» обрушившись на *Иванов Васильевичей*, обличая как *всех* славянофилов, так и конкретно намекая на *Ивана Васильевича* Киреевского. Б. Н. Тарасов напоминает, что «умиравший от чахотки» Белинский «совершал ежедневные прогулки к вокзалу строившейся Николаевской железной дороги и с нетерпением ожидал завершения работ, надеясь на капиталистическое развитие страны в деле созидания гражданского общества и нравственного совершенствования его членов. Белинский думал, что *железные дороги победят тройку*» (курсив мой. — Ю. С.) [Тарасов, 2001а: 6]. Будучи западником, он чаял промышленного и научного переворота, победы цивилизации над иррациональностью и хаотичностью (с его точки зрения) русского бытия и быта. Ажиотажу Белинского Б. Н. Тарасов противопоставляет точку зрения Тютчева, который писал С. С. Уварову в 1851 г.: «Я далеко не разделяю того блаженного доверия, которое питают в наши дни ко всем этим чисто *материальным* способам, чтобы добиться единства и осуществить согласие и единодушие в политических обществах. Все эти способы ничтожны там, где недостает духовного единства...» [Тарасов, 2001а: 6]. Подобным образом размышлял и Гоголь в «Выбранных местах...». В письме к «Занимающему важное место» он призывает задаться вопросами:

«Зачем эта скорость сообщений? Что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги, что приобрело оно во всех родах своего развития и что пользы в том, что один город теперь обеднел, а другой сделался толкучим рынком да увеличилось число праздношатающихся по всему миру?» (Гоголь, 8; 352–353).

Белинский, оказавшись за границей, по свидетельству П. В. Анненкова, меняет отношение к России и Европе:

«...насколько становился Белинский снисходительнее к русскому миру, настолько строже и взыскательнее становился он

к заграничному. С ним случилось то, что потом не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами: они чувствовали себя как бы обманутыми Европой, смотрели на нее с упреком, как будто она не сдержала тех обещаний, какие надавала им втихомолку» [Анненков: 592].

Но в трудах Белинского переосмысление Европы отразиться не успело. Своего рода «завещанием», квинтэссенцией его взглядов на Россию стало письмо к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Смело беря на себя роль выразителя мнения всего народа, Белинский пишет, что «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности» [Белинский, 1956: 213].

Как известно, Гоголь не отправит Белинскому первый вариант ответного письма, написанного в развернутой полемической форме. Пожалуй, наиболее ярким возражением критiku станут публицистические и художественные произведения Достоевского, написанные после каторги, и они будут тем убедительнее, что до ареста писателю были близки идеалы «прогресса». Символично, что одной из причин ареста Достоевского стало именно публичное чтение того самого письма Белинского Гоголю.

В историософских раздумьях о судьбе России Достоевский также обращается к образу *тройки*⁵ и мотиву скачки, быстрого и безудержного передвижения в пространстве. В историософском аспекте одним из ключевых этот мотив становится в «Бесах». Как отмечает Ф. Б. Тарасов, он задается уже эпитафиями: «Кружение в поле в стихотворении через евангельский текст коррелирует с падением свиней, в которых вошли бесы, в озеро и их гибелью в пучине как потенциальным итогом уклонения России от пути, приводящего к “ногам Иисусовым”» [Тарасов, 2001b: 408]. Комментарий Степана Трофимовича к евангельскому фрагменту в финале романа подчеркивает вектор этого хаотического движения, связь символики евангельского текста с Россией: бесы должны покинуть ее и низвергнуться с обрыва, Россия же — прекратить бешеный бег, успокоиться и, наконец, остановиться, замереть у «ног Иисусовых». Бешеный полет *тройки* (ассоциации с финалом

«Мертвых душ» угадываются в замысле Достоевского), тем самым, должен окончиться не inferнальным крахом, но божественным воскресением. Характерно, что Гоголю, для того, чтобы показать полет *тройки* ввысь, не понадобилось «ссаживать» с нее «жулика» Чичикова. В художественном же мире Достоевского оказывается, что «бесы», за которыми скрываются конкретные люди, должны все-таки покинуть *тройку*, чтобы бег ее мог, наконец, достигнуть священной цели. «Полет» у Достоевского окрашивается inferнальными красками, место по-своему безобидного Чичикова захватывают одержимые нигилисты во главе с «лукавым змием» Петром Степановичем — такая трансформация обусловлена стремительным ходом самой русской истории.

Распространена точка зрения, согласно которой в финале «Мертвых душ» «Гоголь не указывает путей к грядущему и светлomu обновлению (обстоятельство, ядовито отмеченное в романе <“Братья Карамазовы”> прокурором)» [Ветловская: 188], тогда как у Достоевского этот полет получает чаемый — пусть не в настоящем, но в прозреваемом будущем — счастливый конец: замереть у «ног Иисусовых». Вместе с тем, цель эта (не только в области возможных трактовок, но буквально в тексте) появляется и у Гоголя, в лирическом отступлении рисующего образ грешника, поверженного к ногам Спасителя:

«...может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом *повергнет в прах и на колени* человека пред мудростью небес» (Гоголь, 6; 242; курсив мой. — Ю. С.).

Также и в «Выбранных местах...», развивая метафору движения от бесприютного скитальчества к обретению дома, автор пророчески призывает русских писателей «воспитаться» «христианским, высшим воспитаньем», и тогда

«скорбью ангела загорится наша поэзия и, ударивши по всем струнам, какие ни есть в русском человеке, внесет в самые огрубелые души святыню того, чего никакие силы и орудия не могут утвердить в человеке; вызовет нам нашу Россию — нашу русскую Россию <...> все до единого, каких бы ни были они различных мыслей, образов воспитанья и мнений, скажут в один голос:

“Это наша Россия; нам в ней приятно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине”» (*Гоголь*, 8; 409).

Непосредственно к образу гоголевской *тройки* обратится Достоевский в «Братьях Карамазовых», сделав трактовку финала «Мертвых душ» одним из центральных пунктов спора прокурора и адвоката. Первый в неистовстве Мити увидит эмблему современной России, подобно гоголевской *тройке* несущейся вперед без удержу и цели. Адвокат, напротив, в тех же знамениях времени усмотрит повод для гордости за отечество и пророчество о его великом и торжественном будущем — не безумном беге ошалелой *тройки*, но плавном и горделивом движении *колесницы*. Как аргументированно показывает Ф. Б. Тарасов, в свете аллюзий на евангельский текст противопоставление *тройки* и *колесницы* оказывается мнимым [Тарасов, 2001b: 410].

И прокурор, и адвокат стремятся выстроить свою речь с точки зрения *здорового смысла*, понимаемого — что примечательно⁶ — ими совершенно по-разному. При этом прокурор, развивая «психологию на всех парах», будет ссылаться на «тревожные голоса из Европы» (*Достоевский*, 15; 150), адвокат же, напротив, станет апеллировать к «правде русской», у которой «дух и смысл, спасение и возрождение погибших» (*Достоевский*, 15; 173). Однако славянофильский пафос адвоката тут же разобьется о модное словечко «клиент», вставленное им в речь (*Достоевский*, 15; 173).

И прокурор, и адвокат не выходят за рамки «горизонтального измерения», замыкаются в нем и потому не в силах постигнуть пафоса полета *тройки* ввысь. Рассуждения их обоих оказываются внешними и потому неадекватными по отношению к истории и пути Дмитрия Карамазова: «...позитивистская “совокупность фактов” <...> приводит к несправедливому судебному решению, внешнему по отношению к истинному “греху” героя. Таким образом, вина и наказание фактически выносятся из сферы “правового пространства”» [Есаулов, 2017: 169] (см. также: [Русская классическая литература...: 195–196]).

Сюжет о *тройке* в речи прокурора подготавливается всем предыдущим ходом романа, наполненного бешеной ездой

(см.: [Крюков]). Как становится известно из «Исповеди горячего сердца», Митя немало катался на тройках и любил быструю, безудержную езду. На тройке уедет в Мокрое Грушенька к «ее первому» и «беспорному». На тройке помчится за нею Митя, и на тройках же приедет под утро за ним «все начальство». В. Е. Ветловская, рассуждая о символах в «Братьях Карамазовых», усматривает в нарочитой повторяемости суммы «три тысячи» ее «символическое значение», обозначающее «вообще какое-то наследство», «материальную сторону дела (в том широком плане, в каком толкует ее Достоевский)» [Ветловская: 267]. По аналогии можно заметить, что и *тройка* лошадей включается в числовой карнавал романа, вероятно, помимо пасхального гоголевского смысла, обретая и другой — inferнальный смысл безудержья карамазовского, свойственный не только Карамазовым, но и всем русским людям⁷. Безудержья, от которого Руси-тройке нужно опомниться, очиститься и замереть у «ног Иисусовых».

Очевидно сходство бешеной езды Дмитрия Карамазова на тройке в Мокрое и «аллегорического» финала» его блужданий — «странного» сна» с финалом первого тома «Мертвых душ» [Ветловская: 188], впрочем, еще до того герой не раз ощутит вертикаль бытия. Внутренний мир его изначально «широк», и «горячее сердце» разрывается между низостью «идеала содомского» и высотой «идеала Мадонны». Отчетливо в художественном мире романа обе бесконечности встают перед Митей во время бешеной скачки в Мокрое.

Этот стремительный полет открывает для Мити и бесконечность неба, и бездну ада. В начале пути, освеженный быстрой ездой герой смотрит на крупные звезды, сияющие на чистом небе: «Это была та самая ночь, а может, и тот самый час, когда Алеша, упав на землю, “исступленно клялся любить ее во веки веков”» (*Достоевский*, 14; 369), — находит нужным пояснить рассказчик, тем самым объединяя братьев в созерцании бесконечности неба. Однако если Алеша станет «твердым на всю жизнь бойцом» и укрепит в вере, то у Мити пока «смутно» на душе. Но он уже оказывается способным признать право другого человека на счастье (того, кого и обозначит затем Вяч. Иванов как «Ты еси»), уступить Грушеньку «ее первому»:

«И никогда еще не подымалось из груди его столько любви к этой роковой в судьбе его женщине, столько нового, не испытанного им еще никогда чувства, чувства неожиданного даже для него самого, чувства нежного до моления, до исчезновения пред ней» (*Достоевский*, 14; 370).

Так уже теперь для Мити через сладострастный «идеал содомский» в Грушеньке начинает проступать «идеал Мадонны».

Вместе с тем, героя посещают мысли о самоубийстве. Наравне с созерцанием звезд является и иной образ: «Во ад? <...> попадет Дмитрий Федорович Карамазов во ад али нет, как по-твоему?» — с истерическим хохотом спрашивает Дмитрий кучера Андрея, на что тот рассказывает народную легенду про Ад и с искренней наивностью отвечает Мите: «Не знаю, голубчик, от вас зависит» (*Достоевский*, 14; 371–372). Заканчивается скачка исступленной молитвой Мити, но не о грядущем или минувшем, а о настоящем:

«Не суди, потому что я сам осудил себя; не суди, потому что люблю тебя, Господи! Мерзок сам, а люблю тебя: во ад пошлешь, и там любить буду и оттуда буду кричать, что люблю тебя во веки веков... Но дай и мне долюбить... здесь, теперь долюбить, всего пять часов до горячего луча твоего...» (*Достоевский*, 14; 372).

В «реальности» событий романа скачка в Мокрое станет для Мити последней, оборвется с его арестом, назад в город его уже повезут (пассивность героя подчеркнута названием главы — «Увезли Митю»). Однако наравне с «действительностью» в романное повествование входит сон Мити, становясь ключевым для перерождения героя. Во сне он едет уже не на лихой *тройке*, но в телеге, запряженной «двойкой» (тем самым — на уровне символики чисел — размыкается инфернальный круг карнавального кружения на *тройках*). Хоть и «лихо» пролетает он мимо стоящих у дороги женщин, но оказывается способным заметить и выделить одну из них с плачущим дитём на руках. «Горячее сердце» Мити разрывается от жалости к плачущему ребенку. Вкупе с состраданием он обретает и осознание собственной вины, перед ним открывается путь покаяния и искупления вины через страдание. Вместе

с тем, целый ряд деталей позволяет соотнести Митю и с плачущим «дитём» [Моррис: 621].

Знаменательно, что не только Митя едет этой ночью куда-то — семичасовым поездом по *железной дороге* уезжает в Москву другой брат — Иван.

В художественном мире Достоевского *железные дороги* занимают особое место, в метафорическом восприятии их писатель сходится с Гоголем, Тютчевым и другими русскими мыслителями (см.: [Сытина]). Нечто зловеще образу *железной дороги* придает и Л. Н. Толстой в «Анне Карениной», а затем в «Крейцеровой сонате». Стоит заметить, что как некий инфернальный символ *железная дорога* выступает порою и у «прогрессистки» настроенных авторов. Так, мистическим ужасом наполняет ее образ Некрасов в одноименном стихотворении:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
 Столбики, рельсы, мосты.
 А по бокам-то всё косточки русские...
 Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?
 Чу, восклицанья слышались грозные!
 Топот и скрежет зубов;
 Тень набежала на стекла морозные...
 Что там? Толпа мертвецов!⁸

И хотя рассказчик пытается ободрить Ваню тем, что русский народ «Вынесет всё, что Господь ни пошлет! / Вынесет всё — и широкою, ясную / Грудью дорогу проложит себе» (Некрасов, 170), заканчивается стихотворение «отрадной» картиной пьяного народного разгула.

Метафизическое значение *железной дороги* оказывается в центре полушутовских, полусерьезных «ученых» споров» в «Идиоте». Гостей князя Мышкина, как и его самого, крайне занимает толкование Лебедевым Апокалипсиса, а именно его видение «Звезды Полюни» в сети железных дорог. В пылу «проповеди» Лебедев разъясняет, что боится «не железных путей сообщения, <...> а всего того направления, которому железные дороги могут послужить, так сказать, картиной, выражением художественным» (Достоевский, 8; 311). Лебедев с жаром поясняет, что комфорт и прогресс ведут к ослаблению

«источников жизни», и в подтверждение рассказывает историю о человеке двенадцатого столетия, который съел за жизнь свою «шестьдесят монахов и несколько светских младенцев» (Достоевский, 8; 312), а затем раскаялся и донес на себя. Из такого глубокого и искреннего покаяния Лебедев делает патетический вывод:

«...была же мысль сильнейшая всех несчастий, неурожаев, истязаний, чумы, проказы и всего того ада, которого бы и не вынесло то человечество без той связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли!» (Достоевский, 8; 315).

Теперь же, «в наш век пороков и железных дорог», герой не усматривает «связующей силы», но напротив, видит оскудение духа:

«Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; всё размягчилось, всё упрело и все упрели!» (Достоевский, 8; 315).

Неистовая проповедь Лебедева возбуждает всеобщий смех и недоумение, единственным благосклонным слушателем его оказывается князь Мышкин.

Интересно, что спустя почти десятилетие уже от своего лица в «Дневнике Писателя» 1876 года Достоевский вернется к этой логике доказательства упадка духа, несмотря (или вследствие?) роста прогресса и «гуманности», причем воспользуется образами *тройки* и *железной дороги*. Рассуждая о «Российском обществе покровительства животным» и с иронией отмечая важность того, что «“Обществу” дороги не столько скоты, сколько люди, огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света!» (Достоевский, 22; 26), писатель припоминает случай из своей юности. По дороге из Москвы в Петербург они с братом и отцом стали свидетелями страшной сцены: фельдъегерь, выпив водки на станции и вновь вскочив в тележку, начал методически бить ямщика кулаком в затылок, от чего тот, в свою очередь — нещадно хлестать обезумевшую тройку. «Тут каждый удар по скоту, так сказать, сам собою выскакивал из каждого удара по человеку», — комментирует Достоевский и замечает:

«...если б случилось мне когда основать филантропическое общество, то я непременно дал бы вырезать эту курьерскую тройку на печати общества, как эмблему и указание» (*Достоевский*, 22; 29).

Но как ни страшна нарисованная картина старых нравов, ставшая более «гуманной» современность вызывает у Достоевского больше поводов для беспокойства:

«...теперь не сорок лет назад и курьеры не бьют народ, а народ уже сам себя бьет, удержав розги на своем суде. <...> Нет фельдъегеря, зато есть “зелено-вино”» (*Достоевский*, 22; 29).

Повсеместно растущее пьянство, «дурман», «какой-то зуд разврата», «неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму», то есть «золотому мешку» (*Достоевский*, 22; 30), и утрата веры отцов пугают Достоевского. Прежнее рабское поклонение перед мундиром и авторитетом сменилось признанием власти денег надо всем, ротшильдовской идеей «Подростка». Иллюстрируя современное насилие и развращенность, писатель обращается к ситуации на *железных дорогах*:

«По всей России протянулось теперь почти двадцать тысяч верст *железных дорог* и везде, даже самый последний чиновник на них, стоит пропагатором этой идеи, смотрит так, как бы имеющий беззаветную власть над вами и над судьбой вашей, над семьей вашей и над честью вашей, только бы вы попались к нему на *железную дорогу*» (*Достоевский*, 22; 30).

Завершает же Достоевский не призывом вернуться к прежнему, но верой в светлое будущее русских людей, которые «будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» (*Достоевский*, 22; 31).

В «Братьях Карамазовых» пугающая символика *железной дороги* возникает вновь. Иван, начав поездку в Чермашню на тарантасе, по-своему предвосхищает путь Мити в Мокрое: он также любит ясным небом, заговаривает с извозчиком, но «не понимает» того, что отвечает мужик (*Достоевский*, 14; 254). Однако потом, вместо продолжения поездки в деревню, Иван предпочтет уехать в Москву по *железной дороге*. В символическом плане он давно уже предпочел и теоретически обосновал

этот рациональный, механистический ориентир, теперь же только закрепляет свой выбор — и последствия его не замедлят.

Железные дороги не раз появляются в романе и всегда имеют зловещий оттенок. «...Нынче век либеральный, век паровозов и железных дорог» (*Достоевский*, 14; 83), — провозглашает в шутовском запале Федор Павлович за монастырской трапезой. Затем «веком железных дорог» назовет свое время госпожа Хохлакова, отправляя Митю на «золотые рудники» (*Достоевский*, 14; 348–349). *Железная дорога* пересекается и с темой детства: Коля Красоткин решается испытать себя, пролежав под стремительно несущимся поездом, а выдержав испытание, он «заболел слегка нервной лихорадкой, но духом был ужасно весел, рад и доволен» (*Достоевский*, 14; 464). Символично, что Коля изучает железную дорогу «в подробности», живя именно на той станции, «с которой Иван Федорович Карамазов месяц спустя отправился в Москву» (*Достоевский*, 14; 463). Неожиданное соединение этих подробностей не важно для сюжета, но необходимо для символической подоплеку романа: становится очевидна связь новых идей, завладевающих Колей, с идеями Ивана. Безжалостность, скрытая за прогрессом, бездушность — за внешним обаянием удобства — все это настораживает, заставляет опасаться за будущее Коли и других мальчиков, за будущее самой России.

Таким образом, в русской литературе XIX в. возникают и разрастаются два символа, за которыми скрываются различные векторы развития России: «живая» *птица-тройка* и механическая *железная дорога*. И если первый отсылает к исконной самобытности и Православию, то второй — к научно-техническому и социальному «прогрессу». Оформились эти символы в споре Гоголя и К. С. Аксакова с Белинским в 1840-е гг.; их позиции послужили своего рода показателями разных полюсов историософских и — исходя из этого — футурологических идей. Был в русском обществе и иной взгляд на проблему, исходящий из здравого смысла, с точки зрения которого сама проблематика споров была умозрительна и несостоятельна, ярким примером такого взгляда в литературе стал «Тарантас» Соллогуба, травестийно высмеивающий славянофильские искания современников, в том числе и Гоголя. Но подобные насмешки радикализировались и превращались в оружие в руках революционно настроенных западников —

в данном случае Белинского, итоговые размышления которого были для графа Соллогуба гораздо более неприемлемы, чем изыскания Гоголя.

К образам *тройки* и *железной дороги* обращался Достоевский. В его реализме «в высшем смысле» они разрастаются в символы уже не просто разных путей развития России, но двух начал бытия: живого и, при всем безудержье, стремящегося к святости, и мертвого, механического, таящего в себе нечто inferнальное. В главном же Достоевский сходится с Гоголем: основополагающим у него также оказывается пасхальный архетип, свойственный всей русской культуре (см.: [Захаров, 1994], [Есаулов, 2004, 2017]).

Образы *тройки* и *железной дороги* еще не раз возникнут в русской литературе. В XX в. они столкнутся в трагическом «Сорокоусте» Есенина. Традиционно это стихотворение принято интерпретировать как победу города над деревней, однако контекст «большого» времени, представленный выше, позволяет взглянуть на есенинский текст иначе. В «Сорокоусте» «бежит по степям» «Железной ноздрей храпя, / На лапах чугунных поезд». «А за ним <...> Тонкие ноги закидывая к голове, / Скачет красногривый жеребенок». От *тройки* останется здесь только *жеребенок*, но бегущий и не сдающийся вопреки очевидности того, что «живых коней / Победила стальная конница»⁹ (курсив мой. — Ю. С.). Вместе с тем, последнее утверждение станет все же частью пусть риторического, но вопроса — и это, вкупе с упорством жеребенка, авторским и читательским сочувствием к нему, позволяет надеяться, что победа «стальной конницы» все-таки не является окончательной, а потому и борьба двух начал бытия, скрывающихся за символами живой *тройки* и механической *железной дороги*, продолжается.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского» № 18-012-90043.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 383.

² Шукшин В. М. Собр. соч.: в 4 т. М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. Т. 4: Рассказы. С. 241.

- ³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 262. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора курсивом, тома и страницы в круглых скобках.
- ⁴ Соллогуб В. А. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1988. С. 193. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора курсивом и страницы в круглых скобках.
- ⁵ О народности образа *тройки* Достоевский пишет в записной книжке 1875 г.: «...все знают *тройку удалую*, она удержалась не только между культурными, но даже проникнула и в стихийные слои России». Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1980. Т. 21. С. 264. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора курсивом, тома и страницы в круглых скобках.
- ⁶ Выпадами против *здорового смысла* наполнено творчество Достоевского. *Здравый смысл* у него оборачивается или глупостью и ограниченностью, или преступным лукавством. Характерно, что «гость Ивана Федоровича» «оправдывает» свое богоотступничество именно *здравым смыслом*: «Я был при том, когда умершее на кресте Слово восходило в небо, неся на персях своих душу распятого одесную разбойника, я слышал радостные взвизги херувимов, поющих и вопиющих: “Осанна”, и громовый вопль восторга серафимов, от которого потряслось небо и все мироздание. И вот, клянусь же всем, что есть свято, я хотел примкнуть к хору и крикнуть со всеми: “Осанна!” Уже слетало, уже рвалось из груди... я ведь, ты знаешь, очень чувствителен и художественно восприимчив. Но *здравый смысл* — о, самое несчастное свойство моей природы — удержал меня и тут в должных границах, и я пропустил мгновение! Ибо что же, — подумал я в ту же минуту, — что же бы вышло после моей-то “осанны”? Тотчас бы все угасло на свете и не стало бы случаться никаких происшествий. И вот единственно по долгу службы и по социальному моему положению я принужден был задавить в себе хороший момент и остаться при пакосях» (*Достоевский*, 8; 80; курсив мой. — Ю. С.). Эмблемой *здорового смысла* будет для Достоевского формула «дважды два — четыре». Сомнения в ней и нежелание принимать этот постулат за истину в последней инстанции стали своего рода иллюстрацией «реализма в высшем смысле» (см.: [Захаров, 2011]).
- ⁷ Любопытно, что в «Дневнике Писателя» за 1873 год, размышляя о «вражье» как о свойстве русского человека, Достоевский, приводя примеры лжи из желания «произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие», первым делом обращается к быстрой езде: «...не случалось ли ему <читателю> раз двадцать прибавить, например, число верст, которое проскакали в час времени везшие его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиления радостного впечатления в слушателе. И не обрадовался ли действительно слушатель до того что тотчас же стал уверять вас об одной знакомой ему тройке, которая, на пари, обогнала железную дорогу и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>» (*Достоевский*, 21; 118).

- ⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 2. С. 169. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора курсивом, тома и страницы в круглых скобках.
- ⁹ Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 2. С. 82–83.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». — М.: Тип. Н. Степанова, 1842. — 19 с.
2. Анненков П. В. Литературные воспоминания. — Л.: Academia, 1928. — 661 с.
3. Белинский В. Г. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 6. — С. 410–433.
4. Белинский В. Г. <Письмо к Н. В. Гоголю> // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 10. — С. 212–220.
5. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2007. — 640 с.
6. Виноградов И. А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. — 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 35–69 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330606.pdf (15.08.2018). DOI 10.15393/j9.art.2017.4461
7. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь как славянофил: Славянская тема в наследии писателя // Проблемы исторической поэтики. — 2014. — Вып. 12. — С. 199–219 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429614824.pdf (15.08.2018). DOI 10.15393/j9.art.2014.741
8. Вранчан Е. В. Функции средств передвижения в художественном мире Н. В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2011. — 219 с.
9. Есаулов И. А. Богатырская доблесть казаков и удаль ляхов: типы героики в художественном мире Гоголя // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура: Пятнадцатые Гоголевские чтения. — М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2016. — С. 275–282.
10. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
11. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. — 550 с.
12. Есаулов И. А. Тернарная структура «Мертвых душ» (проблема преодоления апостасии) // Микола Гоголь і світова культура: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника). — Київ-Ніжин, 1994. — С. 86–87.
13. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. — С. 37–49.
14. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. — 2011. — № 4. — С. 109–114.

15. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — 2013. — Вып. 11. — С. 180–201 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (15.08.2018). DOI 10.15393/j9.art.2013.379
16. Кошелев В. А. «Время колокольчиков»: литературная история символа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — Тверь: ТГУ, 2000. — Вып. 3. — С. 142–162.
17. Крюков В. М. След птицы тройки. Другой сюжет «Братьев Карамазовых». — М.: Памятники исторической жизни, 2008. — 536 с.
18. Маркович В. М. Парадокс как принцип построения характера в русском романе XIX века. К постановке вопроса // Парадоксы русской литературы: сб. статей. — СПб.: Инапресс, 2001. — С. 158–173.
19. Мароши В. В. Тройка как символ исторического пути России в русской литературе XX века // Филология и культура. Philology and culture. — 2015. — № 2 (40). — С. 204–209.
20. Мережковский Д. С. Гоголь и черт. — М.: Скорпион, 1906. — 219 с.
21. Моррис М. Где же ты, брате? Повествования на границе и восстановление связности в «Братьях Карамазовых» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. — М.: Наука, 2007. — С. 605–630.
22. Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. — М.: Индрик, 2017. — 488 с.
23. Сытина Ю. Н. Россия и Европа в полемике авторов «Московского наблюдателя» // Проблемы исторической поэтики. — 2016. — Т. 14. — С. 172–184 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920548.pdf (15.08.2018). DOI 10.15393/j9.art.2016.3602
24. Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). — СПб.: Алетейя, 2001. — 348 с. (а)
25. Тарасов Ф. Б. Речь Ф. М. Достоевского о Пушкине: между «тройкой» и «колесницей» // Проблемы исторической поэтики. — 2001. — Вып. 6. — С. 399–419 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2638> (15.08.2018). DOI 10.15393/j9.art.2001.2638 (b)
26. Zakharov V. N. What is Two Times Two? Or When the obvious is anything but obvious in Dostoevsky's Poetics // Russian Studies in Philosophy. — 2011. — Vol. 50 (3). — Pp. 24–33.

Информация об авторе: *Сытина Юлия Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета.

Дата поступления в редакцию: 20.08.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Yuliya N. Sytina

(Moscow, Russian Federation)

yulyasytina@yandex.ru

“Rus’, Where Are you Racing to?”: from a Bird-Troika to a Railway (Gogol, Dostoevsky and Others)

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. № 18-012-90043.

Abstract. The article is devoted to the images of troika and railway in Russian literature of the 19th century. Russia began to develop rapidly after Peter the Great’s reforms. The question of the country’s development vector became particularly relevant in the 1840s. It caused the controversy of Westernizers and Slavophiles. In literature Russia’s path began to be related to the metaphor of a fast movement. Gogol created the symbol of Russia as a rushing troika in the finale of the poem “Dead Souls”. This symbol refers to the idea of Holy Russia. Slavophile K. Aksakov gave an enthusiastic assessment of the final lines of the poem. Westernizer Belinsky did not agree with Aksakov’s interpretation. He proposed an alternative symbol of Russia as a progressive country whose symbol was a railway. V. Sologub in his story “Tarantas” ridiculed on Gogol’s and Slavophiles’ views on the assumption of the common sense based on which the current dispute about the choice between the Russian ways of development is speculative and unreliable. Later, Dostoevsky entered into polemics refreshing the images of a Living Troika and a Mechanic Railway. Through lens of his realism these two symbols become larger and mean not just the ways of development of Russia, but two principles of beingness — the organic, striving for the holiness, and the infernal ones. Nevertheless, Dostoevsky and Gogol coincide in the main thing — the Easter archetype is fundamental for both of them.

Keywords: N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, V. A. Sologub, V. G. Belinsky, symbols of the path and movement, historiosophy, Westernizers and Slavophiles

References

1. Aksakov K. S. *Neskol’ko slov o poeme Gogolya: «Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi»* [A Few Words About Gogol’s Poem: “The Adventures of Chichikov, or Dead Souls”]. Moscow, N. Stepanov Publ., 1842. 19 p. (In Russ.)
2. Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memories] Leningrad, Academia Publ., 1928. 661 p. (In Russ.)
3. Belinskiy V. G. Explanation on the Explanation About Gogol’s Poem “Dead Souls”. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6, pp. 410–433. (In Russ.)

4. Belinskiy V. G. <A Letter to N. V. Gogol>. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. *The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 10, pp. 212–220. (In Russ.)
5. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»* [F. M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 640 p. (In Russ.)
6. Vinogradov I. A. A Cosmopolitan or a Patriot? The Conception of Patriotism in Disputes with Gogol and About Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, no. 3, pp. 35–69. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330606.pdf (accessed on August 15, 2018). (In Russ.) DOI 10.15393/j9.art.2017.4461
7. Vinogradov I. A. N. V. Gogol as Slavophile: A Slavic Theme in the Writer's Heritage. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2014, issue 12, pp. 199–219. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429614824.pdf (accessed on August 15, 2018). (In Russ.) DOI 10.15393/j9.art.2014.741
8. Vranchan E. V. *Funktsii sredstv peredvizheniya v khudozhestvennom mire N. V. Gogolya: dis. ... kand. filol. nauk* [The Functions of Means of Transport in N. V. Gogol's World. PhD. philol. sci. diss.]. Novosibirsk, 2011. 219 p. (In Russ.)
9. Esaulov I. A. The Heroism of Cossacks and the Prowess of the Poles: the Types of Heroic Spirit in the Artistic World of Gogol. In: *Tvorchestvo N. V. Gogolya i evropeyskaya kul'tura: Pyatnadsatye Gogolevskie chteniya* [N. V. Gogol's Works and European Culture: The Fifteenth Gogol Readings]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom Publ., 2016, pp. 275–282. (In Russ.)
10. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
11. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian Classics: A New Understanding]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)
12. Esaulov I. A. A Ternary Structure of “Dead Souls” (the Problem of Overcoming Apostasy). In: *Mikola Gogol' i svitova kul'tura: Materiali mizhnarodnoi naukovoï konferencii, prisvyachenoï 185-richchyu z dnya narodzhennya pis'mennika* [Nikolai Gogol and World Culture: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 185th Anniversary of the Writer's Birth]. Kiev, Nizhyn, 1994, pp. 86–87. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The Symbolism of Christian Calendar in Fedor Dostoevsky's Works. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [New Aspects in the Study of Dostoevsky]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 37–49. (In Russ.)

14. Zakharov V. N. What is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics. In: *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 109–114. (In Russ.)
15. Zakharov V. N. The Poetics of the Chronotope in Winter Notes on Summer Impressions by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2013, issue 11, pp. 180–201. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed on August 15, 2018) (In Russ.) DOI 10.15393/j9.art.2013.379
16. Koshelev V. A. “The Time of Small Bells”: A Literary History of the Symbol. In: *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst [Russian Rock Poetry: Text and Context]*. Tver, Tver State University Publ., 2000, issue 3, pp. 142–162. (In Russ.)
17. Kryukov V. M. *Sled ptitsy troyki. Drugoy syuzhet «Brat'ev Karamazovykh» [The Trace of the Bird Troika. Another Plot of “The Brothers Karamazov”]*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy zhizni Publ., 2008. 536 p. (In Russ.)
18. Markovich V. M. A Paradox as a Principle of Forming up Characters in the Russian Novel of the 19th Century. Raising a Question. In: *Paradoksy russkoy literatury [Paradoxes of Russian Literature]*. St. Petersburg, Inapress Publ., 2001, pp. 158–173. (In Russ.)
19. Maroshi V. V. Troika as a Symbol of Russia's Historical Path in Russian Literature of the 20th Century. In: *Filologiya i kul'tura*, 2015, no. 2 (40), pp. 204–209. (In Russ.)
20. Merezhkovskiy D. S. *Gogol' i chert [Gogol and the Devil]*. Moscow, Skorpion Publ., 1906. 219 p. (In Russ.)
21. Morris M. Where Are You, Brother? Narration on the Edge and Restoration of Coherence in “The Brothers Karamazov”. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya [Dostoevsky's Novel “The Brothers Karamazov”: The Current State of Studying]*. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 605–630. (In Russ.)
22. *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste [Russian Classical Literature in the Global Cultural and Historical Context]*. Moscow, Indrik Publ., 2017. 488 p. (In Russ.)
23. Sytina Yu. N. Russia and Europe as a Subject of the Dispute Between the Authors of “Moscow Observer”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2016, vol. 14, pp. 172–184. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920548.pdf (accessed on August 15, 2018). (In Russ.) DOI 10.15393/j9.art.2016.3602
24. Tarasov B. N. *Kuda dvizhetsya istoriya? (Metamorfozy idey i lyudey v svete khristianskoy traditsii) [Where Is the History Headed for? (The Metamorphosis of Ideas and People in the Christian Tradition)]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 348 p. (In Russ.) (a)

25. Tarasov F. B. Fedor Dostoevsky's Speech About Pushkin: Between a Troika and a Chariot. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2001, issue 6, pp. 399–419. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2638> (accessed on August 15, 2018). (In Russ.). DOI 10.15393/j9.art.2001.2638 (b)
26. Zakharov V. N. What Is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics. In: *Russian Studies in Philosophy*, 2011, vol. 50 (3), pp. 24–33. (In English)

Information about the author: *Sytina Yuliya N.* — Candidate of Philology, Associate Professor, Russian Classic Literature Department, Moscow Region State University.

Received: August 20, 2018

Date of publication: December 10, 2018

DOI 10.15393/j9.art.2018.5581

УДК 821.161.1.09“19”-31

Николай Иванович Соболев*(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sobnick@yandex.ru

Динамическая поэтика рассказа

И. С. Шмелева «Полочка»

(от рукописи к печатному тексту)*

Аннотация. В творческом архиве И. С. Шмелева сохранились материалы двух редакций рассказа «Полочка» (1909), сопоставительный анализ которых позволяет выявить генезис художественной структуры произведения. Первая редакция строится вокруг образов мальчика-подростка и его хозяйина, старика-податного чиновника, одержимого жаждой власти. Старик стремится духовно подчинить мальчика, владеть им как вещью. На этом построен психологический конфликт. В образе старика прослеживается влияние образа Барона из трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь». Лейтмотив трагедии «власть золота» переосмысливается в рассказе во «власть знания». Замысел Первой редакции — показать духовный кризис современника, одержимого стремлением обладать знанием и властвовать — не воплотился в законченном произведении. Во Второй редакции автор выразил идею произведения через утверждение преобразующей силы знания. Он усложняет нарративную структуру текста, изменяет образы главных героев, идею духовного подчинения трансформирует в идею духовного родства, в которой появляются евангельские коннотации. Главные герои противопоставляются «родовому» окружению по принципу бинарной оппозиции «духовный — бездуховный», «человек книжной культуры — человек, одержимый жаждой наживы».

Ключевые слова: И. С. Шмелев, герой, образ, книга, слово, творческая история, редакция произведения, печатный текст, поэтика жанра

Небольшой, но яркий, эмоционально насыщенный рассказ «Полочка» (1909) И. С. Шмелев написал в сложный период своей жизни: в октябре 1908 г. он «сделал распоряжение об увольнении» из Владимирской казенной палаты, в которой служил на разных должностях с 1901 по 1908 г., и переехал в Москву, твердо решив посвятить свою жизнь литературному творчеству [Капустина: 13–15]. Творческий багаж писателя в то время состоял уже из тринадцати произведений —

рассказов, повестей, цикла очерков, в том числе повестей «Распад» (1906), «Гражданин Уклеikin» (1907), «В новую жизнь» (1907), значимых для его творческого становления. Особое значение в наследии Шмелева этого периода имеют рассказы для детей и юношества, регулярно издававшиеся с 1905 г., в которых Шмелев раскрылся как талантливый стилист, мастер малой прозаической формы. Семь с половиной лет казенной службы тоже имели определенное значение для формирования его как писателя. В неопубликованной при жизни автобиографии 1912 г. он писал: «Эти семь лѣтъ жизни дали мнѣ оче<нь>очень многое, заставили многое почувствовать и многому дать оцѣнку. [Показалось довольно. Больше узнавать было нечего. Новаго не было. Жизнь провинции, чиновничества, фабричныхъ районовъ, фабрикантовъ и мелкихъ торговцевъ — я часто исправлял должность податного инспектора] [<это> дало много впечатлений] я хорошо узналъ. Служба моя явилась огромнымъ дополненіемъ къ тому<,> что я зналъ изъ книгъ»¹.

При создании рассказа «Полочка» Шмелев использовал не только свой опыт детского писателя, но и опыт службы в Казенной палате, в том числе и в должности податного инспектора². Последнее обстоятельство очень помогло ему достоверно воссоздать быт, уклад, социальное окружение своего героя — податного чиновника. Впрочем, замысел и его воплощение намного шире указанной темы.

Впервые рассказ увидел свет в 1909 г. в «Юной России», ежемесячном иллюстрированном журнале для семьи и школы, издававшемся в Москве известным педагогом Д. И. Тихомировым. При жизни писателя рассказ выдержал четыре переиздания (до 1923 г.), неизменно входя в подборки детских рассказов разных авторов или сборники рассказов для детей Шмелева³. Примечательно, что в 1923 г., уже после отъезда писателя за границу, произведение переиздавалось дважды: в Берлине и в Петрограде. В то время в Советской России его книги еще не входили в список «отреченных», а в эмигрантской среде уже воспринимались как «свои». Здесь важно и другое обстоятельство, помимо идеологических барьеров побуждавшее издателей вкладываться в издания рассказов Шмелева:

в незначительном и незаметном на первый взгляд бытовом рассказе поднимаются онтологические проблемы человеческого бытия.

При жизни писателя критика обошла рассказ молчанием. В современном литературоведении традиция изучения «Полочки» только формируется. О. Н. Сорокина упоминает произведение в числе детских автобиографических рассказов 1906–1910 гг. [Сорокина: 48]. О. А. Сосновская разобрала в этом тексте образ книги и комплекс связанных с ним мотивов, показав, что книга не только один из лейтмотивов текста произведения, но и всего раннего творчества Шмелева [Сосновская].

Обращение к творческой истории произведения открывает перспективу его дальнейшего изучения — в частности, динамической поэтики.

Подобный подход дает возможность выявить идейно-тематические доминанты текста, что позволяет «развернуть во времени» поэтику произведения [Паперный: 160], понять авторскую «телеологию» (мотивацию, целеустановку) [Пиксанов: 20] поэтических средств Шмелева.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) сохранились творческие материалы, относящиеся к истории создания рассказа. Они собраны в одну единицу хранения в фонде № 387 (И. С. Шмелева), картон № 4, ед. хр. № 7, 20 л.⁴, однако текстологический анализ выявил две редакции рассказа «Полочка». Первая редакция представлена двумя фрагментами, относящимися, по всей видимости, к одному тексту; Вторая — тремя вариантами: 1) опубликованном в журнале «Юная Россия», 2) машинописным беловиком, 3) фрагментом авторской сводки (авторизованной машинописью)⁵.

Первая редакция рассказа осталась неоконченной и обрывается буквально на полуслове. Это можно назвать особенностью творческой работы писателя. Приступая к написанию произведения, Шмелев часто не имел о нем целостного представления. Идея текста формировалась по мере работы над ним и осмысления художественного материала.

В своих письмах Шмелев неоднократно упоминает эту особенность:

«...и так пришлось **бродить** и — без плана — потянуть за собой читателя. Я — **всегда!** — все писал *без плана*, без обдумывания: как попавший в незнакомое место; **пустое** место... идет наугад, отыскивая <ая> дорогу. В процессе этого пути начиналось у меня всегда — прояснение, и я начинал *видеть*, около чего брожу. Так именно явилась и “Чаша”, и “Чел<овек> из рест<орана>”, и “Няня” (одним духом вывалила **все!**), и — “Богомолье”, и “Пеньки”... ну, решит<ельно> все. Никогда не было *воли, терпенья*: наметить (цель, **предмет**), на чем-то утвердиться, а... “придет **само!**” — такая вера, предчувствие»⁶.

Очень часто писатель, оставив редакцию неоконченной, приступал к созданию следующей. Он «перебелял» черновик и уже этот текст начинал заново править, превращая его в черновик нового варианта или редакции. Так он постепенно формировал художественный мир произведения, осмыслял образы, развивал замысел. Рукописные материалы рассказа «Полочка» очень показательны в этом плане.

Первая редакция содержательно представляет собой завязку и развитие сюжета. Вторая доведена автором до конца, и именно она положена в основу изданного текста, который является, по сути, ее стилистическим вариантом.

Главные герои Первой редакции — мальчик-подросток, служащий полотором в трактире, в который пришел с проверкой податной инспектор. Мальчик обращает на себя внимание посетителя своей любовью к чтению. Для него это способ ухода от действительности. Он чужой в этой среде, состоящей из грубых и невежественных людей:

«У меня былъ уголокъ съ табуретомъ, куда въ своб. минуты я забивался какой-ниб. пустой минутой и читалъ. <...> Какъ сейчасъ помню ихъ (книг. — Н. С.) названія “Очаровательный <нрзб.>”, “Голубая маска”, “Голосъ изъ гроба” или “Тоска новобрачной”. Я такъ зачитывался, что не слыхалъ окриковъ, скрипа отворяемой двери, пока кто-нибудь не тыкалъ меня кулакомъ въ бокъ.

— Мишка, чертъ! — кричитъ мнѣ кто то, когда я, присутствовалъ на балу графа Демальмора и вмѣстѣ съ маркизомъ <нрзб.> сжималъ рукоятку кинжала, что бы изъ за портьеры нанести смертельный ударъ ужасному сопернику. — Не видишь, податель пришелъ» (л. 1).

Старик-податной приглашает к себе мальчика на должность писца. Тот охотно соглашается, увидев в старике человека доброго, образованного, не похожего на его нынешнее окружение, и попадает в невиданный доселе мир, заполненный книгами. Поначалу мальчик просто счастлив:

«Осуществлялась моя мечта. Писецъ! Я и мальчишкой то <нрзб.> въ контору, чтобы <нрзб.> залѣсть за высокій столикъ конторщика... Да еще у податного! <...>

— Я составляю каталогъ своей библіотеки... Такъ вотъ, <нрзб.> души... согласенъ?..

Господи!.. И онъ спрашивалъ еще, согласенъ ли я... На меня глядѣло цѣлое царство книгъ... Сколько же было здѣсь: тайнъ, <нрзб.>, графовъ, злодѣевъ и подземелій! Если бы онъ сказалъ — я плачу пять рублей я ни минуты не колебался бы...» (л. 1 об.).

Но постепенно с образом старика происходят странные трансформации. Если в начале рассказа он предстает перед читателем добродушным веселым чудаком — собирателем книг, то постепенно в его образе появляются неприятные до карикатурности черты.

Герой Шмелева вполне может вписаться в парадигму знаменитых скупцов мировой литературы, особенно напоминая Барона из трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь».

В структуре художественных образов Барона и старика-податного выявляются очевидные параллели. Героев объединяет овладевшая ими страсть, которая подчиняет их себе целиком, поглощая личность. Барон служит своему богатству, измеряемому в золоте. Самое большое счастье для него — хоть на один золотой приумножить свой капитал:

«Счастливый день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут»⁷.

Шмелевский старик-податной так же верно служит книгам, он приобретает их постоянно, безо всякой системы и смысла:

«Всѣ комнаты — ихъ у него было пять, заставлены были полками по стѣнамъ и простѣнкамъ. Даже въ корридорѣ, даже

въ передней были полки. Все свое хозяйство онъ сдвинулъ въ одну единственную комнату, гдѣ обѣдалъ, спалъ и гдѣ была его канцелярія. Но и тамъ — въ пережку съ дѣловыми бумагами стояли книги. Они лежали на окнахъ, подъ столами, вездѣ гдѣ можно было найти хоть поларшина свободнаго мѣста. И каждое первое число, аккуратно намъ приносили связки, приносили изъ старыхъ лавокъ. Какой то <нрзб.> потокъ вливался къ намъ грозя заманить, выжить насъ изъ квартиры» (л. 1 об.).

Для обоих героев предмет их страсти становится единственной реальностью, ничто другое их не интересует. Пушкинский Барон

«Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам» (278).

Так и шмелевский старик весь день ждет блаженной минуты, когда он сможет остаться наедине с предметом своего поклонения:

«Иногда ночью я просыпался и видѣлъ черезъ щели двери свѣтъ въ комнатѣ хозяина. Д. б. онъ читалъ свои книги или <2 нрзб.> обрѣзки.

Иногда вечеромъ, онъ ходилъ, поднявъ лампу надъ головой и оглядыв. полки...» (л. 2 об.).

Они не нуждаются в живом человеческом общении, утрачивают родственные и дружеские связи, не умеют любить и сочувствовать. Страсть полностью овладела их душами, убив все человеческие чувства.

Шмелев говорит о своем герое:

«У него совсѣмъ не было знакомыхъ или <нрзб.>. Да и понятно. Онъ не признавалъ никакихъ интересовъ и изводилъ разговорами о книгахъ» (л. 3).

Впрочем, как выясняется ниже, у старика имеются два племянника, которые из чувства родственного долга навещают его. Но и для них, и для самого старика это общение в тягость:

«Ясно было, что они отбывали повинность. Но это были очень воспитанные молодые люди. Они терпеливо выслушивали родню<?>, внимали и соглашались и выходя полной грудью набирали воздуху и говорили.

— Вот старая брюзга... <—> Я любилъ изъ за двери подглядывать, какъ ихъ корчило отъ скуки, и какъ они перемигивались за спиной старика, сговаривались, что пора и домой.

— Да... да... — ворчалъ старичокъ» (л. 3).

С мальчиком-писцом он обращается грубо, может ударить его тяжелой книгой по лицу, своих многочисленных кошек никогда не кормит:

«Чуть не въ кажд. комнатѣ на стульяхъ <нрзб.> спали кошки, которымъ онъ не давалъ ѣсть и они слонялись по комнатамъ, злые и тощіе, царапали ножки стульевъ и <нрзб.> доски и щели» (л. 2 об.).

Так и Барон абсолютно лишен способности сочувствовать, напротив, он наслаждается, ассоциируя каждую монетку с человеческим горем:

«Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принес Тибо —
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл, конечно...» (279).

Своего единственного сына он ненавидит, видя в нем лишь того, кто расточит его богатства:

«Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды

С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украв ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет» (280).

Но смысл их «служения» более глубок. Это не просто скудность и страсть к накопительству. Оба героя одержимы жаждой власти:

«Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую...» (280).

Шмелев находит в этой теме новый ракурс. Древний символ власти — золото — сменяется другим символом, актуальным в эпоху промышленной революции, — знанием, которое стало цениться куда больше. Старику-библиофилу важны не книги сами по себе, а скрытое в них сокровище — знание, которым он хочет владеть единолично:

«— <...> А у меня они есть... — почти кричалъ онъ. — И придетъ время, я ихъ перечитаю снова... я... здѣсь... одинъ воздамъ должное творцамъ...» (л. 2 об.).

Старик боится утратить свою власть, поэтому ни с кем не делится богатством:

«Мнѣ онъ не давалъ читать ни одной книги... Онъ дрожалъ надъ своимъ сокровищемъ. И я зналъ, что онъ перевернетъ всю мою постель и подушки и рылся въ моемъ сундучкѣ, боясь, не взялъ ли я у него чего» (л. 3).

Знание, ставшее самоцелью, превращается из живого источника в мертвый.

Выявленная параллель нам представляется неслучайной. В своих письмах Шмелев часто отмечал огромное значение творчества Пушкина для русской культуры. Квинтэссенцией этих рассуждений можно считать его слова, обращенные уже на склоне лет к О. А. Бредиус-Субботиной: «А в минуты уныния читайте Пушкина, вду-мчиво, — и — Евангелие»⁸.

На подобную соотнесенность произведений Пушкина и Шмелева раннего периода указывают Н. В. Юдина и Е. А. Лукьянова, анализируя образ «маленького человека» в рассказе «Жулик» (1906) и повести «Человек из ресторана» (1911) [Юдина, Лукьянова: 31].

Первая редакция, как уже было сказано выше, осталась неоконченной. О ее замысле можно составить представление по началу текста: «Я познакомился съ теперешнимъ хозяиномъ очень оригинально» и по подзаголовку — «Разсказъ мал. человѣка (Изъ [записок] письмоводителя)» (л. 1). По всей видимости, Шмелев предполагал сосредоточить внимание читателя на взаимоотношениях главных героев, доминирующая роль в которых отводилась старику. Последнее очевидно из фрагментов Первой редакции: старик наставляет, изрекает поучения, стремится подчинить волю и разум подростка, хранит книжную мудрость. Мальчик выполняет роль пассивного свидетеля, фиксирующего события. Его глазами читатель видит события, разворачивающиеся в художественном пространстве рассказа. Взгляд этот беспристрастный, но подмечающий нюансы в поведении старика, которые позволяют наблюдать трансформацию данного образа.

Замысел произведения во Второй редакции претерпел принципиальные изменения, хотя в художественном отношении прослеживается определенная преемственность редакций. Вторая унаследовала от Первой пространственно-временную организацию художественного мира, а также центральную тему повествования — взаимоотношения людей разного возраста, но во Второй редакции Шмелев иначе расставляет смысловые акценты. Идея духовного подчинения трансформируется в идею духовного родства, кроме этого, автор вводит в текст тему бессмертия.

Это повлекло и изменение в структуре образов главных героев — старик-книжник предстает добродушным дядей-библиофилом, а подросток-слуга превращается в семилетнего мальчика Шуру, дальнего родственника дяди. Автор меняет возраст героя, возможно, стремясь подчеркнуть непосредственность взаимоотношений старика и мальчика.

Как и в Первой редакции, повествование ведется от лица молодого героя. Шмелев изменяет линейную повествовательную структуру Первой редакции, используя прием введения ретроспекции. Основная сюжетная линия Второй редакции обрамляется рассуждением уже взрослого героя, с высоты своих лет оценивающего давно минувшие события. Он объясняет почему так бережно хранит старую полочку. Всякий раз при взгляде на нее в его памяти всплывает дорогой ему образ:

«У меня до сихъ поръ хранится простая деревянная полочка, сдѣланная изъ стѣнки ящика, въ которомъ когда-то лежали макароны. Стоитъ нагнуться, — и увидишь надпись, сдѣланную густой, черной краской:

“САМЫЯ ЛУЧШІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ МАКАРОНЫ.”

Конечно, это не совсѣмъ красиво, но я ревниво оберегаю эту надпись, очень мало подходящую къ тому, что хранится на полочкѣ. Книги и... макароны! Но когда что-нибудь ярко-ярко освѣщаетъ вамъ давно прошедшее, когда въ сѣрой вереницѣ ушедшихъ дней вспыхиваетъ вдругъ, какъ огонекъ во тьмѣ, милый образъ, — дорого все, что вызываетъ его» (107)⁹.

Этот прием позволяет автору создать композиционную рамку, делящую текст на две части, амбивалентно связанные между собой в структуре всего рассказа. Герой вспоминает узловые эпизоды своего детства, которые сформировали его личность.

Так, мы узнаем, что мальчик чувствует себя чужим в своем доме. Самый близкий для него человек — дворник Степан, который, как и Шура, очень любит читать. Он, по сути, становится первым наставником мальчика. Степан покупает на базаре «популярную» литературу «про “Яшку — Красную рубашку синія ластовицы”, про “Заколдованную могилу”, про “4 Солдата и 7 разбойниковъ”» (109).

Но именно дядя открывает мальчику мир настоящей литературы. Увязавшись однажды за шедшим к дяде с каким-то поручением Степаном, Шура впервые оказывается в дядином доме и испытывает чувство настоящего благоговения — ему кажется, что он попал в священное место:

«У меня постукивало сердце, когда я поднимался по лѣстницѣ; но когда старичокъ слуга снялъ съ меня шубку и впустилъ въ комнаты, я положительно потерялся. Въ комнатахъ совсѣмъ не было стѣнъ, — по крайней мѣрѣ я ихъ не видѣлъ. Были полъ, потолокъ, окна, двери и... книги. Онѣ шли стройными рядами всюду, куда я ни глядѣлъ, въ рѣшетчатыхъ полкахъ, точно ихъ собрали сюда со всего свѣта. На самой крайней полочкѣ, совсѣмъ подъ потолкомъ, сидѣла большая головастая сова. Въ комнатѣ стоялъ полумракъ, и было тихо, торжественно тихо, какъ въ пустой церкви» (108).

В отличие от героя Первой редакции, который ревностно оберегает от других знания, спрятанные в книгах, дядя, словно апостол, несущий Благоую вѣсть, знания распространяет. Он дарит мальчику хорошие книги, формирует круг его чтения:

«— Книги, которыя я буду давать тебѣ, можешь оставлять у себя. Пусть это будетъ началомъ твоей библіотеки. Пусть онѣ будутъ твоими друзьями.

Какъ это было давно, но какъ до сихъ поръ ярко встаетъ въ моей памяти!

Въ тотъ памятный вечеръ въ моемъ сердцѣ затѣплилась искра. Почти строгій тонъ дядиныхъ словъ, когда говорилъ онъ о книгахъ, черныя, молчаливые ряды на полкахъ и грустныя сумерки, — все это будило во мнѣ тихое чувство благоговѣнія» (110–111).

Мотив книги как сакрального предмета, вызывающего благоговейные чувства, встречается в рассказе неоднократно. Дядя дает почитать Степану «Записки охотника», и Степан, взявъ книгу, складывает руки, как будто принимает благословение. Читая книгу, он кладет ее на полотенце, словно икону на рушник, сдувает страницы, боясь их испачкать:

«Послѣ ужина я забѣжалъ на кухню. Разложивъ на столѣ полотенце и спустивъ руки за край стола, Степанъ читалъ при свѣтѣ маленькой лампочки. На лбу его сверкали капельки пота» (112).

Отметим, что подобное отношение к книге традиционно для европейской христианской цивилизации. Можно сказать, что Шмелев воплощает в образе дяди идею преображающего мир слова, несомненно, восходящую к евангельской традиции,

но трансформируемую в художественном мире произведения, о чем будет сказано ниже.

Формируя круг чтения мальчика, дядя придает вектор развития его личности. Он помогает ему стать самодостаточным, дает опору в жизни, основой которой является книжная культура, открывая ему дверь ко всем знаниям мира. Поэтому уже умудренный жизненным опытом герой, вспоминая, как он был расстроен, не получив завещанные дядей книги, понимает — у него осталось нечто большее, чем книжные ряды, которые казались мальчику «полными скрытой великой силы». Дядино наследство нематериально.

Когда дядя умирает, горе мальчика настолько велико, что он даже не может плакать:

«Я не плакалъ. Я точно застылъ. Помню, стоялъ у притолоки и глядѣлъ на подрагивающую бородку старичка. У меня дергался глазъ и стучало въ вискахъ. А старичекъ рассказывалъ, что дядя померъ внезапно, ночью, одинъ на одинъ съ Господомъ Богомъ.

Помню, я ушелъ къ себѣ на кровать и сидѣлъ, перебирая край одѣяла. Дяди нѣтъ, — говорилъ я себѣ» (118).

И внезапным утешением звучат слова старого слуги, рассказавшего, что дядя был писателем:

«— Они даже очень знамениты были! — продолжалъ старичокъ. — Даже такая книга есть, гдѣ о нихъ сказано» (119).

И Шура понимает — дядя не умер. Он просто перешел жить в свои книги, стал словом:

«Дядя писалъ книги!.. Значить, онъ не совсѣмъ умеръ?.. Это вспыхнуло во мнѣ и освѣтило, и согрѣло. Онъ всетаки живъ, — говорилъ я себѣ, — и наши не знаютъ этого. Я сдѣлалъ это своей радостной тайной и рѣшилъ не говорить никому. Все равно, — никто не пойметъ этого» (119).

В рассказе возникает евангельская аллюзия, актуализирующая два центральных речения Священного Писания — первое евангелиста Иоанна: «Вначале было Слово. И Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1), другое — Спасителя: «Я есть Альфа и Омега» (Откр. 1:8). В тексте Шмелева они со-

прягаются: Слово — источник жизни, «формальная» и «целевая» причина сущего» [Аверинцев: 389], цель жизни и ее конец, альфа и омега.

В то же время в произведении нет ни одной прямой отсылки к Священному Писанию и к культуре, освященной евангельской традицией в целом. В художественном мире рассказа отсутствуют знаки, указывающие на веру дяди — в доме нет икон, в дядиной библиотеке присутствуют только светские книги, он никогда не говорит с мальчиком о вере. Их общение ограничивается дидактическими наставлениями в духе нравучительных «Азбучных» рассказов Л. Н. Толстого:

«— Надо читать хорошія книги, гдѣ говориться о жизни <...>.

— Книга не “Петрушка”, — продолжалъ дядя, тряся пальцемъ: она не для смѣху пишется! Она должна указывать людямъ, какъ надо и какъ не надо жить...» (110).

В художественном мире Шмелева раннего периода еще нет сознательной установки на воплощение евангельских интенций. Можно говорить об интуитивном использовании евангельского интертекста для художественного выражения просветительских идей.

Отметим также, что введя в структуру художественного произведения тему духовного родства, автор отказывается от намеченного в Первой редакции конфликта, построенного на бинарной оппозиции между главными героями. Психологический конфликт сменяется нравственным противоречием, коренящимся в идеалистической жизненной позиции мальчика и его наставника, с одной стороны, и их приземленных родственников — с другой. В рассказе нет разрешения этого противоречия и быть, по всей видимости, не может — такова авторская целеустановка. Рассказ символично имеет открытый финал: семилетний мальчик от имени уже умершего дяди дарит книгу дворнику Степану, который хочет сказать что-то торжественно-восторженное, а получается гугнивое:

«— Такой человекъкъ... такъ это прямо... что-нибудь особенное!» (124).

Реплика Степана — это крик души естественного в своей простоте человека, который пока еще не умеет выразить мысль

книжным языком. Культура, прививку которой он получил от дяди повествователя, проявляется еще не в языке, но в стремлении к знанию. В образной системе произведения дворник, который тратит последние грошки на книги, противопоставлен богатому наследнику, распродающему библиотеку отца. Степан в изображении Шмелева — тип человека с большим духовным потенциалом, готового вырваться из своего социального окружения. Этот образ вызывал у писателя неизменный интерес; будучи воплощенным во всех крупных произведениях 1900–1910-х гг., он имеет программное значение для этого периода.

Наблюдение за творческой лабораторией писателя показывает, что первоначальный замысел рассказа сводился к идее показать в небольшом, психологически насыщенном рассказе духовный кризис современника, стремящегося обладать знанием и властью. Знание для него не связано с идеей духовного развития и потому мертвит, порождает в больном сознании желание владеть и властвовать. В дальнейшем автор отказывается от идеи показать «от противного» высокое предназначение книжной культуры. В центре Второй редакции — одухотворенные, облагороженные книжным знанием люди, которые одним своим существованием противостоят миру наживы. Евангельские аллюзии, появляющиеся в финальной редакции, созвучны доминирующим нравственно-просветительским интенциям и придают тексту некоторую духовную перспективу.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Раннее творчество И. С. Шмелева в рукописных источниках: исследование и публикация», № 18-012-00381а.
- ¹ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 4. Здесь и далее слова, заключенные в квадратные скобки, в автографах зачеркнуты.
- ² Об этом периоде жизни семьи Шмелевых см.: [Муромцева-Бунина: 481].
- ³ Шмелев И. С. Полочка: Из воспоминаний моего приятеля // Юная Россия. 1909. № 1. С. 107–124.
Шмелев И. С. Полочка: Из воспоминаний моего приятеля // К светлой цели. М., 1910. С. 41–63.
Шмелев И. С. Полочка: Из воспоминаний моего приятеля. М., 1915. 31 с.
Шмелев И. С. Полочка: Из воспоминаний моего приятеля // К светлой

цели: Первый сборник рассказов. М.-Пг., 1923. С. 65–120.

Шмелев И. С. Полочка: Из воспоминаний моего приятеля // Как мы летали. Берлин, 1923. С. 99–123.

- ⁴ Далее ссылки на рукопись рассказа «Полочка» приводятся в тексте статьи с указанием номера листа в круглых скобках.
- ⁵ В данной статье представлены основные выводы, сделанные на основе текстологического изучения творческих материалов рассказа «Полочка». Они необходимы для исследования общих закономерностей генезиса художественного мира произведения.
- ⁶ Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). М.: Русская книга, 2000. С. 392.
- ⁷ Пушкин А. С. Скупой рыцарь // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 4. С. 278. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁸ И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 43.
- ⁹ Здесь и далее Вторая редакция рассказа «Полочка» цитируется по первому прижизненному изданию: Шмелев И. С. Полочка: Из воспоминаний моего приятеля // Юная Россия. 1909. № 1. С. 107–124.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое // Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. — Киев: Дух і літера, 2001. — С. 389–398.
2. Капустин А. С. Личное дело чиновника особых поручений Владимирской казенной палаты Ивана Сергеевича Шмелева // Дорога к солнцу: Владимирский период жизни и творчества Ивана Сергеевича Шмелева. К 140-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Шмелева. — Владимир: [б. и.], 2013. — С. 10–28.
3. Муромцева-Бунина В. Н. Умное сердце // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. — М.: Сибирская Благозвонница, 2009. — С. 481–490.
4. Паперный З. С. «Существо движущееся» (Автографы стихотворений в записных книжках Блока) // Динамическая поэтика. От замысла к воплощению. — М.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 1990. — С. 158–176.
5. Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». — М.: Наука, 1971. — 400 с.
6. Сорокина О. Н. Московянина: Жизнь и творчество И. Шмелева. — М.: Моск. рабочий: Скифы, 1994. — 390 с.
7. Сосновская О. А. Образ книги в раннем творчестве И. С. Шмелева // Проблемы исторической поэтики. — 2016. — № 14. — С. 333–345 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920790.pdf (25.07.2018). DOI 10.15393/j9.art.2016.3984.
8. Юдина Н. В., Лукьянова Е. А. Начало пути. Творчество И. С. Шмелева владимирского периода // Дорога к солнцу: Владимирский период жизни и творчества Ивана Сергеевича Шмелева. К 140-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Шмелева. — Владимир: [б. и.], 2013. — С. 29–44.

Информация об авторе: *Соболев Николай Иванович* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.

Дата поступления в редакцию: 15.08.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Nikolay I. Sobolev

(Petrozavodsk, Russian Federation)

sobnik@yandex.ru

The Dynamic Poetics of Ivan Shmelev's Story "The Small Shelf" (From a Manuscript to the Printed Text)

Acknowledgements: The article was written with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no. № 18-012-00381a.

Abstract. In the archive of Shmelev's documents are kept the materials of two versions of the story "The Small Shelf" (1909). Their comparative analysis allows disclosing the genesis of the artistic structure of the writing. The first draft is structured around the characters of a teenage boy and his boss, an old man obsessed with the hunger for power. The old man is striving to subject the boy spiritually and possess him like a thing. This is the core of the psychological conflict of the work. The character of the old man has the features of the image of the Baron in A. S. Pushkin's tragedy "The Miserly Knight". The motif of the "power of gold" is transformed into the "power of knowledge" in the story. The idea of the first edition to show a spiritual crisis of a contemporary obsessed with aspiration for knowledge and power was not implemented in the final edition of the work. In the second edition the author showed the idea of the story through the affirmation of a transformative power of knowledge. He complicates a narrative structure of the text, changes the images of the main characters and transforms the idea of spiritual obedience into the idea of spiritual kinship in which appear evangelistic connotations. The author contrasts the main characters to "patronymic" ambience under the principle of binary opposition such as the "spiritual — materialistic", the "learned man and the man obsessed with thirst for profit".

Keywords: I. S. Shmelev, character, image, book, word, creative history, edition of the work, printed text, poetics of genre

References

1. Averintsev S. S. The Word of God and the Human Word. In: *Averintsev S. S. Sofiya-Logos. Slovar'* [Averintsev S. S. *Sofia-Logos. Dictionary*]. Kiev, Dukh i litera Publ., 2001, pp. 389–398. (In Russ.)
 2. Kapustin A. S. The Personnel File of Ivan Sergeevich Shmelev, Official of Special Assignments of the Vladimir State Chamber. In: *Doroga k solntsu: Vladimirskiy period zhizni i tvorchestva Ivana Sergeevicha Shmeleva. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Sergeevicha Shmeleva* [The Road to the Sun: Vladimir Period of the Life and Work of Ivan Sergeevich Shmelev. To the 140th Anniversary of Ivan Shmelev]. Vladimir, 2013, pp. 10–28. (In Russ.)
 3. Muromtseva-Bunina V. N. A Smart Heart. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of Ivan Shmelev: Articles, Essays, Memories]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 481–490. (In Russ.)
 4. Papernyy Z. S. “A Moving Being” (Autographs of Poems in Block’s Notebooks). In: *Dinamicheskaya poetika. Ot zamysla k voploshcheniyu* [Dynamic Poetics. From a Conception to Implementation]. Moscow, MAIK Nauka / Interperiodika Publ., pp. 158–176. (In Russ.)
 5. Piksyanov N. K. *Tvorcheskaya istoriya «Gorya ot uma»* [The Creative History of “Woe from Wit”]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 400 p. (In Russ.)
 6. Sorokina O. N. *Moskoviana: Zhizn' i tvorchestvo I. Shmeleva* [Moskoviana: Life and Work of Ivan Shmelev]. Moscow, Moscow Moskovskiy rabochiy Publ., Skify Publ., 1994. 390 p. (In Russ.)
 7. Sosnovskaya O. A. The Image of the Book in Ivan Shmelev’s Early Prose. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2016, vol. 14, pp. 333–345. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920790.pdf (accessed on July 25, 2018). DOI 10.15393/j9.art.2016.3984 (In Russ.)
- Yudina N. V. Luk'yanova E. A. The Beginning of the Path. The Art of Ivan Shmelev of Vladimir Period. In: *Doroga k solntsu: Vladimirskiy period zhizni i tvorchestva Ivana Sergeevicha Shmeleva. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Sergeevicha Shmeleva* [The Road to the Sun: the Vladimir Period of Life and Work of Ivan Sergeevich Shmelev. On the Occasion of the 140th Anniversary of Ivan Shmelev]. Vladimir, 2013, pp. 29–44. (In Russ.)

Information about the author: *Sobolev Nikolay I.* — PhD. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature and Journalism of the Petrozavodsk State University.

Received: August 15, 2018

Date of publication: December 10, 2018

DOI 10.15393/j9.art.2018.5541

УДК 821.161.1.09“19”-31

Анна Александровна Скоропадская

(Петрозаводск, Российская Федерация)

san19770@mail.ru

Поэтика иноязычной речи в рассказе И. С. Шмелева «Гассан и его Джеджи»*

Аннотация. В статье исследуется становление приема стилизации иноязычной речи в поэтике ранней прозы И. С. Шмелева на примере рассказа «Гассан и его Джеджи». Делая главным героем представителя турецкого народа, писатель создает его выразительную речевую характеристику, которая не только становится ключом к пониманию образа Гассана, но и разнообразит проблематику произведения. При сравнении последнего прижизненного издания рассказа с сохранившейся черновой рукописью определяются этапы писательской работы над речевым портретом героя-турка на фонографическом и лексико-грамматическом уровнях. Вносимые автором в речь Гассана произносительные дефекты имеют непоследовательный характер, что показывает писательское намерение не имитировать речь инородца, а произвольными мазками создать речевой портрет говорящего не на родном языке человека. Выявленные в ходе сравнительного анализа стилистические правки, с одной стороны, свидетельствуют об оттачивании Шмелевым своей писательской манеры, а с другой — показывают трансформацию идейного содержания рассказа, в котором ослабляется социальная составляющая и усиливается философская.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, «Гассан и его Джеджи», неореализм, стилизация, контаминированная речь, этноречевой портрет

Ранний этап творчества И. С. Шмелева принято рассматривать в русле развития русской литературы рубежа XIX–XX вв. с ее устремлениями к поиску новых литературных форм, героев, изобразительных приемов. Эти поиски привели к появлению нового течения — «неореализма», представители которого, ориентируясь на опыт русской классической литературы XIX в., в то же время использовали новаторские принципы символизма, импрессионизма и экспрессионизма. Это «предопределило важные черты неореалистической прозы, обусловив принципиальное обновление ее эстетики и поэтики, обогащение и изменение ее образной структуры

и стилистического рисунка» [Абишева: 12]. Обновленная тематика и проблематика (переосмысление темы «маленького человека», социальное неравенство, национальное самосознание) влекли за собой и поиски новых художественных форм для их выражения. Декларируемый принцип «творческой комбинации» [Колтоновская: 97] требовал сочетания достоверного, натуралистического отражения действительности с символистскими поисками глубинных смыслов. Среди прочих разрабатываемых неореалистических подходов укажем на особое внимание к языку (к музыкальности и вариантности слова), стилизации разговорной речи в художественных произведениях: «Писателей вновь привлекает устная, спонтанная речь как отличный выразитель идейного содержания» [Войналович: 38].

Стремление к реалистической достоверности требовало детальной работы над образами героев, в том числе и с точки зрения их речевой характеристики. Поэтому актуализация разговорного стиля приобретает особую значимость в литературе, а сказ «становится на какое-то время одной из главных форм самовыражения эпохи» [Завгородняя: 274]. Уже первые критики Шмелева отмечали его способность улавливать малейшие нюансы речи¹. Это «языковое чутье»² начало формироваться в раннем детстве писателя благодаря атмосфере, царившей в родительском доме³. По словам Е. Г. Рудневой, «самобытный дар писателя претворил стихийность национального языка в новую эстетическую реальность» [Руднева: 60]. Встав на стезю писательства, Шмелев бережно обращался с живым народным словом, стараясь органично вписать его в художественный текст⁴. Его стилизаторское мастерство оттачивалось постепенно путем обращения к разным видам устного слова: к речи провинциальных чиновников, замоскворецких купцов, губернских крестьян, городских мещан. Привлекли к себе авторское внимание и народы, населяющие Российскую Империю. Этот интерес был подпитан общей литературной тенденцией, когда «инонациональные типы стали характерологическим принципом в формировании нового этапа в движении отечественной литературы XX столетия» [Горбатько: 9]. Полиэтничность и многоконфессиональность

России становились почвой для новых идейных трактовок национальных и социальных типажей обновленными художественными приемами, среди которых востребованной стала стилизация русской речи иностранцев, выходящая за социальные рамки в межэтническую, межконфессиональную плоскость, где противопоставление «своего» и «чужого» проявляется более контрастно. В ранних рассказах Шмелева представлена целая галерея инонациональных речевых портретов: евреев («Служители правды», 1906), греков («На морском берегу», 1906), крымских татар («Под горами», 1907). В этом ряду находится и рассказ «Гассан и его Джедди».

Этот рассказ относится к тому этапу творчества Шмелева, когда после перерыва в писательстве, вызванного неудачей очерка «На скалах Валаама» (1897), прохладно принятого критикой и читателями, начинающий автор решил отказаться от литературного поприща и искал себя на казенной службе. Возвращение в литературу состоялось в 1905 г. написанием рассказа для юношества «К солнцу!», после публикации которого последовал ряд небольших произведений, адресованных прежде всего детям. Среди них — рассказ «Гассан и его Джедди», увидевший свет в 1906 г. в журнале Д. И. Тихомирова «Юная Россия»⁵. Далее рассказ переиздавался в авторском сборнике 1910 г.⁶ и отдельным изданием 1917 г.⁷, которое стало последней прижизненной публикацией этого произведения⁸.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) сохранилась черновая рукопись рассказа «Гассан и его Джедди»⁹. Сопоставительный анализ рукописи с изданием 1917 г. позволяет проследить не только генезис идеи произведения, но и эволюцию писательских приемов, которые в дальнейшем наиболее полно реализовались в зрелых работах Шмелева, принесших ему известность и признание.

Некоторые аспекты поэтики рассказа «Гассан и его Джедди» были рассмотрены в исследовании Л. В. Ляпаевой [Ляпаева], а также в работе О. И. Федотова, посвященной теме Пасхи [Федотов], Н. И. Соболева, обращающегося к изучению художественного времени в произведениях писателя [Соболев],

С. В. Шешуновой о русско-турецкой межкультурной коммуникации [Шешунова]. Однако предметом комплексного филологического исследования этот рассказ не становился.

Главными героями произведения Шмелев делает представителей турецкого народа, волею судьбы переселившихся в Россию, — старика Гассана и его внучку Джедди, чьи имена выносятся в заглавие¹⁰. Повествователь рассказа — русский интеллигент, приехавший отдохнуть на черноморское побережье, — выполняет роль хроникера, фиксирующего увиденные им события¹¹. Шмелев обращается к детальной проработке речи Гассана, развивая тем самым «реалистический потенциал образа» [Дзыга: 21]. Писатель поставил себе задачу: устами старика, плохо говорящего по-русски, описать драматические события, затрагивающие сложные социальные, нравственные, религиозные темы.

Чтобы передать особенности языка Гассана и Джедди, Шмелев включает в их речь произносительные и лексико-грамматические дефекты. Искаженные формы русских слов последовательно подбираются автором, о чем свидетельствует черновая рукопись рассказа. Изменения в тексте, которые выявляются при сравнении уже первых страниц рукописи и печатного издания, показывают, что речевая ситуация представляет для Шмелева большой интерес.

Рассказ начинается тем, что фигуры рыбака Гассана и его внучки Джедди привлекают к себе внимание повествователя, который, движимый любопытством, подходит поближе, чтобы «пойти посмотреть, что за ловля...» (л. 1). В процессе работы над текстом Шмелев сокращает пространные описания рыбалки и сразу переходит к описанию диалога героев, дополняя его психологическими деталями (смущение Джедди). Кроме того, авторские оценки («турокъ плохо говорилъ по-русски») — заменяются введением прямой речи Гассана, содержащей исламское приветствие и пока еще звучащей не по-русски:

«— Алла¹²... Алла... — пробормоталъ старикъ. — Поклонись, Джедди! — должно быть, сказалъ онъ дѣвочкѣ на своемъ языкѣ» (л. 1).

Далее в речи героя турецкий акцент воспроизводится Шмелевым с помощью ряда фонографических средств, среди которых, например, нарушение произношения твердых / мягких согласных — одного из важных признаков русской фонологической системы, не играющего этой смысловозначительной роли в турецком языке. Так, некоторые русские слова в устах Гассана получают дополнительное смягчение согласных: «глюпъ» (= глуп), «кукля» (= кукла), «миля» (= миля). Эта произносительная особенность зафиксирована в первом же русском слове, сказанном Гассаном: «— Глюпъ¹³... Онъ еще очень малъ... чужой, — сказалъ турокъ, коверкая слова...» (л. 1 об.). Также авторская правка окончания в этом слове («глюпа» на «глюпъ») показывает, что грамматическая ошибка была дополнительно внесена Шмелевым, в то время как произносительное искажение слова было задумано изначально.

Отметим, что в печатном варианте рассказа встречаются случаи, когда в некоторых словах палатализованные (мягкие) согласные заменены на твердые: «нѣтъ» (= нѣтъ), «тебѣ» (= тебѣ), «чилавѣкъ» (= челоуѣкъ). Тем не менее выявляется некоторая непоследовательность использования избранного автором произносительного признака: в речи Гассана все таки преобладают правильные варианты «нѣтъ» и «тебѣ».

Особо стоит обратить внимание на использование формы «чилавѣкъ» (и варианта «челавѣкъ»), которая в печатной редакции встречается трижды. Здесь наблюдается отклонение от орфографической нормы, редукция гласных *e* и *o*. Во всех трех случаях искаженное слово используется применительно к греку Никапулле, отправившему отца Джедди в шторм на верную гибель: «...чилавѣкъ такой... Грекъ Никапулла... богатый, большой богатый...»¹⁴, «Большой чилавѣкъ, — нужно ѣхать» (9), «Шайтанъ! Ай, какой челавѣкъ! ай, ай...» (16). Примечательно, что неправильная орфография перекликается с приемом овеществления в описании Никапуллы: характеристика «обрубок» и неодушевленное местоимение «что-то»:

«Захрустѣлъ гравій подь тяжелыми шагами. Что-то запыхтѣло позади и засопѣло. Я обернулся.

Въ черномъ пиджакѣ, въ яркомъ галстукѣ и большой соломенной шляпѣ стоялъ обрубокъ сала» (15).

Жадный и злой грек представляется в тексте как «недочеловек», недостаточная, неполная, неправильная модель человека. По отношению к Гассану Шмелев пишет это слово по всем нормам орфографии:

«— Проклятой чужой сторона!.. твоя сторона. Бѣдный чело-вѣкъ обижаль... Гассанъ обижаль...» (22).

Таким образом, средства фонографической стилизации становятся маркерами социально-нравственного конфликта, обозначенного в рассказе.

Еще одним примером нарушения орфографической нормы в речи турка с сохранением нормы орфоэпической становятся слова «нада», «можно», встречающиеся только в печатной редакции (см., напр., на с. 13, 31).

Фонографические средства стилизации способствуют передаче интонации речи персонажа. Так, эмоциональность и экспрессивность Гассана выражается междометием «ге», имеющим приветственно-побудительный или радостно-восклицательный характер. В одном случае в рукописи в речи турка встречается междометие «вах», позднее замененное на «ге», — возможно, вследствие его явной характерности для кавказских языков:

<p>«— Ге! — сказалъ Гассанъ. — Ге! А она еще утро зналъ... утро лепеталь: “шторма, шторма”... Объ Али плакаль... Какъ объ Али плакаль, — шторма пришла...» (6).</p>	<p>«— Вахъ! — сказалъ Гассанъ... А онъ¹⁵ еще¹⁶ утро зналъ¹⁷... Утро лепеталь: шторма... шторма... объ Али плакаль¹⁸... Какъ¹⁹ объ Али плакаль, — шторма пришла²⁰...» (л. 1 об.).</p>
---	--

Интонационное окрашивание речи разнообразится Шмелевым в печатной редакции за счет междометий, зачастую маркированных дефисами:

<p>«— Э!.. э... э... Христоса... хороший Христоса... <...> А-а... Джедди не ушелъ... Джедди живой... Гассанъ нашель Джедди... Джедди живой... и Али... и Христоса...» (25).</p>	<p>«— Христось... Хорошій Христось... Гассанъ полюбить Христось... Добрый Христось... Джедди не умеръ... И Аллахъ говорилъ... Джедди живой и Али... и Христось...» (л. 6 об.).</p>
<p>«— О-о-о... ты говорила... А-а-а-а... Али не погибаль... Христоса не зналь... Христоса спасаль Али... А-а-а... не зналь Христоса...» (27).</p>	<p>«— О!... Ты говорилъ... А-а-а... Али не погибаль... Христоса не зналь... Христось спасаль Али... О-о... не зналь Христоса...» (л. 7).</p>

Дефисация (морфемное членение слова с помощью дефиса) используется писателем в сцене гибели Гассана для передачи эмоционального состояния героя и напряженности момента:

<p>«— Па-ро-хо-да! — сказалъ онъ вдругъ и насторожился» (29).</p>	<p>«— Пароходъ! — сказалъ онъ вдругъ и насторожился» (л. 8).</p>
---	--

К пунктуационным фонографическим средствам можно отнести и излюбленный Шмелевым знак многоточия. Многоточия определяют интонационно-синтаксическую структуру речи Гассана. Подобная манера изложения рассматривается Н. И. Соболевым: «Лексическое своеобразие нарратива подержано на синтаксическом уровне, избыливающим парцелированными конструкциями. Эмфазы в парцелляциях придают речи героев спонтанность, естественность звучания, создают ощущение здесь и сейчас становящейся действительности, и, как следствие, повествование в целом становится более образительным и выразительным» [Соболев: 88]. Рваные фразы Гассана свидетельствуют не только о проводимой его сознанием работе по подбору нужных слов, но и о тех эмоциях, которые ярко окрашивают его речь и становятся объектом нарративной стратегии писателя: с помощью фоностилистических единиц автор актуализирует «событие рассказывания» (термин М. Бахтина), заставляет читателя не только видеть текст, но и слышать его.

Обращаясь к лексико-грамматическому уровню стилизации, необходимо отметить, что Шмелев практически лишает речь Гассана турецких слов. Кроме имен собственных (Джамахэ, Али, Аллах, Магомед, Стамбул) и некоторых слов культурно-религиозного содержания (феска, шайтан, мечеть) на лексическом уровне турецко-арабский компонент в речевой портрет героя не вносится. Причиной тому может служить намерение писателя не осложнять текст иноязычными словами²¹ (напомним, что рассказ адресован прежде всего детям). Но хотелось бы указать и на свойственную писательской манере Шмелева тактичность в обращении к чужой культуре, отмеченную С. В. Шешуновой: «...повествователь также по возможности избегает слов, связанных со спецификой турецкой (и вообще мусульманской) культуры, предпочитая заменять их лексикой, лишенной культурных коннотаций или даже имеющей западноевропейское происхождение» [Шешунова: 108]. Казалось бы, противоречит данному утверждению следующее наблюдение: в начале черновой рукописи Шмелев чаще использует топоним греческого происхождения *Константинополь*, связанный с христианским миром, вместо русифицированного варианта турецкого названия *Стамбул*, в то время как в печатной редакции остается только последнее. Однако этот выбор логически объясним: в устах турка название родного города может звучать только так (см. об этом: [Свистунова]). Именно поэтому, зачастую уже начав писать *Константинополь*, Шмелев зачеркивает его и исправляет на *Стамбул*: «Онъ уѣдилъ въ Стамбуль²² покупать ей новыя туфли...» (л. 2); «Охъ, хорошо у насъ въ Стамбуль²³... <...>, — говорилъ Гассанъ, забывъ, что онъ уже не въ Стамб.²⁴» (л. 2 об.). В дальнейшем именно это название закрепляется в печатной редакции.

Стилизация проводится Шмелевым на грамматическом уровне — наибольшее количество правок, внесенных автором в речь Гассана, касается именно этого аспекта. Одним из главных маркеров речи героя становится изменение грамматической категории рода. В турецком языке данная категория отсутствует, что становится одной из главных сложностей в изучении турками русского языка²⁵. Так, в рассказе появляется ряд слов,

изменивших свое родовое окончание: «шторма», «Нордоста», «барина», «чорта», «Христоса», «парохода». Обращение к черновой рукописи выявляет, что большая часть этих слов изначально была написана в грамматически верном варианте.

Изменение грамматического рода происходит при синтаксической связи: «онъ Джеджи жалѣла», «больной была», «пошла Али на море», «мать помиралъ», «хорошій шаль», «прошелъ зима», «Джеджи болѣлъ», «Джеджи говорилъ», «рука твой» и т. п. Нарушение синтаксических норм происходит и на уровне грамматического числа: «шхуны ходилъ у него», «турки нашъ», «пошелъ мы домой», «камни шумѣлъ», «турки наши пришелъ». Большое количество грамматических дефектов обнаруживается в построении конструкций с управлением: «помиралъ въ Стамбулъ», «поѣхалъ Али на чужой сторона», «ловилъ крабъ», «у самъ великій султанъ», «не зналъ кукля», «рука твой давай», «кукла держалъ», «закрылъ шаль (=шалью)», «докторъ (=доктора) звалъ», «Гассанъ (=Гассана) обижалъ» и т. п. Также частотным оказывается и неправильное образование временных форм: «море боялся (=боится)», «туфли Али покупалъ (=купит)», «скоро бывалъ (=будет)», «ничего не видали (=не видно)», «деньга бралъ (=соберу)» и т. п. Как и в случае с фонографическими средствами, стилизация на грамматическом уровне во всем своем разнообразии проявляется в печатной редакции, в то время как рукопись чаще всего содержит грамматически верные формы:

«— Джеджи сказалъ, — не надо... Туфли Али покупалъ, въ Стамбулъ покупалъ... привозилъ...» (12).	«— Она говорить, не надо... Туфли ей привезеть Али, отецъ...» (л. 3 об.)
---	--

Однако указанные нами варианты стилизации не проявляются в тексте последовательно: наряду с грамматически неправильными формами употребляются и их верные варианты. В задачи автора не входило точно передать именно турецкий акцент. Так, только обозначив свойственную турецкому языку мягкость («кукля», «глюпъ» и т. д.) или твердость («нѣтъ», «тебѣ» и т. д.), Шмелев не делает этот фонетический признак постоянным. То же можно сказать и о грамматическом

согласовании, которое нарушается в речи Гассана не системно. Правомерно сделать вывод, что писатель воссоздавал не именно турецкий акцент, а вводил фонетические и грамматические нарушения нормы, которые могут присутствовать в контаминированной речи любого иностранца, говорящего по-русски. Неправильность речи Гассана — штрихи его речевого портрета, произвольные мазки, импрессионистически рисующие живой звучащий образ, благодаря чему «оказывается возможным по-новому, через показ противоречиво-оттеночных состояний души, через отраженность внешних впечатлений героев передать изменения и в душевном, и в духовном мире их внутренней жизни» [Захарова: 6].

Стараясь отразить неправильность речи Гассана, Шмелев всячески избегает появления комического эффекта, который наиболее часто возникает при передаче неродного для героя-иностранца языка: «...ломаная речь — уже априори комичный элемент, призванный снижать образ говорящего (нарратора), бросать его на арену сатирических обыгрываний, реплик и реприз, где он обычно оказывается в проигрыше» [Гиголашвили]. Предшествующий опыт русской литературы демонстрирует целую галерею персонажей-иностранцев, плохо говорящих по-русски (Вральман в «Недоросле» Д. И. Фонвизина, немец Шиллер в «Невском проспекте» Н. В. Гоголя, учитель музыки Лемм в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева, татарин-дворник в «Хозяйке», Луиза Ивановна и Амалия Липпехель в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского и т. д.). Их речевая характеристика, как правило, приводит к ироническому, сатирическому эффекту, который возникает из-за столкновения «нормативного языка читателя с ненормативным языком рассказа» [Крепс: 14]. Несмотря на то, что в описании Гассана рассказчиком присутствуют оценочные элементы («быстро затрепетала уморительная кисточка» (4), «смѣшно трепетала его кисточка на фескѣ» (15)), — в целом образ смешным не становится. Причиной этого, на наш взгляд, является продуманная философская идея, положенная в основание рассказа — идея гуманизма, подпитанная нравственными заповедями христианства. Ломаная речь героя-иностранца коррелирует с ломаной речью ребенка, начинающего осваивать язык. Чистая душа Гассана, как и чистая

детская душа («Я увезъ бы печальный, милый образъ Джедди и добродушнаго Гассана съ его дѣтской вѣрой въ свѣтлое будущее...» (28)), оказывается способной принять сложность мироустройства. Это принятие во многом происходит благодаря приобщению к гуманистическим ценностям христианства: пройдя через череду потерь (сначала смерть сына, а затем — внуки), испытав в полной мере проявления социальной несправедливости, влача жалкое существование вдали от родины, Гассан, тем не менее, оказывается способным осмысливать догматы чужой ему религии, видеть в них внутреннюю правоту и даже следовать им (пусть неосознанно), жертвуя своей жизнью ради других.

Таким образом, обращение к черновой рукописи рассказа позволяет выявить приемы стилизации речи героя-турка. Это позволяет проследить не только оттачивание Шмелевым своей писательской манеры, но и стадии трансформации идейного содержания произведения, которое за внешним сюжетом скрывает онтологические вопросы бытия, жизни и смерти. Писатель стилизует этноязыковую принадлежность Гассана и Джедди непоследовательно и в большей степени условно. Роль речевого портрета не сводится к реалистической имитации турецкого акцента. За счет некоторых стилистических штрихов создается многоплановость образов инородцев, через речевую характеристику раскрывается его внутреннее содержание. Шмелев, изображая иноверца Гассана, не обостряет оппозицию «свое-чужое», но, напротив, разрешает ее через обнаружение объединяющего начала — веры в бессмертие человеческой души.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Раннее творчество И. С. Шмелева в рукописных источниках: исследование и публикация» № 18-012-00381 а.

¹ Ср., напр.: Куприн А. И.: «Шмелев теперь — последний и единственный из русских писателей, у которого еще можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка. Шмелев из всех русских самый распрерусский, да еще и коренной, прирожденный москвич, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа» (Куприн А. И. К 60-летию И. С. Шмелева // За рулем. Париж, 1933.

- 7 декабря); Горький М.: «Из Ваших рассказов я читал “Уклейкина”, “В норе”, “Распад”, — эти вещи внушили мне представление о Вас как о человеке даровитом и серьезном. Во всех трех рассказах чувствовалась здоровая, приятно волнующая читателя нервозность, в языке были “свои слова”, простые и красивые, и всюду звучало драгоценное, наше русское, юное недовольство жизнью. Все это очень заметно и славно выделило Вас в памяти моего сердца — сердца читателя, влюбленного в литературу, — из десятков современных беллетристов, людей без лица» (Горький М. Письмо к И. С. Шмелеву // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 29. С. 107); Ильин И. А.: «Сокровища русского языка — ф о н е т и ч е с к і я (звуки) и **с е м е й о т и ч е с к і я** (значение звуков), и особенно **ритмическія возможности** — находятся в его <Шмелева> власти, служат ему, даруются читателю для вѣрнаго воображенія и разумѣнія» [Ильин: 85].
- ² Как вспоминал П. Ковалевский, Шмелев говорил: «Главное мое качество — язык. Я учился сызмальства народным выражениям и мое ухо очень чутко» [Ковалевский: 19].
- ³ Ср. воспоминания Шмелева о детстве: «Во дворе было много ремесленников — бараночников, сапожников, скорняков, портных. Они дали мне много слов, много неопределенных чувствований и опыта. Двор наш для меня явился первой школой жизни — самой важной и мудрой» (И. С. Шмелев. Автобиография / публ. А. П. Черникова // Русская литература. 1973. № 4. С. 143).
- ⁴ Ср. рассуждения И. Шмелева о творческом процессе, изложенные им в письме Д. В. Философову от 19 октября 1911 г.: «Новыя формы... Но я думалъ, что онѣ должны приходиться или придти сами и невольно въ богатствѣ нашего слова и богатствѣ мысли, когда эта мысль сама рвется и сама облекается въ плоть словъ, когда ужъ ни единый рѣзкій глазъ не усмотритъ швовъ и стежковъ и хитрой работы нарочитаго словесника-любителя. Когда новое и яркое уже потому покажется въ новой формѣ, что оно ярко» (Шмелев И. С. Письмо к Д. В. Философову от 19 окт. 1911 // ОР РНБ. Фонд Д. В. Философова, № 814. Ед. хр. 97. Л. 4–4 об. [Электронный ресурс] // Портал «PHILOLOG.RU». URL: <http://philolog.petsu.ru/shmelev/texts/letters/letters.htm>).
- ⁵ Шмелев И. Гассан и его Джеджи. Рассказ // Юная Россия. 1906. № 4. С. 485–497.
- ⁶ Шмелев И. Гассан и его Джеджи // Шмелев И. К светлой цели. Первая книга рассказов. М.: Юная Россия, 1910. С. 64–96.
- ⁷ Шмелев И. Гассан и его Джеджи. Рассказ. М.: Юная Россия, 1917. 32 с.
- ⁸ В 1923 г. был переиздан первый сборник рассказов «К светлой цели», но вместо рассказа «Гассан и его Джеджи» в него был включен рассказ «Пряник» (Шмелев И. К светлой цели. Первый сборник рассказов / под ред. И. В. Владиславлева. М.; Петроград: Книга, 1923. (Библиотека молодой России).

- ⁹ НИОР РГБ. Фонд И. С. Шмелева, № 387. Карт. № 1. Ед. хр. 23. 10 л. Рукопись расшифрована А. А. Скоропадской и О. А. Сосновской. Далее ссылки на рукопись приводятся в тексте статьи с указанием листа в круглых скобках.
- ¹⁰ Подробнее о поэтике заглавий произведений Шмелева см.: [Филат].
- ¹¹ Такой тип повествования характерен для манеры писателя: «Повествователь в художественном мире Шмелева фиксирует события, не стремясь их осмыслить, он превращается в хроникера, летописца, который рассказывает лишь о том, что видел» [Соболев: 87].
- ¹² *Вместо:* Алла — *было:* Аллахъ
- ¹³ *Вместо:* Глюпъ — *было:* Глюпа
- ¹⁴ Шмелев И. Гассан и его Джедди. Рассказ. М.: Юная Россия, 1917. С. 8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ¹⁵ *Вместо:* онъ — *было:* она
- ¹⁶ *Далее было начато:* съ
- ¹⁷ *Вместо:* зналъ — *было:* знала
- ¹⁸ *Вместо:* Утро лепеталь: шторма... шторма... объ Али плакаль — *было:* Сегодня утром она все лепетала — штормъ — плакала объ Али
- ¹⁹ *Далее было:* Али
- ²⁰ *Вместо:* Какъ объ Али плакаль, — шторма пришла — *было:* А уже это вѣрный знакъ... Какъ объ Али заплачетъ быть буръ...
- ²¹ Так, иную нарративную стратегию избирают М. Лермонтов в сказке «Ашик-Кериб» и Л. Толстой в повести «Хаджи-Мурат»: для придания национального колорита авторы насыщают речь своих героев экзотизмами.
- ²² *Вместо:* Стамбуль — *было начато:* Констант
- ²³ *Вместо:* Стамбуль — *было:* Констант.
- ²⁴ *Вместо:* Стамб.<уль> — *было:* Конст.<антинополѣ>
- ²⁵ См. подробнее об этом: [Юнал].

Список литературы

1. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006. — 394 с.
2. Войналович Е. В. Языковые средства сказовой стилизации в семантическом пространстве романа И. С. Шмелева «Няня из Москвы»: реконструкция «своего» и «чужого»: дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2016. — 229 с.
3. Гиголашвили М. Немцы в изображении Достоевского // Топос. Литературно-философский журнал [Электронный ресурс]. — URL: <http://new.topos.ru/article/7629> (17.11.2018).
4. Горбатько В. А. Инонациональный характер в русской литературе 20–30-х годов XX века как фактор историко-литературного развития (Актуальная ретроспекция перед лицом новой действительности): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Краснодар, 2001. — 197 с.

5. Дзыга Я. О. На перекрестке традиций: новый «маленький человек» в творчестве И. С. Шмелева и А. И. Куприна // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — Воронеж. — 2016. — № 1. — С. 16–21.
6. Завгородняя Г. Ю. Стилизация и стиль в русской классической прозе: монография. — М.: Литера, 2010. — 276 с.
7. Захарова В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева: монография. — Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. — 106 с.
8. Ильин И. А. Художество Шмелева // Памяти Ивана Сергѣевича Шмелева / сб. под ред. Вл. А. Маевского. — Мюнхен, 1956. — С. 78–103.
9. Ковалевский П. Иван Сергѣевич Шмелев // Памяти Ивана Сергѣевича Шмелева / сб. под ред. Вл. А. Маевского. — Мюнхен, 1956. — С. 18–20.
10. Колтоновская Е. А. Сергеев-Ценский [Рецензия на Собр. соч. С. Н. Сергеева-Ценского] // Русская мысль. — М., 1913. — № 2. — С. 95–110.
11. Крепс М. Техника комического у Зоценко. — Vermont: Chalidze Publication, 1986. — 245 с.
12. Ляпаева Л. В. Мифопоэтика рассказа И. Шмелева «Гассан и его Джеджи» // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2015. — С. 323–326.
13. Мартыанова С. А. Слово как творение души: сказ в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2005 — Т. 7. — С. 585–595 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2698> (25.08.2018).
14. Руднева Е. Г. «Магия словесного разнообразия» (о стилистике И. С. Шмелева // Филологические науки. — 2002. — № 4. — С. 60–65.
15. Свистунова И. А. От Стамбула до Каппадокии [Электронный ресурс] // Москва. — 2016. — Январь. — URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1459.html (25.08.2018).
16. Соболев Н. И. К проблеме поэтики художественного времени в произведениях И. С. Шмелева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2014. — № 7. — С. 87–89.
17. Федотов О. И. Православная Пасха на родине и на чужбине // Религиоведение. — 2013. — № 1. — С. 149–158.
18. Филат Г. В. Поэтика заглавий прозы И. Шмелева (своеобразие семантики и структуры) // Вісник Дніпропетровського університету економіки та права ім. Альфреда Нобеля: Серія «Філологічні науки». — Дніпропетровськ, 2011. — С. 112–118.
19. Шешунова С. В. Русско-турецкая межкультурная коммуникация в произведениях И. С. Шмелева // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Восьмой международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков», 24–25 февраля 2016 г. — СПб.: РГГМУ, 2016. — С. 106–113.

20. Юнал К. М.-Ш. Сложности в изучении категории рода русского языка турецкими учащимися // Мир русского слова. — 2013. — № 2. — С. 105–108.

Информация об авторе: *Скоропадская Анна Александровна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, заместитель директора Института филологии.

Дата поступления в редакцию: 10.09.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Anna A. Skoropadskaya

(Petrozavodsk, Russian Federation)

san19770@mail.ru

The Poetics of Foreign Language in I. S. Shmelev's Story "Hassan and His Jeddi"

Acknowledgements: The article was written with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no. № 18-012-00381a.

Abstract. The article explores the genesis of the technique of stylization of foreign language in the poetics of I. S. Shmelev's early prose based on the story "Hassan and his Jeddy". Making a representative of the Turkish people the main character, the writer pays special attention to the peculiarity of his speech, which not only becomes the key to understanding Hassan's character, but also diversifies the problematic of the writing. The comparison of the last lifetime edition of the story with the existent manuscript reveals the stages of literary work over a speech portrait of the hero-Turk at the phonographic and lexical-grammatical levels. The pronunciation defects introduced by the author into Hassan's speech are non-systemic and inconsistent, that underlines the writer's intention not to imitate the speech of a foreigner, but to create a speech portrait of the non-native speaker. The stylistic corrections spotted due to the comparative analysis, on the one hand, testify that Shmelev was honing his writing style, but on the other hand, they disclose the transformation of the ideological content of the story, in which the social component is getting weaker, while the philosophical one is getting stronger.

Keywords: I. Shmelev, "Hassan and his Jeddy", neorealism, stylization, contaminated speech, ethno-verbal portrait

References

1. Abisheva U. K. *Neorealizm v russkoy literature 1900–1910-kh godov: dis. ... d-ra filol. nauk [Neorealism in Russian Literature of the 1900s–1910s. PhD. philol. sci. diss.]*. Moscow, 2006. 394 p. (In Russ.)
2. Voynalovich E. V. *Zazykovye sredstva skazovoy stilizatsii v semanticheskom prostranstve romana I. S. Shmeleva «Nyanya iz Moskvyy»: rekonstruktsiya «svoego» i «chuzhogo»: dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic Means of Narrative Stylization in the Semantic Space of the Novel by I. S. Shmelev “Nanny from Moscow”: The Reconstruction of “One’s Own” and “Someone Else’s”. PhD. philol. sci. diss.]*. Novosibirsk, 2016. 229 p. (In Russ.)
3. Gigolashvili M. Germans as Represented by Dostoevsky. In: *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal [Topos. Literary and Philosophical Journal]*. Available at: <http://new.topos.ru/article/7629> (accessed on November 17, 2018). (In Russ.)
4. Gorbat’ko V. A. *Inonatsional’nyy kharakter v russkoy literature 20–30-kh godov XX veka kak faktor istoriko-literaturnogo razvitiya (Aktual’naya retrospektsiya pered litsom novoy deystvitel’nosti): dis. ... kand. filol. nauk [The Non-national Character in Russian Literature of the 1920s–1930s as a Factor of Historical and Literary Development (Actual Retrospection in the Face of a New Reality). PhD. philol. sci. diss.]*. Krasnodar, 2001. 197 p. (In Russ.)
5. Dzyga Ya. O. At the Crossroads of Traditions: The New “Little Man” in the Works of I. S. Shmelev and A. I. Kuprin. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]*. Voronezh, 2016, no. 1, pp. 16–21. (In Russ.)
6. Zavgorodnyaya G. Yu. *Stilizatsiya i stil’ v russkoy klassicheskoy proze: Monografiya [Stylization and Style in Russian Classical Prose: Monograph]*. Moscow, Litera Publ., 2010. 276 p. (In Russ.)
7. Zakharova V. T. *Poetika prozy I. S. Shmeleva: monografiya [The Poetics of the Prose of I. S. Shmelev: Monograph]*. Nizhny Novgorod, Minin University Publ., 2015. 106 p. (In Russ.)
8. Il’in I. A. Artistic Skills of Shmelev. In: *Pamyati Ivana Sergeevicha Shmeleva [In Memory of Ivan Sergeevich Shmelev]*. Munich, 1956, pp. 78–103. (In Russ.)
9. Kovalevskiy P. Ivan Sergeevich Shmelev. In: *Pamyati Ivana Sergeevicha Shmeleva [In Memory of Ivan Sergeevich Shmelev]*. Munich, 1956, pp. 18–20. (In Russ.)
10. Koltonovskaya E. A. Sergeev-Tsensky (A Review of the Collected Works of S. N. Sergeev-Tsensky). In: *Russkaya mysl’*. Moscow, 1913, no. 2, pp. 95–110. (In Russ.)
11. Kreps M. *Tekhnika komicheskogo u Zoshchenko [The Technique of the Comic by Zoshchenko]*. Vermont, Chalidze Publication, 1986. 245 p. (In Russ.)
12. Lyapaeva L. V. The Mythopoetics in the Story of I. Shmelev “Hassan and His Jedly”. In: *Problemy kul’tury v sovremennom obrazovanii: global’nye, natsional’nye, regional’no-etnicheskie: materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The Problems of Culture in Modern Education: Global, National, Regional-Ethnic: Materials of the 6th International Research*

- and Practice Conference*]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev Publ., 2015, pp. 323–326. (In Russ.)
13. Mart'yanova S. A. The Word as the Creation of Soul: Using of a Traditional Russian Narrative Form, the Skaz, in Ivan Shmelev's Novel "Nanny from Moscow". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, vol. 7, pp. 585–595. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2698> (accessed on August 25, 2018). (In Russ.)
 14. Rudneva E. G. "The Magic of the Verbal Diversity" (About the Style of I. S. Shmelev). In: *Filologicheskie nauki [Philological Sciences]*, 2002, no. 4, pp. 60–65. (In Russ.)
 15. Svistunova I. A. From Istanbul to Cappadocia. In: *Moskva*, 2016. January. Available at: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1459.html (accessed on August 25, 2018). (In Russ.)
 16. Sobolev N. I. To the Problem of the Poetics of Artistic Time in the Works of I. S. Shmelev. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2014, no. 7, pp. 87–89. (In Russ.)
 17. Fedotov O. I. The Orthodox Easter at Home and in a Foreign Land. In: *Religiovedenie*, 2013, no. 1, pp. 149–158. (In Russ.)
 18. Filat G. V. The Poetics of the Titles in I. Shmelev's Prose (The Originality of Semantics and Structure). In: *Vicnik Dnipropetrovs'kogo universitetu ekonomiki ta prava im. Al'freda Nobelya: Seriya «Fiologichni nauki» [Bulletin of Alfred Nobel University. Series "Philology"]*. Dnepropetrovsk, 2011, pp. 112–118. (In Russ.)
 19. Sheshunova S. V. Russian and Turkish Intercultural Communication in the Works of I. S. Shmelev. In: *Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy Vos'moy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov», 24–25 fevralya 2016 g. [Actual Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages: Proceedings of the 8th International Scientific Conference "Actual Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages", February 24–25, 2016]*. St. Petersburg, Russian State Hydrometeorological University Publ., 2016, pp. 106–113. (In Russ.)
 20. Yunal K. M.-Sh. Difficulties in Studying the Category of Gender in Russian Language by Turkish Students. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, 2013, no. 2, pp. 105–108. (In Russ.)

Information about the author: Skoropadskaya Anna A. — PhD. in Philology, Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism of Petrozavodsk State University, Assistant Director of Institute of Philology.

Received: September 10, 2018

Date of publication: December 10, 2018

DOI 10.15393/j9.art.2018.5381

УДК 821.161.1.09“19”-31; 821.111

Анна Сергеевна Акимова*(Москва, Российская Федерация)*

ann-akimova@yandex.ru

Трансформация шекспировских образов в творчестве Б. Л. Пастернака 1910–1920-х гг.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия русской и английской литератур в художественном наследии Б. Л. Пастернака. В его жизни и творческом развитии английская культура и литературная традиция были очень значимы. В настоящем исследовании рассматриваются факты непосредственного обращения Пастернака к произведениям английских поэтов и драматургов, особое внимание уделяется образам трагедий Шекспира, которые нашли отражение не только в переписке поэта с родными, но и в поэтических текстах («Десятилетье Пресни», «Шекспир», «Уроки английского» и др.), а также в романе «Доктор Живаго». Через образы шекспировских трагедий (макбетовы ведьмы, Офелия, Дездемона и др.) Пастернак описывает происходящие в жизни семьи события и изменения в стране. Они становятся предметом размышлений в литературно-критических статьях поэта («Гамлет, принц датский (от переводчика)», «Заметки о Шекспире» и др.), где выражены не только понимание основных образов шекспировских произведений, интерпретация конфликтов и наблюдения над стилем поэта, но и обоснован собственный метод перевода текстов. Пастернак находился под воздействием стиля классика английской литературы задолго до своей работы над переводами его пьес («Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра», «Отелло» и др.), которая была осуществлена с 1940 по 1949 г. Шекспировские образы и затронутые в его трагедиях проблемы, а также стилистические и жанровые особенности драматургии постепенно проникают в произведения Пастернака. Интерес к чужой культуре способствовал обогащению и расширению идейного и эстетического мировосприятия Пастернака, активно осваивающего художественные открытия прошлого и воплощающего их в настоящем.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, Шекспир, биография, макбетовы ведьмы, Гамлет, вечные образы, трансформация сюжета

На протяжении всей жизни Б. Л. Пастернак (1890–1960) интересовался историей Англии, следил за происходящими в ней событиями, читал классиков английской литературы в оригинале, переводил их тексты. Он начал изучать английский язык самостоятельно зимой 1914–1915 гг., когда

жил в доме коммерсанта Морица Филиппа в качестве наставника его сына, Вальтера Филиппа (1902–1985) (см. подробнее: [Акимова, 2015]). Гувернантка-англичанка, обучавшая В. Филиппа, прочла Пастернаку книгу Э. По, о чем он вспоминал позднее в одном из писем Марине Цветаевой:

«Однажды она мне прочла Эдг<ара> По в оригинале. Восхищению моему не было конца. И вот вместо того, чтобы принять ее предложение обмениваться уроками, я из скарденности (так дорожил грошами) собственными силами в три месяца сроку и на такой же, конечно, срок изучил язык» [Марина Цветаева, Борис Пастернак...: 146].

В ту зиму, по признанию поэта, он «зачитывался Китсом и Суинберном, и даже, из строки в десятую, понимал, что делал» [Марина Цветаева, Борис Пастернак...: 146]. Сын поэта и его биограф, Е. Б. Пастернак, отмечал у отца «постоянный в эти годы интерес к английской поэзии» [Пастернак Е. Б., 1997: 249], в частности, увлечение лирикой и драмами Ч. Суинберна. В 1916–1917 гг. Пастернак переводил трилогию английского лирика о Марии Стюарт и его сонет, посвященный Джону Форду. Художественные особенности произведений Д. Китса и Ч. Суинберна, по мнению поэта, были обусловлены влиянием, которое на них оказал Шекспир. «Английская литература, — писал Пастернак в 1943 г., — есть по преимуществу шекспировская, как всякая русская есть пушкинская» [Пастернак, 1990: 283]. Шекспировский язык и образы его трагедий оказали наибольшее воздействие на становление поэтики Пастернака. Оно явлено не только в переводах и статьях о Шекспире, но и в поэзии и прозе Пастернака, особенно в романе «Доктор Живаго».

Герои шекспировских трагедий впервые появились в лирических произведениях поэта. Так, персонажи трагедии «Macbeth» («Макбет», 1606¹) упоминаются в стихотворении 1915 г. «Десятилетье Пресни», которое вошло в сборник «Поверх барьеров» (1914–1916, опубликован накануне 1917 г.). В этом стихотворении воплотились воспоминания о московском вооруженном восстании декабря 1905 г., свидетелями которого были Пастернак и его семья. Лирический герой переживает за будущее страны, видя разрушительную стихию

революции, сметающую всё на своем пути — и привычный уклад жизни, и нравственные ценности:

«Усыпляя, влачась и сплющивая
Плащи тополей и стоков,
Тревога подула с грядущего,
Как с юга дует сирокко.

Швыряя шафранные факелы
С дворцовых пьедесталов,
Она горящею паклею
Седое ненастье хлестала.

Тому грядущему, быть ему
Или не быть ему?
Но медных макбетовых ведьм в дыму —
Видимо-невидимо»².

Три ведьмы в трагедии Шекспира — это предвестники будущей катастрофы. Их появление в первой сцене первого акта свидетельствует о желании автора откликнуться на трактаты короля Иакова I (сына казненной шотландской королевы Марии Стюарт) о колдовстве. Более того, по мысли А. Аникста, это символические и поэтические образы: «Страшный хоровод ведьм предвещает чудовищное попрание человечности. Зло, которое они воплощают, коренится в самом низменном, что есть в природе. Их уродство — символ всего безобразного в жизни <...> они воплощают ту стихию жизни, где разум бессилен, где царит слепая страсть и человек оказывается игрушкой примитивных темных инстинктов, подстерегающих то роковое мгновение, когда они смогут полностью завладеть его душой» [Аникст: 671–672]. Раскаты грома и молнии, предворяющие каждое появление ведьм, усиливают символическое значение последних.

Трагедии «Макбет» Пастернак посвятил отдельный параграф своей статьи «Замечания к переводам Шекспира» (1946, 1956). По его мнению, предсказание ведьм и его неверное толкование делает Макбета преступником: в нем вспыхивает «целый пожар честолюбия» (5; 87).

В стихотворении «Десятилетье Пресни» поэт воссоздает предгрозовую атмосферу. Тревожное ожидание неминуемой

катастрофы передают эмоционально окрашенные и, чаще, однородные деепричастия («Усыпляя, влачась и сплющивая...», «Швыряя шафранные факелы...»). Занимаемая ими позиция — они вынесены в начало строфы — подчеркивает их особую значимость в тексте. Ритмическая организация текста первых двух строф создает картину безумного хоровода, в котором кружатся «макбетовы ведьмы», предвещающие грядущую бурю, неотвратимость беды. Во второй части стихотворения ощущение тревоги от происходящего усиливается:

«Стояли тучи под ружьём
И, как в казармах батальоны,
Команды ждали. Нипочем
Стеснённой стуже были стоны.

Любила снег ласкать пальба,
И улицы обыкновенно
Невинны были, как мольба,
Как святость — неприкосновенны» (1; 79).

Очевидно, события зимы 1905 г. ассоциируются у Пастернака с художественно представленным временем правления Макбета (1040–1057) у Шекспира. Росс, один из героев шекспировской трагедии, говорит: «Страна неузнаваема <...> К мельканью частых ужасов и бурь / Относятся, как к рядовым явлениям»³. Таким образом, появление в первой части «Десятилетия Пресни» «медных макбетовых ведьм», предшествующее образу революционной Москвы, возникающему далее, становится связующей нитью между легендарным прошлым и конкретно-историческим временем, обретающим в глазах современников черты мифологические.

Традиционно в литературе мотив метели и снежной бури используется при описании переломных в истории России событий. Например, крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в «Капитанской дочке» (1836) Пушкина или революция 1917 г. в поэме Блока «Двенадцать» (1918). В романе Пастернака «Доктор Живаго» «кутерьма» 1905 г. и снежная буря в разгар уличных боев 1917 г. показаны глазами alter ego автора, поэта Юрия Живаго. Октябрьская метель 1917 г., которая «в городе мечется в тесном тупике, как

заблудившаяся» (4; 191), в его восприятии одухотворена, как и другие явления, происходящие в мире природы. История и природа оказываются взаимосвязанными:

«Что-то сходное творилось в нравственном мире и в физическом, вблизи и вдали, на земле и в воздухе. Где-то, островками, раздавались последние залпы сломленного сопротивления. Где-то на горизонте пузырями вскакивали и лопались слабые зарева залитых пожаров. И такие же кольца и воронки гнала и завивала метель, дымясь под ногами у Юрия Андреевича на мокрых мостовых и панелях» (4; 191).

В экстренном выпуске газеты он прочел об установлении в России советской власти. Наступил один из самых тяжелых в истории страны и в жизни героя периодов:

«Настала зима, какую именно предсказывали <...> темная, голодная и холодная, вся в ломке привычного и перестройке всех основ существования, вся в нечеловеческих усилиях уцепиться за ускользящую жизнь» (4; 194).

Природа в романе, наделенная пророческим даром, подобно макбетовым ведьмам, предвещает эпоху потрясений.

В другом стихотворении сборника «Поверх барьеров» — «*Марбург*» (1916, 1928) — шекспировская тема находит продолжение. Однако здесь «драма Шекспирова» сопутствует не трагической истории страны, а душевным переживаниям лирического героя:

«В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирова,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал» (1; 111).

События личной жизни Пастернака, произошедшие в Марбурге в июне 1912 г., а именно тяжелое переживание расставания с Идой Высоцкой, ретроспективно ассоциируются с драмой Шекспира «Макбет». Е. Б. Пастернак в биографии отца писал: «Красивая белокурая девушка с прекрасным цветом лица слушала его монологи, ничем не проявляя своего собственного отношения. <...> Решительное объяснение, необходимость которого подразумевалась, но от которого инстинктивно

никто не ждал ничего хорошего, откладывалось» [Пастернак Е. Б., 1997: 120, 140]. Лирический герой, плененный возлюбленной, равно как и актер провинциального театра, погруженный в роль, поглощены одной мыслью: постичь, понять. Первый одержим желанием разгадать «всю тебя», второй — «драму Шекспирову».

Отчасти благодаря Иде Высоцкой, которая после окончания гимназии в 1908 г. уехала в Англию, в поэзии Пастернака появилась шекспировская тема. О своем увлечении Шекспиром Ида писала ему в письмах (см.: [Пастернак Е. Б., 1997: 103]). О чем молодые люди говорили во время кратких визитов девушки в Москву в 1910-м и на последней их встрече в Марбурге, в середине июня 1912 г., неизвестно. Однако Пастернак обращался к Иде Высоцкой с просьбой о присылке книг Шекспира в 1916 г., когда задумал написать статью, приуроченную к трехсотлетию со дня смерти английского поэта. Упоминание об этом находим в письме от 2 марта 1916 г. родителям, которых он тоже просил прислать биографию поэта из домашней библиотеки: «О книгах писал также и Иде Высоцкой» [Пастернак, 2004: 121]. В данной работе, насколько можно судить по его письмам, Пастернак хотел «показать, как неожиданно оригинален, свеж и часто парадоксален естественный, непринужденный и простой подход к теме» [Пастернак, 2004: 126]. Несмотря на то, что текст этой статьи не сохранился, основные ее положения отразились в письмах и стихах, в прозе и статьях Пастернака о Шекспире 1940-х гг.

Первым шагом к осмыслению шекспировских образов Дездемоны и Офелии, героинь трагедий «Отелло» (1604) и «Гамлет» (1603–1604), стало стихотворение «Уроки английского» (1917).

Первоначальное название стихотворения — «Berlitz school» («Школа Берлица»). Оно было обнаружено в результате реставрации рукописи сборника стихотворений «Сестра моя жизнь»⁴ сотрудниками РГАЛИ, М. А. Рашковской и Н. Н. Штевниной, в 2008 г. В статье «Реставрация рукописи сборника стихотворений Бориса Пастернака “Сестра моя жизнь”: сохранение документального наследия и новые перспективы изучения творчества поэта» исследовательницы отмечают,

что первоначальные варианты, которые не устраивали поэта, он обычно заклеивал бумагой (см.: [Рашковская, Штевнина]). В ходе реставрационных работ были открыты заклеенные участки, что позволило обнаружить ранее неизвестные варианты заглавий, отдельных строк и строф. Обнаруженная версия заглавия стихотворения — «Berlitz school» — отсылает к названию популярных в начале XX в. не только в России, но и во всем мире школ Максимилиана Берлица, лингвиста и автора методики обучения иностранным языкам. Л. Панова считает, что в заглавии — «Уроки английского» — заложена идея создания нового искусства «путем новаторского освоения старых языков», выраженная позднее в очерке Пастернака «Люди и положения» [Панова: 144–145].

В стихотворении «Уроки английского» сближаются два образа — Дездемоны и Офелии. Впервые их сопоставил А. Фет в стихотворении «Я болен, Офелия, милый мой друг!» (1847):

«Я болен, Офелия, милый мой друг!
 Ни в сердце, ни в мысли нет силы.
 О, спой мне, как носится ветер вокруг
 Его одинокой могилы.

Душе раздраженной и груди больной
 Понятны и слезы, и стоны.
 Про иву, про иву зеленую спой,
 Про иву сестры Дездемоны»⁵.

В стихотворении Фета образы шекспировских героинь объединены мотивом песни об иве. Этот же мотив связывает образы Офелии и Дездемоны в «Уроках английского» Пастернака (см. об этом: [Акимова, 2009: 183–188]). Также на общность их судеб указывает анафорический повтор — «Когда случилось петь...» — в строфах, посвященных героиням трагедий Шекспира, а также тема смерти, возникающая в их песнях:

«Когда случилось петь Дездемоне, —
 А жить так мало оставалось, —
 Не по любви, своей звезде, она —
 По иве, иве разрыдалась.

<...>

Когда случилось петь Офелии, —
 А жить так мало оставалось, —
 Всю сушь души взмело и свеяло,
 Как в бурю стебли с сеновала» (1; 130–131).

У Шекспира эта тема заявлена уже в начале третьей сцены четвертого акта «Отелло» в разговоре между Дездемоной и Эмилией:

«*Эмилия.* Постель я застелила тем бельем,
 Как вы просили.
Дездемона. Если бы случилось,
 Что я из нас бы первой умерла,
 Ты в эту простыню меня закутай,
 Как в саван» (*Шекспир*, 415).

(Ср. с ориг.: «*Emilia.* I've laid those sheets you bade me on the bed.
Desdemona. All's one. — Good faith, how foolish are our minds! —
 If I do die before thee, prithee, shroud me
 In one of those same sheets»⁶.)

Занимаясь в начале 1940-х гг. переводом этой трагедии, Пастернак внес в шекспировский текст ряд незначительных изменений: героиня сидит не под платаном («*sycamore tree*»), а под кустом у обрыва; нет описания ее фигуры («*Her hand on her bosom, her head on her knee*») и упоминания о гирлянде из цветов, которая является устойчивым образом старинных английских баллад; переводчик усилил мотив прощения и смирения героини: «Обиды его помяну я добром» вместо «*Let nobody blame him*» (досл. «Пусть его *никто* не осудит») (курсив мой. — А. А.).

Дездемона признается Эмилиии, что весь день поет песню о девушке, которую бросил возлюбленный. Центральный образ этой песни — ива:

«Несчастливая крошка в слезах под кустом
 Сидела одна у обрыва.
 Затянемте ивушку, иву споем,
 Ох, ива, зеленая ива.
 У ног сиротинки плескался ручей.
 Ох, ива, зеленая ива.
 И камни смягчались от жалости к ней.
 Ох, ива, зеленая ива.

<...>

Обиды его помяну я добром.

Ох, ива, зеленая ива.

Сама виновата, терплю поделом.

Ох, ива, зеленая ива.

Не плачь, говорит он, не порть красоты.

Ох, ива, зеленая ива.

Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты.

Ох, ива, зеленая ива» (*Шекспир*, 417–418).

В фонде режиссера кино и театра Г. М. Козинцева (1905–1973) в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) находится автограф Пастернака — рифмованные отрывки из «Отелло»⁷, среди которых есть и песня Дездемоны из 3-й сцены 4-го акта. Этот автограф относится, вероятно, к 1943 г., когда Козинцев работал над постановкой трагедии Шекспира в переводе Пастернака в Новосибирске, куда был эвакуирован в 1941 г. Ленинградский академический театр драмы им. А. С. Пушкина. Запись песни, как и другие фрагменты, сделана синими чернилами и содержит правку поэта простым карандашом. Она приводится ниже в динамической транскрипции (вычеркнутый текст дан курсивом в квадратных скобках; вписанный — полужирным шрифтом), что отражает творческий процесс работы Пастернака над этим отрывком:

«Под ивою девушка в горе своем

Сидела подпёршись тоскливо.

Давайте про ивушку, иву споем

Про иву, зеленую иву.

[*От жалости к девушке плакал ручей*]

Свои утешенья шептал ей ручей

И двигались камни обрыва,

[*И*] **Но** слезы ручьями катились у ней.

Ох, ива, зеленая ива.

Она говорила: “Мне это урок.

Упреки его справедливы;

Из ивы сплетите мне, бедной, венки

Ох, [*ивушка, ивушка,*] **ива, зеленая ива”**.

Мне милый советует: “Я не один.
 Найди себе новое диво.
 Я вижу с друг[о]ими есть много мужчин” <sic!>.
 Ох, ива, зеленая ива⁸».

В английской культуре ива — символ печали и страданий, вызванных потерей возлюбленного или безответной любовью, и один из основных структурных элементов баллад, часто встречающийся в рефрене: «Sing all a green willow / Shall be my garland». Не случайно в рассказе Гертруды о гибели Офелии возникает этот образ:

«Над речкой ива свесила седую
 Листву в поток. Сюда она пришла
 Гирлянды плесть...» (*Шекспир*, 196).

(Ср. с ориг.: «There is a willow grows aslant a brook,
 That shows his hoar leaves in the glassy stream;
 There with fantastic garlands did she come...»⁹.)

Лейтмотивом песен Офелии и причиной ее безумия и самоубийства становится смерть отца от руки обманувшего ее возлюбленного:

«Помер, леди, помер он,
 Помер, только слег,
 В головах зеленый дрок,
 Камушек у ног» (*Шекспир*, 169).

(Ср. с ориг.: «He is dead and gone, lady,
 He is dead and gone;
 At his head a grass-green turf,
 At his heels a stone». — *Shakespeare* 1868, 82.)

Сравнивая перевод Пастернака с английским оригиналом, мы увидим (впрочем, как и в приведенных выше отрывках из песен Дездемоны), что он воспроизвел метрику стиха Шекспира, сохранив мотив. В стихотворении «Уроки английского» Пастернак оставил также английское ударение в имени героини «Дездэмона». Однако, по замечанию А. К. Франс (А. К. France), в этом стихотворении поэт изменил трактовку образа Офелии: героиня тонет «с охапкой верб и чистотела» (1; 131). На основе анализа лексического значения корней «чист-» и «тел-»,

ходящих в слово «чистотел», исследовательница приходит к выводу, что в стихотворении, впрочем, как и в его переводе трагедии, автор умышленно упрощает значение образа [France: 150], смягчив намек на потерю невинности, который содержится в оригинале. Подобное решение Пастернака при переводе, названное Э. Пастернак-Слейтер ««ампутацией» <...> фаллических каламбуров», — скорее, проявление авторского понимания образа, а не «стыдливость» переводчика [Пастернак-Слейтер: 69].

В подобной трактовке Пастернаком образа Офелии как чистого создания, невинной жертвы, символа хрупкой красоты, обреченной на гибель, прослеживается, прежде всего, его трепетное отношение к женщине, которая почти всегда в его поэзии и прозе — жертва. Возможно, поэтому в более позднем переводе трагедии «Гамлет» в 1940–1941 гг. он остался верен своему пониманию этого образа.

В данной трактовке характера этой шекспировской героини нашла отражение и традиция восприятия Офелии в русской культуре. Наиболее ярко это выражено в статье В. Г. Белинского ««Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838). Критик отмечал, что она «существо кроткое, гармоническое, любящее, в прекрасном образе женщины <...> которое совершенно чуждо всякой сильной потрясающей страсти» (это отличает ее от Дездемоны, которая «сильна в своей женственной слабости») [Белинский: 294]. «Частью природы», точнее «растением», которому чужды сильные страсти, активное проявление эмоций, называл Офелию режиссер В. И. Немирович-Данченко. «Она чистое и великолепное создание природы. Без всяких рефлексов... Она способна воспринимать лучи солнца, тускнеть, когда солнца нет... Но действительно завоевывать? — ни на одну секунду не вижу ее такой» [Немирович-Данченко: 289], — говорил он И. П. Гошевой, исполнительнице роли Офелии в постановке 1940-х гг.

Стихотворение «Уроки английского» и перевод трагедии 1940 г. объединяет не только трактовка образа Офелии. В частности, составители Полного собрания сочинений поэта отмечают, что слову «трофеи», которое встречается в стихотворении («С какими канула трофеями?»), соответствует английское

«trophies» (букв. «подарки на память») (1; 465), встречающееся в «Гамлете»: «When down her weedy trophies...» (*Shakespeare 1868*, 95) — «И, как была, с копной цветных *трофеев* (курсив мой. — А. А.)» (*Шекспир*, 196). И в «Уроках английского», и в «Гамлете» Пастернак подчеркивает кротость героинь, их смирение и благословение жизни накануне гибели. «Надеюсь, все к лучшему, — произносит Офелия. — Надо быть терпеливой» (*Шекспир*, 172).

В стихотворении ощущение обреченности передано при помощи аллитерации и ассонанса (повторение звуков *e* и *o*, *д* и *з*, а также *o* и *ф*), а также анаграммирования имен героинь:

«Когда случилось петь Дездемоне, —
 <...>
 Не по любви, своей звезде, она, —
 <...>
 И голос завела, крепясь,
 Про черный день чернейший демон ей
 Псалом плакучих русл припас.
 Когда случилось петь Офелии, —
 <...>
 Всю сушь души взмело и свеяло,
 <...>
 А горечь слез осточертела, —
 С какими канула трофеями?
 С охапкой верб и чистотела» (1; 130–131).

В последней строфе «Уроков английского» звучит своеобразный гимн жизни:

«Дав страсти с плеч отлечь, как рубищу,
 Входили, с сердца замираньем,
 В бассейн вселенной, стан свой любящий
 Обдать и оглушить мирами» (1; 131).

Здесь говорится о смерти обеих героинь, которая стала, как это ни парадоксально, ее преодолением, на что указывает выразительная метафора «бассейн вселенной». (Заметим, что автор вновь обращается к проблеме, затронутой в трагедии

Шекспира в споре Дездемоны и Эмилии о том, возможна ли измена мужу ради вселенной. Эмилия полагает, что если ценой измены становится целый мир, то грех может быть оправдан. Но доводы Эмилии Дездемона отвергает.)

Эти строки заставляют задуматься не только над судьбами шекспировских героинь, но о судьбе красоты в мире, жертвенно искупающей грехи, одной из наиболее важных тем поэзии раннего Пастернака. А. К. Франс обращает внимание на то, что страдания, страсти обеих героинь представляются чем-то наносным, неестественным (исследовательница сравнивает их с обносками — «as rags to be shed») по отношению к их способности любить, благодаря которой они живут в других и остаются с ними, погружаясь в «бассейн вселенной» [France: 148]. Эта мысль о бессмертии души и продолжении жизни в памяти людей и метафора «бассейн вселенной» находит выражение и в прозе Пастернака. В романе «Доктор Живаго» главный герой Юрий у постели умирающей Анны Ивановны говорит о жизни человека в других.

Следующую за сборником «Сестра моя — жизнь» книгу стихов «Темы и вариации» (1916–1922) также пронизывают множественные отсылки к шекспировскому творчеству: к одноименной пьесе отсылает цикл «Сон в летнюю ночь» (1918–1922), а цикл «Пять повестей» (1919–1921) завершается стихотворением «Шекспир» (1919).

Вторая часть этого стихотворения посвящена английскому поэту, в стихотворении Пастернака он — постоялец трактира, который должен рассчитаться за заказ («полпинты, французский рагу»). Шекспир выслушивает поучения им же созданного Сонета и, разозлившись, запускает «в привиденье салфеткой». Пастернак описывает «заряженную бытом, как порохом, неубранную утреннюю комнату гостиницы» (5; 86), в которой «зародился реализм драматурга». Изменение поэтом знаков препинания с запятой и тире в рукописном варианте на точку в окончательном варианте подчеркивает связь героя стихотворения с реальным миром:

«Убийственный вздор, — а меж тем у Шекспира Острить пропадает охота» (ОР ИМЛИ. Ф. 120. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 1).	«Убийственный вздор. А меж тем у Шекспира Острить пропадает охота» (1; 168).
--	--

Противопоставление строк оформлено не ритмически, а пунктуационными знаками и графически (вынесением на новую строку), что, на наш взгляд, указывает одновременно и на противопоставление, и на связь двух образов: Лондона, живущего своей жизнью, образ которого создан в первой части стихотворения, и поэта, который погружен в свой мир, но при этом является плотью и кровью этого города.

В финале стихотворения герой покидает комнату:

«Считает: полпинты, французский рагу —
И в дверь...» (1; 169).

Пастернак, создавая образ Шекспира в стихотворении, использует ассоциирующиеся с его именем жанровые формы: драму и сонет. В основе сюжета стихотворения, по наблюдению О. В. Сененко, характерный для драматического рода внутренний конфликт; в нем есть описание места и времени действия, а также экспозиция (разговор человека на бочке с Шекспиром), завязка (выделенная графически вынесением в новую строку: «А меж тем у Шекспира...»), монолог Сонета, в котором развивается «действие», кульминация (реплика Шекспира) и развязка (уход из трактира). В то же время стих строится по логике сонета (тезис-антитезис-синтез); в нем частично воспроизведена рифмовка английского и итальянского сонетов (см. об этом: [Сененко: 111–112]).

Как видим, и в ранних стихотворениях, и в более поздних переводах Пастернак воссоздает атмосферу шекспировской Англии и образ Шекспира, которые воспринимаются поэтом как неотъемлемая часть его собственной жизни и окружающей действительности.

В то же время образы шекспировских трагедий позволяют Пастернаку выразить не только свои эстетические воззрения, но и описать повседневную, бытовую ситуацию. Так, например,

поразившая всю семью Пастернаков корь в 1903 г. в письме родителям от 1929 г. сравнивается со сценой из шекспировской трагедии: «...это все под самый сон рисовалось, как летнее отравление в Гамлете» [Пастернак, 2004: 426]. Мысль и бытие, искусство и реальность оказываются тождественными.

Становится очевидным, что Пастернак находился под влиянием шекспировского стиля «задолго до своего труда» (5; 52), перевода. «Шекспировская» тема разрабатывалась в его поэзии 1910–1920-х гг., чему предшествовал долгий период ознакомления с жизнью и творчеством английского поэта.

Таким образом, первое требование для создания хорошего перевода, по мнению Пастернака, — длительное воздействие оригинала на переводчика — в случае с Шекспиром было выполнено. Однако для того, чтобы передать поэтические особенности оригинала, необходимо соблюдение второго условия: переводимый автор не должен казаться «далеким и отвлеченным» (слова Пастернака о П. Б. Шелли) (5; 53). Чуткое, более внимательное отношение к тексту подлинника возможно при достижении определенного родства душ автора и переводчика. О таком метафизическом сходстве между Шекспиром и Пастернаком писала О. М. Фрейденберг: «...никогда ни у каких двух писателей не было столько умственного родства, как у Шекспира и у тебя. Все, за что тебя так нещадно гнали и хотели вытравить, — это “шекспиризм”. Когда читаешь Шекспира, поражаешься, сколько в нем “пастерначьего”, того, что твои критики называли футуризмом, хлебниковщиной и т. п. Шекспировские образы, метафористика, многоплановость мысли, спрягаемость событий во всех временах и видах одновременно, доведение частности до универсализма, величайший поэтический ум» [Переписка Бориса Пастернака: 283].

Итогом изучения Пастернаком жизни и драматургии Шекспира можно считать, помимо собственных оригинальных произведений и его переводов¹¹, значительное количество литературно-критических статей, посвященных творчеству английского поэта, в которых выражено понимание основных шекспировских образов, наблюдения над стилем Шекспира, а также обоснование собственного метода перевода: «Гамлет, принц датский (от переводчика)» (1940), «Заметки о Шекспире»

(1939–1942), «Новый перевод “Отелло” Шекспира» (1944), «Замечания к переводам из Шекспира» (1946, 1956).

Именно в 1940-е гг. под воздействием работы над переводами шекспировских трагедий, а также сотрудничества с режиссерами Немировичем-Данченко и Козинцевым Пастернак приступает к написанию пьесы о войне и интеллигенции. «Я начал большую пьесу в прозе, реалистическую, современную, с войною, — Шекспир тут очень поможет мне, — это российский Фауст, в том смысле, в каком русский Фауст должен содержать в себе Горбунова и Чехова», — писал он исследователю М. М. Морозову в 1942 г. из Чистополя [Морозов: 287]. Можно считать справедливым замечание А. Евгеньева о том, что переводы Шекспира «входят в творческий мир поэта как вехи, определяющие в какой-то степени его собственный творческий путь» [Евгеньев: 14].

Начиная с произведений Пастернака 1910–1920-х гг. шекспировские образы, проблемы, затронутые в его трагедиях, постепенно проникают в творчество поэта. Факты непосредственного обращения к творческому наследию Шекспира нашли отражение в поэтических текстах этого периода: «Десятилетье Пресни», «Шекспир», «Уроки английского», что свидетельствует о важности их анализа в контексте проблемы «понимания и актуализации прочтения художественного произведения в иной эпохе» [Черкашина: 138].

Примечания

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

¹ В связи с тем, что датировка пьес Шекспира является дискуссионным вопросом, здесь и далее хронология приводится по изданию: Cuddon J. A. Dictionary of Literary Terms & Literary Theory. London, 1999. P. 931.

² Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2003. Т. 1. С. 78. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / пер. Б. Л. Пастернака. М.: Терра, 1994. Т. 8: Гамлет. Отелло. Макбет. С. 594. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием условного обозначения *Шекспир* и страницы в круглых скобках.

⁴ Сборник стихотворений хранится в РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 3. Ед. хр. 80. Стихотворение «Уроки английского» («Berlitz school») — на л. 28–29.

- ⁵ [Фет А. А.] Полн. собр. стихотворений А. А. Фета: в 3 т. / под ред. Б. В. Никольского. СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1901. Т. 2. С. 123.
- ⁶ Shakespeare W. Othello. The Moor of Venice. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1936. Р. 109. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием условного обозначения *Shakespeare 1936* и указанием страницы в круглых скобках.
- ⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 622. Оп. 1. Д. 301. 2 л.
- ⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 622. Оп. 1. Д. 301. Л. 2–2 об.
- ⁹ Shakespeare W. Hamlet, prince of Denmark. Leipzig, 1868. Pp. 94–95. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием условного обозначения *Shakespeare 1868* и указанием страницы в круглых скобках.
- ¹⁰ С 1940 по 1949 г. им были переведены: «Гамлет» (1940), «Ромео и Джульетта» (1943), «Антоний и Клеопатра» (1944), «Отелло» (1945), «Король Генрих IV» (перев. — 1945, опубл. — 1948), «Король Лир» (перев. — 1947, опубл. — 1949), «Макбет» (перев. — 1950, опубл. — 1951).

Список литературы

1. Акимова А. С. Шекспировские образы в стихотворении Б. Л. Пастернака «Уроки английского» // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов: к 125-летию Е. И. Замятина. — Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. — С. 183–188.
2. Акимова А. С. «Уроки английского»: изучение языка как способ постижения инокультуры // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. — М.: Азбуковник, 2015. — Вып. 3. — С. 338–350.
3. Аникст А. «Макбет». Примечания и комментарии // Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 14 т. — М.: Терра, 1994. — Т. 8. — С. 666–685.
4. Белинский В. Г. «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 2. — С. 243–345.
5. Евгеньев А. Переводы Б. Пастернака // Литературное обозрение. — 1939. — № 3. — С. 12–15.
6. Марина Цветаева, Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. — М.: Вагриус, 2004. — 719 с.
7. Морозов М. М. Театр Шекспира. — М.: Всероссийское театральное общество, 1984. — 304 с.
8. Немирович-Данченко В. И. Незавершенные режиссерские работы. «Борис Годунов». «Гамлет». — М.: Всероссийское театральное общество, 1984. — 336 с.
9. Панова Л. «Уроки английского», или Liebestod по-пастернаковски // «Объятье в тысячу охватов»: сб. материалов, посвященных памяти Евгения Борисовича Пастернака и его 90-летию. — СПб.: РХГА, 2013. — С. 138–162.

10. Пастернак Б. Антология английской поэзии // Пастернак Б. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. — М.: Худож. лит., 1990. — 575 с.
11. Пастернак Б. Письма к родителям и сестрам. 1907—1960. — М.: НЛЮ, 2004. — 896 с.
12. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. — М.: Цитатель, 1997. — 728 с.
13. Пастернак-Слейтер Э. Шекспир в переводах Бориса Пастернака // Шекспировские чтения. 1993. — М.: Наука, 1993. — С. 54–71.
14. Переписка Бориса Пастернака. — М.: Худож. лит., 1990. — 578 с.
15. Рашковская М. А., Штевнина Н. Н. Реставрация рукописи сборника стихотворений Бориса Пастернака «Сестра моя жизнь»: сохранение документального наследия и новые перспективы изучения творчества поэта // Виртуальный журнал «Встречи с прошлым» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rgali.ru/object/210865187#!page:1/o:210865187/p:1> (06.08.2018).
16. Сененко О. В. О шекспировской жанровой традиции в стихотворении Б. Пастернака «Шекспир» // Филологические традиции и современное литературное образование: сб. научных докладов. — М.: Гуманитарный педагогический институт, 2002. — С. 111–112.
17. Черкашина М. В. Три сонета или один сонет? (из истории переводов Шекспира Пастернаком и Бонфуа) // Новый филологический вестник. — 2016. — № 4 (39). — С. 137–148.
18. France A. K. Boris Pasternak's translations of Shakespeare. — Berkeley. Los Angeles. London: University of California Press, 1978. — 277 p.

Информация об авторе: *Акимова Анна Сергеевна* — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького.

Дата поступления в редакцию: 10.08.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Anna S. Akimova

(Moscow, Russian Federation)

ann-akimova@yandex.ru

The Transformation of Shakespeare's Images in Pasternak's Works of 1910s–1920s

Acknowledgements. The article was written with the support of Russian Science Foundation (RSF), grant no. 14-18-02709.

Abstract. The urgency of the work lies in the fact that English culture and literary tradition were significant in the life and creative development of Pasternak. The article is devoted to the problem of interaction of Russian and English literatures in the Boris Pasternak's works. It deals with the facts of direct appeal of the poet to the creative heritage of English poets and playwrights, special attention is paid to the images of Shakespeare's tragedies, which manifested not only in the poet's correspondence with his relatives, but also in the poems (*The Decade of Presny, Shakespeare, English Lessons* etc.) and in the novel *Doctor Zhivago*. The images of Shakespeare's tragedies (Macbeth's witches, Ophelia, Desdemona, Birnam forest) allow Pasternak to describe the events taking place in the family and in the country in whole. They become the topic of Pasternak's literary-critical articles (*Hamlet, Prince of Denmark (on behalf of the translator), Notes on Shakespeare*, etc.). They express not only the understanding of the main images of his works, the interpretation of their conflicts and Pasternak's observations on Shakespeare's style, but also the reasoning about his own method of translating. Thus, the Pasternak was under the influence of Shakespeare's style long before working upon the translations of his plays. From 1940 to 1949 Pasternak translated *Hamlet, Romeo and Juliet, Anthony and Cleopatra, Othello*, etc. Shakespeare's images and the problems touched upon in his tragedies, as well as the stylistic and genre features of his plays, gradually penetrated into life and, as a result, Pasternak's writings. The study tested that the interest in foreign culture contributed to the enrichment and expansion of the ideological and aesthetic worldview of the poet, actively mastering the artistic discoveries of the past and adopting them in the present.

Keywords: B. Pasternak, Shakespeare, biography of the poet, Macbeth's witches, Hamlet, Birnam Forest, eternal images, plot's transformation

References

1. Akimova A. S. Shakespeare's Images in the Poem of B. L. Pasternak "English Lessons". In: *Literaturovedenie na sovremennom etape. Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskie individual'nosti. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov: k 125-letiyu E. I. Zamyatina [Literary Criticism at the Current Stage. Theory. Literary History. Creative Individualities. Materials of the International Congress of Literary Studies: on the occasion of the 125th Anniversary*

- of E. I. Zamyatin]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2009, pp. 183–188. (In Russ.)
2. Akimova A. S. “English Lessons”: Learning the Language as a Way to Comprehend Foreign Culture. In: *Pasternakovskie chteniya. Issledovaniya i materialy* [Pasternak Readings. Researches and Materials]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015, issue 3, pp. 338–350. (In Russ.)
 3. Anikst A. “Macbeth”. Notes and Comments. In: *Shakespeare W. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Shakespeare W. The Complete Works: in 14 Vols]. Moscow, Terra Publ., 1994, vol. 8, pp. 666–685. (In Russ.)
 4. Belinskiy V. G. Hamlet, Shakespeare's Drama. Mochalov in the Role of Hamlet. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, The Russian Academy of Sciences Publ., 1953, vol. 2, pp. 253–345. (In Russ.)
 5. Evgen'ev A. B. Pasternak's Translations. In: *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review], 1939, no. 3, pp. 12–15. (In Russ.)
 6. Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak. *Dushi nachinayut videt'. Pis'ma 1922–1936 godov* [Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak. Souls Begin to See. Letters of 1922–1936]. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 719 p. (In Russ.)
 7. Morozov M. M. *Shakespeare's Theater*. Moscow, Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1984. 304 p. (In Russ.)
 8. Nemirovich-Danchenko V. I. *Nezavershennyye rezhisserskie raboty. «Boris Godunov». «Gamlet»* [Unfinished Directorial Works. “Boris Godunov”. “Hamlet”]. Moscow, Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1984. 336 p. (In Russ.)
 9. Panova L. “English Lessons”, or Pasternak's Liebestod. In: *«Ob»yat'e v tysyachu okhvatov». Sbornik materialov, posvyashchennykh pamyati Evgeniya Borisovicha Pasternaka i ego 90-letiyu* [“A Thousand Embraces”. Collection of Materials Dedicated to the Memory of E. B. Pasternak and His 90th Birthday]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for humanities Publ., 2013, pp. 138–162. (In Russ.)
 10. Pasternak B. The Anthology of English Poetry. In: *Pasternak B. Ob iskusstve. «Okhrannaya gramota» i zametki o khudozhestvennom tvorchestve* [Pasternak B. About Art. “Protection Letter” and Notes on Artistic Creativity]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 575 p. (In Russ.)
 11. Pasternak B. *Pis'ma k roditelyam i sestram. 1907–1960* [Letters to Parents and Sisters. 1907–1960]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 896 p. (In Russ.)
 12. Pasternak E. B. *Boris Pasternak. Biografiya* [Boris Pasternak. Biography]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1997. 728 p. (In Russ.)
 13. Pasternak-Sleyter E. Shakespeare in Boris Pasternak's Translations. In: *Shekspirovskie chteniya. 1993* [Shakespeare Readings. 1993]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 54–71. (In Russ.)
 14. *Perepiska Borisa Pasternaka* [The Correspondence of Boris Pasternak]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 578 p. (In Russ.)

15. Rashkovskaya M. A., Shtevnina N. N. The Restoration of the Manuscript of Boris Pasternak's Collection of Poems "My Sister is Life": Maintenance of the Documentary Heritage and New Perspectives of Studying of the Poet's Works. In: *Virtual'nyy zhurnal «Vstrechi s proshlym»* [Virtual Journal "Meetings with the Past"]. Available at: <http://www.rgali.ru/object/210865187#!page:1/o:210865187/p:1> (accessed on August 06, 2018). (In Russ.)
16. Senenko O. V. About the Shakespearean Genre Tradition in the Poem of B. Pasternak "Shakespeare". In: *Filologicheskie traditsii i sovremennoe literaturnoe obrazovanie. Sbornik nauchnykh dokladov* [Philological Traditions and Modern Literary Education. Collection of Scientific Reports]. Moscow, Moscow Humanitarian Pedagogical Institute Publ., 2002, pp. 111–112. (In Russ.)
17. France A. K. *Boris Pasternak's Translations of Shakespeare*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press Publ., 1978. 277 p. (In English)
18. Cherkashina M. V. Three Sonnets or the Only One? (From the History of Translations of Shakespeare, Pasternak and Bonnefoy). In: *Novyy filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2016, no. 4 (39), pp. 137–148. (In Russ.)

Information about the author: *Akimova Anna S.* — PhD. in Philology, Senior Researcher of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Received: August 10, 2018

Date of publication: December 10, 2018

DOI 10.15393/j9.art.2018.5502

УДК 821.161.1.09

Елена Александровна Масолова

(Новосибирск, Российская Федерация)

masolova@list.ru

Толстовский текст и интертекст в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблеме разграничения толстовского текста и интертекстуальных элементов в «Раковом корпусе» А. И. Солженицына посредством выявления частотности апелляции к идеям Л. Н. Толстого, а также Сталина, Горького, Бэкона, Пушкина, Гервега. В «Раковом корпусе» идеи Толстого, изложенные в рассказе «Чем люди живы», в повести «Казачьи» и романах «Война и мир» и «Анна Каренина», «провоцируют» споры персонажей о смысле жизни, являются шкалой оценки происходящего, задают высочайшие религиозно-нравственные ориентиры, влияют на мыслящих персонажей, приводя одних к принятию толстовских идей и духовному возрождению, других — к поиску собственных ответов на вопросы бытия. В повести Солженицына название рассказа Толстого «Чем люди живы» выполняет функцию эпиграфа; система персонажей строится с учетом того, насколько человек учитывает культурное наследие человечества и, в первую очередь, воззрения Толстого. Олег Костоготов, памятуя уроки Толстого, не принимает на веру ничьих мнений, вырабатывает собственное отношение ко всему происходящему и побеждает смерть. Цитируемые в «Раковом корпусе» отрывки из трудов философов, политических деятелей и писателей о «социальном» поведении человека «вторичны» по сравнению с онтологическими ценностями, представленными в творчестве Толстого, и не играют предопределяющей роли в формировании жизненных установок персонажей Солженицына. В жанровом отношении «Раковый корпус» — философско-публицистическая повесть. Преобладание толстовского текста над интертекстом — дополнительное свидетельство непреходящего значения идей Толстого для людей последующих эпох.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, Л. Н. Толстой, текст, интертекст, рецепция, онтологические ценности, «социальное» поведение, система персонажей, духовное возрождение

В выявление в художественном тексте цитат, пересказа идей из сочинений других писателей, философов, политических деятелей порой нельзя сводить сугубо к разговору об интертексте. В художественной литературе интертекстуальность — явление в большей степени «внешнее», чем внутреннее,

отражающее обращение одного автора к тексту / текстам другого, а потому цитирование или пересказ персонажами в форме косвенной речи чужих воззрений имеет «вспомогательное» значение. Когда в произведении одного автора взгляды другого задают планку мироотношения, во многом детерминируют сюжет и систему персонажей, следует говорить о наличии особого текста, в названии которого должна присутствовать фамилия художника / мыслителя, чьи установки «предопределяют» нарратив.

А. И. Солженицын считал, что людей XX в. воспитывала вся традиция XIX в. — в первую очередь, Пушкин, Достоевский и Толстой¹. Как рассказывал Солженицын, его отец прошел через толстовство², а сам он из ссылки писал Александре Львовне, дочери Толстого, рассчитывая на ее помощь при публикации своих произведений на Западе. По признанию Солженицына, Толстой стал для него художественным авторитетом³. Разделяя провозглашаемую им евангельскую заповедь о спасительности любви, Солженицын утверждал, что в XX в. в русской истории была вырыта бездна и связи с XIX в. почти исчезли⁴. Убедившись, что в современном мире установка «любовь все спасет» не приведет к практическим результатам, писатель заявлял о бессмысленности заимствовать представления о счастье, сформулированные много веков назад; с точки зрения Солженицына, необходимо предлагать промежуточные ступеньки для возвышения духом, чтобы люди жили по совести и творили добро⁵.

Длительное время в литературоведении было принято противопоставлять Толстого и Солженицына в плане их художественных исканий. Так, в частности, японский исследователь Тоёфуса Киносита замечает, что в творчестве Солженицына, в отличие от произведений Толстого, не бывает образа всеведущего автора [Киносита: 126].

В последнее время наметилась тенденция сопоставлять творчество Толстого и Солженицына в контексте духовной традиции и выявлять сходство этих двух писателей и мыслителей, во многом определивших литературный процесс и гражданское самосознание в России. Как совершенно верно пишет И. А. Есаулов, Толстой и Солженицын в изображении

«простых людей» «наследуют той глубинной традиции, органичной для русской культуры, которая базируется на христианском отношении к ближнему своему» [Есаулов: 31]. Согласно Л. И. Сараскиной, Солженицына и Толстого «объединяет пламенное отношение к христианскому учению, попытка творческого отношения к вере, желание, чтобы это учение было действенным и как вера, и как этика» [Сараскина: 13]. Ю. Н. Сытина подчеркивает, что при безусловной разнице в освещении многих проблем у Толстого и Солженицына общие христианские ценности, желание «жить не во лжи», стремление к добру, справедливости и подлинному братству [Сытина: 38]. По мнению А. С. Кондратьева, в творчестве обоих писателей воссоздано соборное миропонимание русских [Кондратьев: 48–53]. Д. А. Романов отмечает, что рассказы Толстого 1890–1900-х гг. и рассказы Солженицына 1960-х гг. объединяют использование приема недосказанной судьбы, выбор специфических языковых средств воплощения авторского замысла, эпический способ обобщения при очерковости формы, прием характеризующей детали, провозглашенная идеология объективности, детализация подробностей, ирония авторского взгляда на устройство государства [Романов: 209–216]. Е. А. Попова исследует третьеличностную форму нарратива, к которому обращались в художественных текстах оба автора [Попова: 195–208].

Также исследователи поднимают вопрос о типологическом сходстве персонажей Толстого и Солженицына. И. А. Есаулов указывает на общность Пьера Безухова и героев Солженицына Ивана Денисовича и праведницы Матрены [Есаулов: 31]; Л. Г. Сатарова и Н. В. Стюфляева проводят параллели между Пьером Безуховым, Платоном Каратаевым и Матреной [Сатарова, Стюфляева: 167–170]. Анализируя «Войну и мир» Толстого и «В круге первом» Солженицына, А. С. Кондратьев полагает, что оба писателя, для которых история раскрывается через человека, 1) отвергают и разоблачают наполеоновскую аксиологию, 2) рисуют духовно состоявшегося человека, который, посвящая себя другим, обретает свое «я», 3) приводят героев, прошедших через испытания, к восприятию установленного в их сознании целостного единства жизненных

процессов [Кондратьев: 47–48]. Н. В. Углова считает, что «Войну и мир» Толстого и «Красное колесо» Солженицына роднит героическая и патриотическая тональность и сходство Андрея Болконского и Георгия Воротынцева, которые вобрали черты защитника и правдоискателя, олицетворяющего непререкаемый нравственный авторитет [Углова: 60–65]. В. С. Расторгуева проводит параллели между праведником Фоканычем из «Анны Карениной» и Матреной из рассказа Солженицына [Расторгуева: 23]. Рассматривая образы Ефрема Поддубова из «Ракового корпуса» и Льва Толстого из «Августа Четырнадцатого», Л. И. Сараскина приходит к выводу, что мысли и ситуации толстовских произведений неоднократно обыгрываются в сочинениях Солженицына [Сараскина: 8–9]. Безусловно, писатель предлагает свои «идеологические» варианты решения ряда сюжетных коллизий, воссозданных в произведениях Толстого. В «Войне и мире», замечает А. В. Сафронов, смерть Каратаева становится отправной точкой для Пьера в постижении жизни, а в «Раковом корпусе» Солженицына, наоборот, «человек из народа» побеждает смерть, в отличие от «советского аристократа» Русанова [Сафронов, 2016: 106].

Во время работы над повестью о своем «онкологическом прошлом» Солженицын перечитывает народные рассказы Толстого, которые потом станут обсуждать персонажи «Ракового корпуса». В ряде работ литературоведов ставится вопрос о преломлении идей этих рассказов Толстого в повести Солженицына. Д. Б. Терешкина считает, что в «Раковом корпусе» в качестве эксплицитно представленной главной христианской заповеди любви выступает спор об этой нравственной категории, изложенной Толстым в рассказе «Чем люди живы» [Терешкина: 317]. И. Ю. Кудинова называет обсуждаемый в «Раковом корпусе» толстовский вопрос «Чем люди живы?» катализатором рефлексии персонажей Солженицына [Кудинова: 105]. Т. Г. Прохорова рассматривает диалогические связи «Ракового корпуса» с творчеством Толстого на сюжетном уровне и через нравственно-философские мотивы [Прохорова: 205–207]. Согласно А. В. Сафронову, Солженицын, опираясь на рассказ Толстого «Чем люди живы», ставит в повести вечные проблемы смысла жизни, любви и смерти, нравственности

существующего строя, называет источники материальной и духовной скудости послесталинского общества и выявляет, возможно ли излечение и какую цену [Сафронов, 2015: 749–756]. В «Раковом корпусе», указывает исследователь, есть и прямые отсылки к личности и произведениям Льва Толстого, и аллюзии, которые «можно расценивать как признак глубокой погруженности Солженицына в его идеи» [Сафронов 2015: 751]. С точки зрения А. В. Сафронова, тему победы жизни и любви над смертью Солженицын, отталкиваясь, в первую очередь, от философских взглядов Толстого, трактует «по-достоевски», давая высказаться самым разным героям и не занимая при этом позицию нравственного ригориста; в судьбах персонажей Солженицына проявляется толстовская идея о неотвратимости духовного возмездия и воздаяния в судьбе каждой личности [Сафронов, 2016: 104].

В «Раковом корпусе» персонажи обсуждают не только идеи Толстого, но также и высказывания Ленина, Сталина, Горького, Бэкона, Пушкина, Гервега, которые несопоставимы с доминирующими воззрениями Толстого в нарративе этой повести. Исследователи творчества Солженицына пишут о наличии интертекста в «Раковом корпусе», не ранжируя интертекстуальные элементы по степени их значимости. Л. А. Колобаева обнаруживает в повести Солженицына цитаты из сочинений ряда писателей, аллюзии на определенные тексты [Колобаева: 163–214].

В данной работе нами предпринята попытка выявить роль мнений цитируемых писателей, философов и политических деятелей в композиции и системе образов повести Солженицына «Раковый корпус», а также определить эти мнения как интертекст, а идеи Толстого — как толстовский текст, организующий нарратив.

Название повести Солженицына — «Раковый корпус» — не столько указание на специализацию клиники по лечению онкологических больных, сколько метафора: тоталитарное государство превратилось в раковый корпус, где многие, став воинствующими атеистами и приверженцами коммунистической идеологии, заболели и физически, и нравственно. Вопросы о смысле жизни с особой остротой встают перед людьми, находящимися в условиях пороговой ситуации, когда

пребывание на грани жизни и смерти заставляет человека подвести итог прожитому и / или переосмыслить былые ценности. В письме к А. А. Толстой от 26 марта 1888 г. Толстой рассуждает о смерти в торжественном регистре от 1-го лица, что придает его речи профетическую непререкаемость: «Я живу прекрасно и могу смело рекомендовать всем следующий и единственный рецепт для этого: готовиться умереть»⁶. Говоря о необходимости готовиться к смерти, Толстой имеет в виду готовность человека в любой момент предстать перед Всевышним, чтобы без страха ответить за свои деяния и помыслы.

Долгое время персонажи Солженицына, если апеллировать к словам Толстого, не были готовы к смерти; в раковом корпусе некоторые из них впервые размышляют о смысле жизни и, подводя ее неутешительные итоги, ищут ответы на вопрос, как жить дальше.

Завязка повести Солженицына — появление в больничной палате томика Толстого. Во второй главе вечно ссыльный Олег Костоглотов, повертев в руках какую-то книгу, по темно-синему переплету и по корешку которой «шла тисненая золотом и уже потускневшая роспись писателя», на всю палату сказал:

«— Если б не Демка эту книгу в шкафу выбирал, так поверить бы нельзя, что нам ее не подкинули. <...> По всему городу шарь — пожалуй, нарочно такой не найдешь»⁷ —

и сделал в этой книге ряд карандашных помет. И только через пять глав сообщается ее название — «Народные рассказы» Толстого. Для Олега эти рассказы, в которых поставлены онтологические вопросы бытия и дана перспектива нравственного возрождения, стали вариантом ответа на вопрос о смысле жизни. Когда герою заменили смертную казнь на вечную ссылку в Казахстан, он жил, по собственному признанию, «неизвестно — зачем» (3; 329). В конце повести Олег, которого врачи буквально вернули с того света, признался в изменении своего отношения к жизни:

«За эту осень я на себе узнал, что человек может переступить черту смерти, еще когда тело его не умерло. <...> а ты уже, психологически, прошел всю подготовку к смерти. И пережил

саму смерть. Все, что видишь вокруг, видишь уже как бы из гроба, бесстрастно. Хотя ты не причислял себя к христианам, и даже иногда напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты таки уже простил всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя» (3; 35).

В «Раковом корпусе» не упоминается, что Олег когда-либо читал Евангелие и / или ходил в церковь. Слово Божие вошло в его сознание через текст-посредник — народные рассказы Толстого, в которых развиваются аналогичные идеи. Евангельские заповеди о прощении врагов, почерпнутые из этих рассказов, герой вспоминал на протяжении всей повести. Олег не знал, радоваться ли своему выздоровлению: в *равновесном, естественном состоянии* (3; 35) в преддверии смерти он испытал успокоение и опасался, что к нему, избежавшему смерти, вернуться все страсти и потеряется высокий настрой души, примиривший его с неизбежным концом человеческой жизни.

Другой герой повести, строитель Ефрем Поддуев, читавший только брошюры по обмену опытом, описания подъемных механизмов, служебные инструкции, приказы и «Краткий курс ВКП(б)» до четвертой главы, считал смешным «тратить деньги на книги или в библиотеку за ними перетягивать» (3; 91); в дальних поездках прочитывал от 2 до 30 страниц и бросал книжку, «ничего не найдя в ней по умному направлению жизни» (3; 91). Книгу Толстого он

«тоже бы не стал читать, да всучил ее Костоготов в самый пустой тошный вечер. <...> он бы не стал читать, если б это был роман. Но это были рассказы маленькие, которых суть выяснялась в пяти-шести страницах, а иногда в одной. В оглавлении их было насыпано, как гравия» (3; 92).

Прочитав первый рассказ, Ефрем почувствовал, что он «как бы о деле», и герою

«захотелось подумать. Он подумал. Захотелось этот же рассказ еще раз перечитать. Перечел. Опять захотелось подумать. Опять подумал. Так же вышло и со вторым» (3; 92).

Будучи скептиком и циником и предчувствуя, что эта книга поменяет его отношение к жизни, Ефрем назвал рассказ Толстого «старой басней», но «перед сном еще думал о прочтенном»

(3; 92). В толстовских рассказах Ефрем захотел найти ответ о смысле жизни, поэтому «чтобы книгу не уперли и утром не искать» (3; 92), Поддуев сунул ее под матрас. На следующее утро Ефрем прекратил говорить людям, что они скоро умрут от рака, а «приудобился <...> читать эту тихую спокойную книгу» (3; 92); не отрываясь от чтения, съел в постели завтрак, «читал себе и молчал. С ним разговаривала книга, не похожая ни на кого, занятно» (3; 92).

Подчеркивая, какое потрясение от рассказов Толстого пережил Ефрем, Солженицын в отдельный абзац выносит предложение:

«Целую жизнь он прожил, а такая серьезная книга ему не падалась» (3; 92).

Смертельно больной герой, словно стыдясь своей поглощенности чтением, так оправдывал испытанное сильное впечатление от прочитанного:

«Рассказиками этими едва ли можно было прошибить здорового» (3; 93).

Накануне в оглавлении столь необычной книги Ефрем заметил рассказ «Чем люди живы», который «с первых же слов читался легко, ложился на сердце мягко и просто» (3; 93), и в нем говорилось, что человек жив любовью к Богу и через эту любовь восходит к любви ко всем людям. Точность заглавия этого рассказа поразила героя; ему казалось, что «до того это название было вылеплено, будто сам же Ефрем его и составил» (3; 93).

Признавшись себе, что вопрос о смысле жизни тревожил его последние две недели, Ефрем читал «медленно, как по слогам разбирая» (3; 93). В повести Солженицына почти целиком цитируется первый абзац рассказа Толстого «Чем люди живы» и приведена рецепция героя:

«Понятно это было все, и дальше очень понятно: сам Семен поджарый и подмастерье Михайла худощавый» (3; 93).

Далее, читая про барина, у которого была красная налитая морда, Ефрем мысленно увидел своих начальников по углетресту, нашел в себе много общего с характером этого барина, и

«не хотелось Ефрему ни ходить, ни говорить. Как будто что-то в него вошло и повернуло там. И где раньше были глаза — теперь глаз не было. И где раньше рот приходился — теперь не стало рта» (3; 93).

Этот рассказ так глубоко запал в душу героя, что при пересказе его Сибатову в речи Поддуева были текстуальные совпадения с «Чем люди живы». Идеи рассказа Толстого меняли все былые представления Ефрема, и он стал вспоминать прежнюю жизнь с недоумением, переходящим в самоосуждение:

«А вот по этой чудной книге так получалось, что Ефрем же во всем и виноват» (3; 94).

Задав соседям по палате вопрос «чем люди живы?», герой в ответ получил противоречивые суждения, которые были продиктованы разными причинами: голодным временем, когда ценился материальный достаток (вертухай Ахмаджан, медбрат Тургун), мечтой о высокой квалификации (грузчик Прошка), увлеченностью работой (геолог Вадим Зацырко), любовью к малой родине, защищающей от болезней (татарин Сибгатов), школьным учебником биологии (девятиклассник Демка ответил, что человек жив воздухом, водой и едой), установками правящей партии (адепт сталинизма, доносчик Русанов, отправивший в ссылку соседа по коммунальной квартире, чтобы занять его жилплощадь, объявил, объедая куриную ножку, что человек жив идейностью и заботой об общем благе; его дочь, журналистка Авиета, утверждала, что надо писать, приукрашивая жизнь согласно требованиям КПСС). Ефрем, не удовлетворенный услышанным,

«раскрыв книгу, уставился опять. Сам для себя он хотел понять — как же ответить правильно» (3; 96).

Не всегда рассказы Толстого могли настроить Ефрема на осмысление жизни. Когда он «дергался, волновался, смотрел, что делается в комнате и в коридоре» (3; 106), то не мог вникнуть

в прочитанное. По Солженицыну, чтобы понимать рассказы Толстого, человеку надо помнить об эфемерности жизни и не предаваться суетному. Под их влиянием Ефрем покаялся в том, что жил неправильно и подло, бросая женщин с детьми, и осознал, что за свои грехи наказан неизлечимым недугом.

У персонажей Солженицына разное отношение к творчеству Толстого. Демка, мечтавший поступить в университет, не осилил народные рассказы писателя, решив, что они расслабляют, запутывают, призывают не к борьбе, а к смирению. Русанов назвал «Чем люди живы» «чушью» и вынес вердикт: «За километр несет, что мораль не наша» (3; 97). Русанов, уверовавший в правоту коммунистической идеологии и отмащивший другие ответы на вопрос о смысле жизни, кроме тех, которые давали классики марксизма-ленинизма, язвительно спросил: «И чем же там — люди живы?» (3; 97).

Ефрем смалодушничал и, боясь показать, что стал разделять взгляды Толстого, как будто извиняясь, произнес: «Мол, любовью...» (3; 97), — на что Русанов возмутился: «Лю-бо-вью!?!.. Не-ет, это не наша мораль! — потешались золотые очки» (3; 97). Когда Демка сообщил, что автор этого рассказа — Толстой, Русанов запротестовал:

«Толстой писал только оптимистические и патриотические вещи, иначе б его не печатали. “Хлеб”. “Петр Первый”. Он — трижды лауреат Сталинской премии, да будет вам известно!» (3; 97).

Узнав, что рассказ «Чем люди живы» написал не Алексей, а Лев Толстой, Русанов начал глумиться:

«— Ах, не то-от? — растянул Русанов с облегчением отчасти, а отчасти кривясь. — Ах, это другой... Это который — зеркало русской революции, рисовые котлетки?.. Так сю-сюкалка ваш Толстой! Он во многом, оч-чень во многом не разобрался. А злу надо противиться, <...> со злом надо бороться!» (3; 97–98).

Для Русанова рассказы Толстого — *слякоть, махровая поповщина, зауспокойная поповская книжечка*, а их автор — *зауспокойный писатель*. Другой герой, участвовавший в обсуждении, Вадим, воспринимал рассказы Толстого как *несвоевременные, бесформенные, неэнергичные, слащаво-идеалистические штучки*, которым нельзя поддаваться, и считал их *водянистой*

блеклой правденкой, разжижающей басенкой о смирении и любви к ближнему. Услышав слова Вадима, Русанов обрадовался и сразу признал в нем коммуниста. Шулубин, участник Октябрьской революции, профессор, ставший библиотекарем сельхозтехникума, сказал Олегу, что толстовская проповедь любви к ближнему не имела с современной жизнью никаких связей.

Толстой незримо присутствует в жизни многих персонажей Солженицына. В третьей главе критике толстовских идей противопоставлена точка зрения старшего хирурга Евгении Устиновны, разделявшей негативное отношение Ерошки из «Казачков» Толстого к русским врачам, которые, по его словам, умели только резать, но не лечили травами. Для Евгении Устиновны самыми лучшими операциями были те, от которых она отказалась: «И в этом был прав Ерошка!» (3; 99), — повторяла она. Больные, большинство из которых вряд ли читали «Казачков», не верили в эффективность операций и, затаив дыхание, слушали Олега, говорившего об альтернативном лечении рака настоем чаги. Врач Людмила Афанасьевна оправдывала свой несостоявшийся карьерный рост, ссылаясь на Толстого, сказавшего про брата, что тот

«имел все способности писателя, но не имел недостатков, делающих писателем. Наверное, и она не имела тех недостатков, которые делают людей кандидатами наук» (3; 77).

Онколог Орещенков, желая отвлечь от тяжелых мыслей Людмилу Афанасьевну, понимавшую, насколько серьезно ее заболевание, поведал, как в студенчестве был выведен из театра за то, что смеялся на премьере пьесы Толстого «Власть тьмы», когда артисты натурально сморкались и развязывали онучи. В шутку сравнивая свой *прешпект* в огороде с *прешпектом* старика Болконского, вечно ссыльный врач Кадмин ценит себя за способность сопротивляться обстоятельствам: он разбивал десять соток своего огорода

«с такой замысловатостью и энергией, что куда там старый князь Болконский со всеми Лысыми Горами и особым архитектором» (3; 234).

Народные рассказы Толстого никого из героев «Ракового корпуса» не оставляли равнодушными и вызывали яростную дискуссию, в то время как авторы, получившие Сталинскую премию, представляли безымянными и неинтересными, и названия их книг путались в голове Демки. Силы победить рак Демка искал в книгах, но многие из них не приносили успокоения его душе:

«Книг очень много издавалось, прочесть их все никто не мог бы успеть. А какую прочтешь — так вроде бы мог и не читать» (3; 109), —

недоумевал он. Веря коммунистическим лозунгам, Демка чувствовал, что его заставляли менять внушаемые ему взгляды и хулить тех, кого недавно требовали превозносить, и в душе подростка росли непонимание, «давление ущерба, тоска» (3; 110).

Демка, как и романские герои Толстого, приходит к осознанию того, что человек не может жить сугубо интересами семьи. Пьер Безухов и Константин Левин поняли, что одна лишь любовь к женщине не сделает человека счастливым, поскольку превыше всего — любовь к Богу, Который через любовь к конкретной женщине дает возможность полюбить всех. Демка также почувствовал, что любовь к женщине — это не вся жизнь.

Главная мысль рассказов Толстого — о необходимости любить Бога. Эту евангельскую заповедь из сознания советских людей вытравливали, борьба с религией принимала нелепые формы. Некоторые примеры подобной борьбы находим в «Раковом корпусе», где директор школы сорвал со стены картину Саврасова «Грачи прилетели», сочтя запечатленную на ней церковь религиозной пропагандой. В школе детям внушали, что религия есть дурман, трижды реакционное учение, выгодное только мошенникам и мешающее освободиться от эксплуатации. Однако Демка, ища ответ на вопрос, почему у него рак, и услышав от тети Стефы о необходимости смириться перед Богом, неожиданно для себя понимает правоту ее слов:

«И сама тетя Стефа с ее смешным календарем, с ее Богом на каждом слове, с ее незаботной улыбкой даже в этой мрачной клинике и вот с этим пирожком была фигурой как бы не реакционной» (3; 112).

Толстой — бесстрашный оппозиционер, во всеуслышание высказывавший свои идеи. В современной Солженицыну эпохе было запрещено иметь собственное мнение. В школе детей заставляли писать заученными фразами о хлопкоробах, доярках, героях гражданской войны, Павле Корчагине, Матросове. Учителя, по словам Аси, страшали оценкой «кол» тех, кто хотел излагать собственные мысли. Для педагогов была крамольной мысль, что школьник может еще не знать, любит ли он родину. Шулубин с горечью вспоминал, что их заставляли стоя хлопать приговорам и требовать расстрела для «врагов народа». Олег, оказавшийся в ссылке за непочтительные слова о Сталине на студенческой вечеринке, назвал марксизм расизмом, и Русанов был возмущен этой *идеологической диверсией* (3; 344). Олег высмеивал слепое доверие к главам государства и ратовал за то, чтобы каждое поколение пересмысливало провозглашенные ранее идеи. Не найдя контраргументов, Русанов посоветовал Ефрему вместо Толстого читать Островского, от которого, по его словам, больше пользы.

Считая учение Толстого *глупостью несусветной*, Русанов заявил:

«— <...> Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддуев, и разоружились идеологически! И будете нам тут про всякое моральное усовершенствование талдыкать...» (3; 112),

на что Олег возразил:

«— А что вы так прицепились к нравственному усовершенствованию? <...> Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую изжогу? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов!» (3; 122).

Возмутившись тем, что Русанов запрещает человеку думать о смысле жизни и читать Толстого, Олег с сарказмом предложил сжечь эти книги.

Святейший Синод, по распоряжению которого Толстой был отлучен от церкви, Олег назвал *правительствующим синодом* (3; 123). Такая оговорка в речи Олега обусловлена тем, что для него Синод — воплощение цензуры, безапелляционности, желания диктовать всем свою волю; *правительствующий синод* в речи Олега — контекстуальный синоним политики Сталина, который, борясь со свободомыслием, отправлял непокорных в вечную ссылку или уничтожал.

Когда разговор заходит о смерти, Олег утверждает, что человек остается с ней один на один и коллектив не может в этом случае его поддержать. Страшась смерти, Русанов «постарался отвлечься государственными мыслями» (3; 21) об открытии сессии Верховного Совета, об утверждении бюджета на 1955 год, о состоянии дел в тяжелой промышленности и животноводстве. Узнав, что председатель Совета Министров подал в отставку, Русанов вспомнил слова Горького, что только тот достоин свободы (которая в его понимании равносильна выздоровлению), кто за нее идет на бой (Русанов не подозревал, что цитировал «Фауста» Гете, и готов был приписать Горькому все знаменитые цитаты, превращенные в советские пропагандистские клише). Он мнил себя бойцом и плакал при мысли, что его неправильно лечат.

Вадим задолго до болезни стал освобождаться от предствлений, навязанных ему отцом, который любил Ленина и Сталина больше, чем жену, и втолковывал сыну, что в статьях Сталина глубокие мысли изложены прекрасным языком. Узнав про свой смертельный недуг, Вадим хотел успеть внести вклад в науку, читал книги по геологии и не соглашался с Ефремом, говорившим, что умирающему не нужна профессия. Впоследствии с ростом метастазов поглощенность работой покинула Вадима, и он потерял смысл жизни.

Метафорой бессодержательной жизни людей становится река Чу, *кончающаяся жизнь в песках* и протекающая в местах, куда был навечно сослан Костоглотов. Герой говорит о ней с болью:

«Река, никуда не впадающая, все лучшие воды и лучшие силы раздарившая так, по пути и случайно <...> разве это не образ

<...> арестантских жизней, которым ничего не дано сделать, суждено бесславно заглохнуть...» (3; 254).

Размышления Олега о трагичной судьбе людей тоталитарного государства находят подтверждение в словах Шулубина. Рассуждая о «социальном» поведении человека, Шулубин апеллирует к идеям Пушкина, Фрэнсиса Бекона, Гервега, Владимира Соловьева, Кропоткина, Михайловского. Герой цитирует стихотворение Пушкина «К Вяземскому» о том, что человек в «гнусный век» обречен стать тираном, предателем или узником, и кается в том, что сам превратился в предателя. Олег, назвав предателями тех, кто строчил доносы и лжесвидетельствовал, заявляет, что Пушкин был неправ. С точки зрения Шулубина, в современном обществе доминирует облагороженная стадность и боязнь остаться вне коллектива. Шулубин ссылается на Фрэнсиса Бэкона, утверждавшего, что люди поклоняются идолам рода, идолам пещеры и идолам театра, и поясняет мысли философа: идолы театра — это авторитетные чужие мнения, которыми человек руководствуется при истолковании того, что сам не пережил, а также добровольно принимаемые заблуждения других; идолы рынка — заблуждения, возникшие из-за того, что стало модно употреблять формулировки, насилующие разум: враг народа, изменник и др. Олег приходит к выводу, что неоднократно встречался с идолами театра и рынка. Развивая взгляды Бэкона, Шулубин говорит, что над всеми идолами нависло небо страха, и признается, что 28 лет жил под таким небом: молчал, отрекался от своих взглядов, дабы уцелеть любой ценой, уничтожал книги, попавшие в список запрещенных, называл теорию относительности контрреволюционным мракобесием, осмеивал генетику, а потом его дети тоже стали поклоняться тем же идолам и превратились в предателей. Ссылаясь на трагичную судьбу Орджоникидзе, Шулубин отказывает в героизме тем, кто предпочел умереть или закончить жизнь самоубийством, но не выступил против тиранов. Он цитирует стихотворение Гервега о том, что люди устали любить и жаждут ненавидеть, и предлагает свой вариант окончания этого стихотворения, в котором призывает прекратить ненависть. Шулубин считает, что социализм надо строить не на избытке товаров, а на

любви. Соглашаясь с Владимиром Соловьевым, герой выступает против христианского социализма и ратует за социализм нравственный. Ведя мысленный диалог со многими философами и писателями-гуманистами, Шулубин называет себя осколочком Мирового Духа (3; 404), поскольку ощущает собственное бессилие противостоять злу и изменить мир.

Взгляды философов и поэтов, вплетаясь в повесть «Раковый корпус», создают непрерывный поединок идей, которые не оставляют героев Солженицына безучастными и «призывают» их к рефлексии и формированию собственной позиции относительно рассматриваемых вопросов. При обращении к воззрениям философов и поэтов в рассуждениях героев возникают интертекстуальные связи и единство темы; «внешний» сюжет повести становится «вторичным» на фоне разворачивающейся дискуссии о сущностных вопросах бытия.

Когда Шулубин и Олег спорили о счастье, первый утверждал, что

«не к счастью устремить людей, потому что это тоже идол рынка — “счастье”! — а ко взаимному расположению» (3; 371),

и называл миражом попытки предугадать, каким будет счастье будущих поколений. Олег же, вслед за Толстым, уверен, что

«совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а — отношения сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то, и другое — всегда в нашей власти, <...> человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать» (3; 232).

В «Раковом корпусе» система персонажей строится с учетом того, насколько люди интегрировали себя в диалог с культурным наследием: кто проигнорировал искания гуманистов ушедших эпох, остался уверенным в правоте внушаемых государством лозунгов и не осознал, что поклонение лжеидеалам, предательства и доносы явились причиной, вызвавшей у него рак (Русанов); кто отверг прежние установки и не обрел новых, утратил смысл жизни (Вадим, Ася); кто обратился к культурному наследию, пришел к пониманию ошибочности своих взглядов и оказался на распутье (Шулубин); усвоившие идеи Толстого — прозрели (Олег, Ефрем) и победили смерть (Олег). Интересуясь культурным наследием и критично

относясь к любому высказыванию, Олег Костоготов, alter ego автора, в день выписки из ракового корпуса ощущает себя, как только что родившийся ребенок, издевавший всю горечь жизни стариков, радуется *ранневесеннему новосотворенному миру* и, ведя мысленный диалог с философами и художниками, готов, как и Толстой, искать собственные ответы на вопросы бытия.

Прошедшая через депортацию санитарка Елизавета Анатольевна назвала все литературные трагедии *смехотворными* по сравнению с событиями XX в. и, отказавшись перечитывать «Анну Каренину», пыталась заслониться от действительности чтением романов на французском языке. Для Елизаветы Анатольевны душевные терзания Карениной несерьезны, поскольку обусловлены своеволием человека, боровшегося за личное счастье. Она судила о героине Толстого как человек, разуверившийся в возможности улучшения социальной системы: на примере своей семьи Елизавета Анатольевна убедилась, что власти по собственному произволу уничтожали в людях любое сопротивление, обрекали непокорных на душевные и физические страдания, бросали в тюрьмы, отправляли в ссылки.

Несмотря на все притеснения тоталитарного государства, многие руководствовались общечеловеческими ценностями. *Нерасчетливая доброта* студентки мединститута Зои, врача Веры Гангарт, супругов Кадминых — парафраз 1) евангельских заповедей о необходимости любить друг друга и 2) идей Толстого.

Таким образом, «Раковый корпус» Солженицына — «полигон» проверки актуальности воззрений философов, политиков и писателей XVII–XX вв. В жанровом отношении — это философско-публицистическая повесть, в которой идеи Толстого «провоцируют» героев на раздумья и споры о смысле жизни, выступают как шкала оценки происходящего, задают высочайшие религиозно-нравственные ориентиры, влияют на мыслящих персонажей, приводя одних к принятию толстовских идей и духовному возрождению, других — к поиску собственных ответов на вопрос «чем люди живы». Частотность апелляции к Толстому по своему «удельному весу»

и роли отличается от обсуждения в повести «Раковый корпус» высказываний других философов, политических лидеров и писателей о «социальном» поведении человека: их взгляды «вторичны» по сравнению с онтологическими ценностями, представленными в творчестве Толстого; для большинства людей тоталитарного государства вопросы гражданского самосознания, поднятые Бэконом и Пушкиным, не актуальны; произведения социалистического реализма многим читателям не внушают доверия. Название рассказа «Чем люди живы» выполняет функцию эпиграфа. Вышесказанное дает основание говорить о наличии в «Раковом корпусе» толстовского текста — не цитируемого «чужого» текста, а текста, организующего нарратив повести Солженицына; цитаты и пересказ идей Бэкона, Пушкина, Гервега, Ленина, Сталина, Горького являются интертекстом, не играющим предопределяющей роли в структуре повести Солженицына. Преобладание толстовского текста в «Раковом корпусе» — дополнительное доказательство непреходящего значения идей Толстого в творчестве Солженицына и в жизни людей последующих эпох.

Примечания

- ¹ [Солженицын А. И.] Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве (март 1976) // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. С. 445.
- ² Там же. С. 446.
- ³ [Солженицын А. И.] Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989) // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. С. 335.
- ⁴ [Солженицын А. И.] Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Шпигель» (9 октября 1987) // Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. С. 288.
- ⁵ [Солженицын А. И.] Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (31 октября 1983) // Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. С. 192.
- ⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1953. Т. 64. С. 159.
- ⁷ Солженицын А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. С. 18. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Есаулов И. А. «Простые люди» у Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына: к постановке проблемы // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 26–32.
2. Киносита Т. Повествовательный стиль А. И. Солженицына и поэтика Достоевского // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: сб. памяти: 1918 — 2008. — М.: Русский путь, 2009. — С. 121–130.
3. Колобаева Л. А. «Река, впадающая в пески»? Художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») // Солженицынские тетради: материалы и исследования. — М.: Русский путь, 2012. — Вып. 1. — С. 163–214.
4. Кондратьев А. С. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «В круге первом» А. И. Солженицына: духовная традиция и национальное самосознание // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 45–54.
5. Кудинова И. Ю. Полифонизм или диалог? Нарративные стратегии в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — Саратов, 2017. — Т. 17. — Вып. 1. — С. 104–108.
6. Попова Е. А. Нарративные особенности прозы Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 195–208.
7. Прохорова Т. Г. Диалог с Толстым в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Литература в школе. — М., 2016. — № 9. — С. 205–207.
8. Расторгуева В. С. Эпическое Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына в современной историко-культурной проекции // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 19–25.
9. Романов Д. А. Эпос малой формы: лингвопоэтика рассказов Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 209–217.
10. Сараскина Л. И. Александр Солженицын читает Льва Толстого // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 4–14.

11. Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В. Рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор» в контексте традиций русской классики // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 167–173.
12. Сафронов А. В. Рязанский период творчества Солженицына (повесть «Раковый корпус») // Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина: вековая история как фундамент дальнейшего развития (100-летнему юбилею РГУ имени С. А. Есенина посвящается): материалы научно-практической конференции преподавателей РГУ имени С. А. Есенина по итогам 2014/15 учебного года. — Рязань, 2015. — С. 749–756.
13. Сафронов А. В. Свободный человек из «Ракового корпуса» (образ Максима Чалого в повести А. И. Солженицына) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — Кострома, 2016. — № 1. — С. 104–107.
14. Сытина Ю. Н. Проблема наполеонизма в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 33–39.
15. Терешкина Д. Б. Человек перед лицом смерти: минейный код повести А. Солженицына «Раковый корпус» // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2015. — № 3 (52). — С. 316–319.
16. Углова Н. В. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Красное колесо» А. И. Солженицына: образ воина // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 60–66.

Информация об авторе: Масолова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета.

Дата поступления в редакцию: 20.08.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Elena A. Masolova

(Novosibirsk, Russian Federation)

masolova@list.ru

Tolstoy's Text and Intertextuality in Solzhenitsyn's Novel "Cancer Ward"

Abstract. The present research paper is dedicated to the problem of differentiation between Tolstoy's texts and intertextual elements in Solzhenitsyn's "Cancer Ward" by means of revealing the frequency and relevance of an appeal to the ideas of Tolstoy as well as Stalin, Gorky, Bacon, Pushkin, Herverg. In "Cancer Ward" Tolstoy's ideas put forward in the story "What Men Live by", in the short novel "Cossacks" and in the novels "War and Peace" and "Anna Karenina", engender disputes between their characters about the meaning of life. These ideas serve as a rate scale of the events, set the highest religious and moral objectives, influence reflecting characters thus, leading some of them to the adoption of his ideas and spiritual resurrection whereas others to the search for their own answers to the question of being. In Solzhenitsyn's short novel the title of Tolstoy's story "What Men Live by" serves as an epigraph; the system of characters is built in accordance with the person's integration into the dialogue with Tolstoy's ideas and the cultural heritage. Oleg Kostoglotov bearing in mind Tolstoy's lessons does not take anyone's opinions on trust. He develops his own attitude to everything that is happening and becoming spiritually transformed he triumphed over death. The quoted opinions of the philosophers, political leaders and writers about "social" behavior of the Man are "secondary" compared with the ontological values presented in Tolstoy's works and do not play a determinative role in the formation of Solzhenitsyn's characters' worldview. In terms of genre composition, the "Cancer Ward" is a philosophical and publicist short novel. The predominance of Tolstoy's text over the intertextuality is an additional evidence of the timeless significance of his ideas for people of the following centuries.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, L. N. Tolstoy, text, intertextuality, adoption, ontological values, "social" behavior, system of characters, spiritual resurrection

References

1. Esaulov I. A. "Common People" by L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn: to the Problem Statement. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 26–32. (In Russ.)
2. Kinoshita T. The Narrative Style of A. I. Solzhenitsyn and the Poetics of Dostoevsky. In: *Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni: sbornik pamyati: 1918–2008* [Alexander Solzhenitsyn's Path in the Context of "Big

- Time*”: *Commemorative Miscellany: 1918–2008*]. Moscow, Russkiy put’ Publ., 2009, pp. 121–130. (In Russ.)
3. Kolobaeva L. A. “River Flowing into the Sands”?: Alexander Solzhenitsyn’s Artistic Expectations (“Cancer Ward”). In: *Solzhenitsynskie tetradi: materialy i issledovaniya* [Studying Solzhenitsyn: Materials and Researches]. Moscow, Russkiy put’ Publ., 2012, issue 1, pp. 163–214. (In Russ.)
 4. Kondrat’ev A. S. “War and Peace” by L. N. Tolstoy and “In the First Circle” by A. I. Solzhenitsyn: Spiritual Tradition and National Identity. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 45–54. (In Russ.)
 5. Kudinova I. Yu. Polyphony or Dialogue? Narrative Strategies in A. I. Solzhenitsyn’s Novel “Cancer Ward”. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism]. Saratov, 2017, vol. 17, issue 1, pp. 104–108. (In Russ.)
 6. Popova E. A. The Narrative Particularities of the Prose of L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 195–208. (In Russ.)
 7. Prokhorova T. G. A Dialogue with Tolstoy in A. I. Solzhenitsyn’s Short Novel “Cancer Ward”. In: *Literatura v shkole*, 2016, no. 9, pp. 205–207. (In Russ.)
 8. Rastorgueva V. S. The Epic by L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn in the Modern Historical and Cultural Perspective. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 19–25. (In Russ.)
 9. Romanov D. A. The Epos of Small Form: Linguistic Poetry of Stories by L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 209–217. (In Russ.)
 10. Saraskina L. I. Alexander Solzhenitsyn Is Reading Leo Tolstoy. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 4–14. (In Russ.)
 11. Satarova L. G., Styuflyayeva N. V. A. I. Solzhenitsyn’s Story “Matryona’s Place” in the Context of the Traditions of Russian Classics. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy*

- nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.) [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)].* Lipetsk, 2018, pp. 167–173. (In Russ.)
12. Safronov A. V. The Ryazan Period of the Works of Solzhenitsyn (the Short Novel “Cancer Ward”). In: *Ryazanskiy gosudarstvennyy universitet imeni S. A. Esenina: vekovaya istoriya kak fundament dal'neyshego razvitiya (100-letnemu yubileyu RGU imeni S. A. Esenina posvyashchaetsya): materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley RGU imeni S. A. Esenina po itogam 2014/15 uchebnogo goda [The Ryazan State University Named for S. A. Yesenin: Secular History as the Foundation for Further Development (on the Occasion of the 100th Anniversary of the RSU Named for S. A. Yesenin): Materials of the Scientific and Practice Conference of Teachers of the RSU Named for S. A. Yesenin for the Academic Year 2014/15].* Ryazan, 2015, pp. 749–756. (In Russ.)
 13. Safronov A. V. A Free Man from the “Cancer Ward” (The Image of Maxim Chaly in the Short Novel of A. I. Solzhenitsyn). In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova [Vestnik of Kostroma State University].* Kostroma, 2016, no. 1, pp. 104–107. (In Russ.)
 14. Sytina Yu. N. The Problem of Napoleonism in the Works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.) [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)].* Lipetsk, 2018, pp. 33–39. (In Russ.)
 15. Tereshkina D. B. A Man Facing Death: Mineyny Code of A. Solzhenitsyn's Novel “Cancer Ward”. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya.* Gorno-Altaysk, 2015, no. 3 (52), pp. 316–319. (In Russ.)
 16. Uglova N. V. “War and Peace” by L. N. Tolstoy and “The Red Wheel” by A. I. Solzhenitsyn: The Image of a Warrior. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.) [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)].* Lipetsk, 2018, pp. 60–66. (In Russ.)

Information about the author: *Masolova Elena A.* — PhD. in Philology, Associate Professor of the Department of Philology of the Novosibirsk State Technical University.

Received: August 20, 2018

Date of publication: December 10, 2018

Научный журнал

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2018

Том 16

№ 4

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77–61851 от 18.05.2015

Редакторы: *И. С. Андрианова,*
О. А. Сосновская, Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль
Компьютерная верстка: *В. С. Зинкова, О. А. Сосновская*
Перевод: *О. А. Устюгова*
Зав. редакцией: *И. С. Андрианова*

Подписано в печать 28.09.2018. Уч.-изд. л. 12.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

185910, Российская Федерация
Петрозаводск, пр. Ленина, 33
Тел. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
Сайт журнала в интернете: <http://poetica.pro>